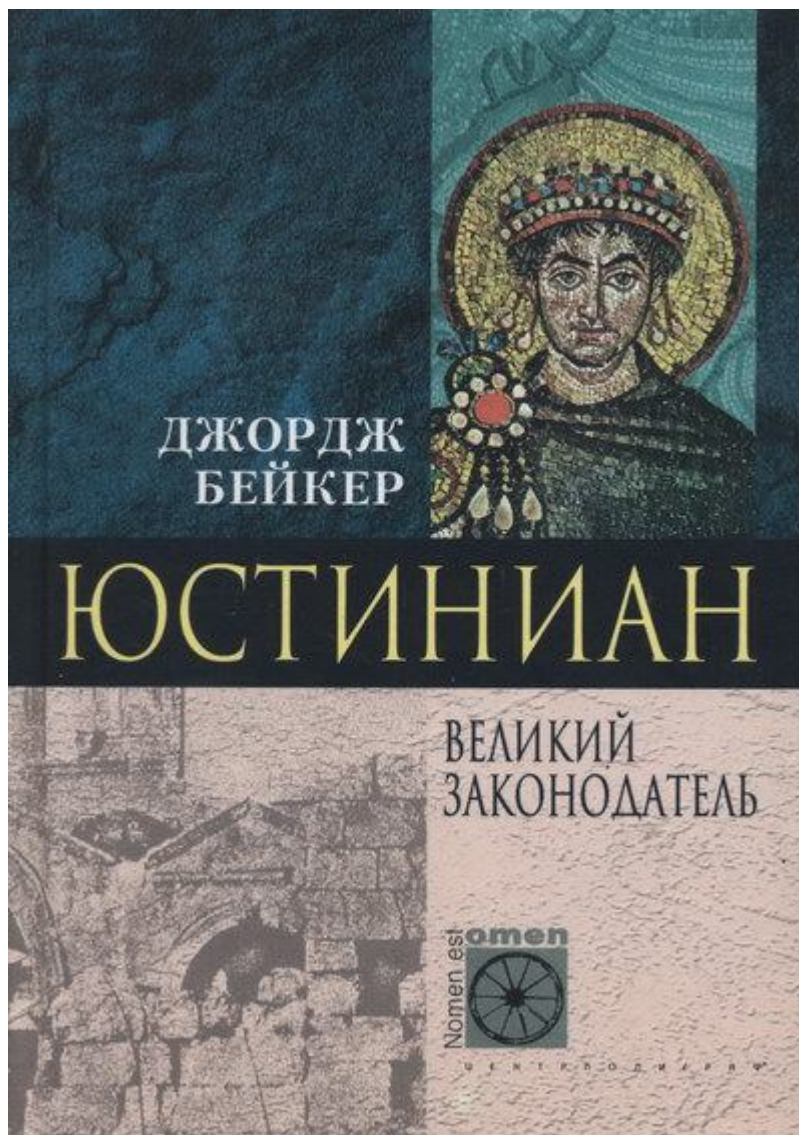

Джордж Бейкер
Юстиниан. Великий законодатель

Scan & OCR - Alex1979. ReadCheck - Alex1979 & Ольга М. <http://oldmaglib.com>
«Джордж Бейкер "Юстиниан. Великий законодатель"»: Центрполиграф; Москва; 2004
ISBN 5-9524-0700-0

Аннотация

В книге Джорджа Бейкера ярко и образно воссоздана сложная атмосфера Византии эпохи реформ Юстиниана Великого. Автор раскрывает сложный образ создателя христианской империи. Показывает колоссальную роль, которую сыграли в истории государства жена Юстиниана — Феодора и преданный им талантливый полководец Велизарий. Подробно рассказывает о культуре, обычаях и великолепном искусстве того времени.

Джордж Бейкер
«Юстиниан. Великий законодатель»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя Юстиниана стало таким же нарицательным, как имена Иосифа, Иуды и Юлия Цезаря. Как и в случае с этими выдающимися людьми, имя Юстиниана стало нарицательным благодаря одной замечательной черте его характера, которая затмила другие причины, по которым личность этого императора может вызвать наш интерес. Юрист знает о великом вкладе Юстиниана в историю права, но тот, кто предпочитает изучать разные стороны человеческого характера и области деятельности, к которым этот характер был приложен, приглядевшись к личности Юстиниана, вдруг увидит, что как человек и муж этот деятель был много крупнее, чем как законодатель. Это была великая личность, чья история может расширить наши представления об идеалах, которым хотят следовать люди, и о делах, которыми они хотят заниматься. Даже в его время находились люди, считавшие, что он был не человеком, а воплощением зла, десницей дьявола. Только человек с очень сильным характером и железной волей может заслужить такой комплимент от врагов. Так как Юстиниан был воистину великим человеком, то он проявил себя во многих областях деятельности.

Он в высшей степени обладал даром, в котором, пожалуй, уступал только Александру Великому: даром объединять и примирять другие сильные личности. Его жена, которую он вытаскил со сцены (некоторые утверждали, что из сточной канавы), была самой замечательной из когда-либо живших женщин. Юстиниан отыскал и воспитал одного из величайших воителей — Велизария, чей военный талант можно сравнить с гением Ганнибала, и одного из самых знаменитых архитекторов Антемия Тралльского, который построил храм Святой Софии. Он привлек к себе одного из самых опытных юристов — Трибониана, который возглавил комиссию, создавшую кодекс и дигесту. Павел Молчаливый и Роман были поэтами, чьи творения не вышли за пределы языка, на котором были написаны; но в лице Прокопия Цезарейского он имел первоклассного историка, запечатлевшего его царствование со всеми приключениями, авантюрами и скандалами. Все эти люди нашли возможность идти к своим целям, объединенные великой идеей Юстиниана создать новую имперскую цивилизацию.

Страницы Прокопия являются самыми живыми и увлекательными из всех источников наших сведений о Юстиниане и времени его царствования. Отчасти достоинства работы Прокопия объясняются тем, что, будучи греком и творя в рамках интеллектуальной греческой традиции, он стал не просто описателем событий. Прокопий обладал греческим идеалом стиля, который создает всеобъемлющее выражение; он видит действия и поступки людей, прозревая за ними глубинные мотивы; он точно передает нам характер, настрой и противоречия, сквозь призму которых нам являются мотивы поступков. Он и сам был человеком, со своими мотивами и противоречиями. Самое интересное историческое занятие — следовать за Прокопием, используя его свидетельства, отбрасывая искажения истины, порожденные его предрассудками, извлекая на свет божий чистую истину. То, что это нелегкая задача, делает изыскание еще более интересным.

В самом начале XVII века произошло одно знаменательное событие. Была открыта работа Прокопия, о которой едва ли кто-нибудь подозревал: его *Anecdota*-Тайная история, которая была немедленно напечатана. Предполагалось, что это сочинение станет девятой книгой «Истории». Книга была написана, но Прокопий так и не обнаружил ее при жизни. Причина такой скромности очевидна. На страницах книги читатель сможет найти сенсационные утверждения, касающиеся императрицы Феодоры и других персонажей того времени, уснащенные такими деталями, какие заставили бы покраснеть Чосера и Рабле. С момента своей публикации эта книга стала предметом спора среди историков. Для этого есть основания, ибо сочинение Прокопия — весьма читаемое исследование, поднимающее множество проблем первостепенной важности. Массовый читатель, как мы знаем, склонен искать в книгах, посвященных Юстиниану и Феодоре, смутные голословные обвинения относительно морального облика императрицы, причем эти обвинения не подтверждаются

доказательствами. Все эти обвинения взяты из «Тайной истории», а подробности не приводятся, так как такого рода детали не было принято в прежние времена публиковать для всеобщего прочтения. Но теперь мы все психологи, поэтому на нынешних молодых людей скандальные откровения «Anecdota» произведут гораздо меньшее впечатление, чем на их викторианских прабабушек и прадедушек. Можно сказать, что за прошедшие пятьдесят лет вера в скандальные пассажи постепенно сходилась на нет, и сегодня ее надо считать совершенно угасшей. Утверждения Прокопия оспаривались и, наконец, были отброшены по двум независимым причинам. С одной стороны, весь опыт человечества, древнего и современного, приводит к заключению, что женщина такого типа, как описал ее Прокопий в своей «Тайной истории», не могла быть исторической Феодорой. Это такое же невероятное утверждение, как то, что Иммануил Кант в молодости был страстным карточным игроком. С другой стороны, каждый, кто изучает Прокопия, вскоре начинает понимать характер этого историка, что помогает осознать, почему упомянутые утверждения были высказаны и почему они являются ложными.

Секрет Прокопия заключается в том, что он был импрессионистом. Это означает, что он мог правдиво и живо передать то, что видел собственными глазами или переживал, но органически не способен понять, когда ему лгут. У Прокопия не было дара интеллектуального суждения; он не мог распознать, истина перед ним или ложь, по их характеристическим качествам или внутренней структуре. Молниеносная интуиция, которая помогает отличить правду от лжи, была не свойственна Прокопию. С широко открытыми от удивления глазами он слушал рассказы остроумных господ, которые за бутылкой вина сообщали ему то, что считали правдой. Прокопий не присутствовал на оргиях Феодоры и не знал, что творится в голове Юстиниана. Все это были сказки, которые он услышал. Он проглатывал их так же, как проглотил рассказы, которые поведал ему некий Синдбад с берегов Персидского залива: о плавающих раковинах и смеющихся акулах. Сколько выпивки проглотил Синдбад за счет Прокопия или сколько получил от него денег, мы не знаем, но определенно можем сказать, что Синдбад был лжец. Таким же был тот «знаток», который поведал Прокопию страшную правду о Феодоре.

Феодора и Юстиниан были не единственными, кто пострадал от рук Прокопия. Он нарисовал фальшивый портрет Хосру, великого персидского царя. Но при всех своих ошибках Прокопий сумел передать нам с небывалой живостью огромное полотно политики и войны, но не сухим языком, а с потрясающим богатством человеческих персонажей, которые осуществляли историю. Даже абсурдные вещи трогают за душу, мы чувствуем, что этот мир не может быть безнадежно плохим, если даже зло и сумасшествие могут быть интересными. Когда он забывает о своих предрассудках, о своей ненависти, о себе и просто описывает историю, развертывающуюся перед его глазами, он воссоздает мир, в котором ему пришлось жить; он передает нам опыт, которым мы (если бы не он) не могли бы в такой мере воспользоваться... Для нас он практически единственное окно в тот мир. В то время, когда британская история была погружена в сумрак периода, прошедшего от битвы у горы Бадон до появления Кевлина Уэссекского, Прокопий рисует яркими красками пламенный рассвет жизни Италии, Африки и окраины Персии.

В дни, когда история часто излагается в виде механистических гипотез, словно действия людей можно адекватно вычислить и перенести в виде графика на миллиметровую бумагу, стоит потратить время на изучение истории эпохи, в которой поразительно силен элемент человеческой личности. Беда заключается не в том, что действия и поступки людей нельзя переносить на кальку. Это можно делать, но после свершившегося факта. Практическая разница между механизмами и личностями заключается в том, что механическое движение можно показать математически до того, как это движение произойдет в действительности, а действие личности можно показать только после события. Личность — это сила, которая постоянно демонстрирует новый закон. Некоторые люди являются большими знатоками характеров, но этот дар основан скорее на телепатии, нежели на опыте.

В истории Юстиниана и Феодоры никто не может отделаться от подавляющего влияния личностей. Каждый шаг в этой истории определен чисто человеческим мотивом и влиянием качеств человеческого характера. Все могло быть по-другому; все и было почти всегда по-другому. Когда Деметрий вместо Неаполя поплыл в Рим или когда Исаак Армянин напал на Остию, они делали такие же обычные вещи, как купить в киоске вместо одной газеты другую. Разница заключается в том, что их поступки изменяли ход истории. Это исключительное чувство опасности и риска составляет половину интереса при чтении истории Прокопия.

Современному человеку особенно полезно читать эту историю, хотя бы потому, что сам он живет в эпоху, в которой личности, как мне представляется, перестали существовать. Сейчас никому не кажется, что индивидуальное действие отдельного человека может изменить историю. Но сама мысль об этом уже изменяет ее течение. Что бы мы ни делали, всеми своими действиями мы все же изменяем историю, хотя немногие из нас доживут до того момента, когда на противоположном конце доски напишут итоговое число.

Юстиниан и Феодора представляют нам первый в истории пример равноправного партнерства между мужчиной и женщиной. Возможно, это самый разительный пример союза ума в высшей степени мужественного с умом в высшей степени женственным. Все, кто их знал, признавали, что факт партнерства был главным и решающим фактом их жизни. Даже современный читатель может найти интересной и полезной эту рабочую модель идеально отлаженного и прекрасно действующего семейного механизма. Феодора была первой феминисткой в новой истории. Если она делала какие-то ошибки, то про нее можно с известной долей уверенности сказать, что Бог думал сотворить ее равной мужчинам.

С теми мужчинами было трудно равняться. Даже если мы примем самое худшее, что говорит о ней Прокопий, то из него мы сможем вывести лишь то, что она делала все со всей силой и страстью, на какие была способна. Он признавал ее красоту, ее очарование, ее ум и душевную твердость. Он давал волю своему воображению только по поводу ее характера.

Из всего сказанного естественным образом следует, что эта книга по большей части основана на сочинениях Прокопия как единственного автора, оставившего нам живое повествование о своем времени. Наша книга следует принципу доверять «Anecdota» за те ценности, достоинства и недостатки, которыми отмечены остальные произведения Прокопия. Если мы решительно отвергаем измышление о Феодоре и сорока юношах, то с полным доверием относимся к сведениям об участии Феодоры в убийстве Амаласунты. Первое — выдумка, последнее — существенная связь в построении верной картины той эпохи.

В то время как Прокопий, подобно Геродоту, Ксенофону или Фукидиду, является автором, рассчитанным на обыкновенного культурного читателя, другие источники по истории Византии того времени представляют материал исключительно для профессиональных ученых или студентов-историков. Исправления и дополнения к заметкам Прокопия взяты из других работ, когда это представлялось мне полезным для рядового читателя. Подготовленные читатели не нуждаются, конечно, в таких указаниях. Особое внимание было уделено взглядам покойного профессора Дж. Б. Бэри, высказанным им в «Истории поздней Римской империи» (1923). Эта работа, в которой суммированы результаты исследований Дана, Хори, Панченко и целой плеяды других ученых, является скорее критической и обзорной, нежели повествовательной. С этой точки зрения эта книга превосходит все другие работы, посвященные исключительно этому предмету, но она не передает (и не претендует на это) связную картину рассматриваемой эпохи и хитросплетение действовавших в то время сил. Сам Бэри признает в предисловии, что при обзорном методе написания исторических книг теряется перспектива. Именно эту перспективу мы находим у Прокопия. Одной из целей написания настоящей книги стала попытка соединить упомянутые достоинства и перспективу Прокопия с существенными деталями, установленными современными исследователями.

Нет нужды добавлять, что есть и другая цель — приспособить к современным

условиям метод Прокопия. Поскольку настоящий труд призван сохранить верные суждения о Юстиниане, постольку в нем предпринята попытка правильно оценить перспективы эволюции процессов, частью которых были жизнь и труды Юстиниана. Развитие политической цивилизации от стадии городов-государств до нового времени представляет собой длительный и неразрывный процесс, который можно описать одной определенной формулой. На карьерах Ганнибала и Суллы мы видим, как отдельные города-государства сливались в сложно устроенные государства и какие проблемы возникали в связи с этим политическим изменением. Мы видим на примерах жизни Тиберия и Константина те влияния, которые создали определенный тип монархии для этих больших государств, уничтожив при этом другие ее типы. На примере жизни Юстиниана можно с необычайной ясностью проиллюстрировать борьбу между старой, зрелой имперской системой и молодой, незрелой системой национальных государств, которые начали зарождаться в Западной Европе. Некоторые из влияний, которые оказали сильнейшее воздействие на европейскую историю в более поздние времена, были отчетливо видны уже в те времена: трудность, с которой столкнулись северные европейцы, пытаясь удержаться в Африке, немногим меньшие трудности сохранения господства над Италией. Даже в правление Юстиниана можем мы видеть первые признаки действия политических факторов, которые со временем стали жестче и острее. Впоследствии складывается система национальных государств, центром которой становится область в Северной Галлии.

Таким образом, эта книга, как и ее предшественники, не является энциклопедией известных фактов, относящихся к предмету ее рассмотрения. Скорее, это попытка найти место Юстиниана в рамках процесса эволюции, контуры которого мы набросали в книге «Суллы Счастливей». Это попытка не столько обсудить или установить какие-то частные детали, касающиеся Юстиниана, сколько с пользой применить те факты, которые с достойной доверия определенностью уже установлены.

Юстиниан.

Изображение солида из Британского музея, на котором представлен портрет императора в среднем возрасте. Скорее всего, монета была отчеканена около 539-го года

Юстиниан в начале правления

Юстиниан в конце правления

Глава 1 ВЫБОР СОРАТНИКОВ

I

Три маленькие, насмерть перепуганные девочки, увенчанные гирляндами, перед которыми огромное пустое пространство, полное света и обрамленное необъятным кругом чужих лиц. В воздухе, наполняя константинопольский ипподром нескончаемым гулом, висит гомон великого множества голосов. Похожий на шум прибора рокот голосов преисполняется нарастающими нотами удивления и недоумения, когда три маленькие девочки падают на колени и протягивают руки в умоляющем жесте.

Их мать, которая вытолкнула дочек вперед, осталась в тени, застыв в ожидании.

Подходит поручитель и начинает говорить, обращаясь к людям, заполнившим ипподром. Не у каждого человека хватит силы голоса говорить так, чтобы его услышали все в громадном пространстве.

Это дети Акакия, служителя циркового зверинца, представителя партии «зеленых». Их мать повторно вышла замуж, но ее новый муж не получил должности служителя. Дети молят партию «зеленых» дать ему работу.

Гул становится громче, он прокатывается по ипподрому и нарастает, становясь устрашающим, ужасающим, отталкивающим. Три маленькие девочки дрожат от страха,

слыша этот громоподобный рев. Партия «зеленых» нашпигована врагами. Они говорят единогласное НЕТ.

Очень вежливый человек подкатывается по песку к поручителю и говорит с ним тихим голосом, а трое несчастных продолжают дрожать.

Поручитель вновь возвышает голос, пока его не начинают слышать в самых задних рядах. Партия «синих» нуждается в слуге зверинца. Эти трое несчастных детей молятся, чтобы их новый отец получил эту должность.

«Синие» просто ждали своего часа. Тот факт, что «зеленые» отказали в прощении, возбудил их интерес к происходящему. Появляется и нарастает новый звук, он еще страшнее и громче, но теперь большинство пальцев поднято вверх и больше людей тянутся вперед, чтобы лучше рассмотреть трех маленьких девочек. Это ДА.

Они спешат назад в тень, на этот раз по левую руку от выхода, там находится портик «синих». Длинное, обставленное колоннами сооружение, где старейшины «синих» решают свои дела. Через этот портик много лет спустя поспешно войдет Велизарий, сопровождаемый толпой своих закованных в железо головорезов. Но сейчас Велизарий еще юноша и служит в легионе «Германия» во Фракии.

Этих трех маленьких девочек звали Комито, Феодора и Анастасия. Феодоре суждено стать императрицей Феодорой, а Комито станет матерью императрицы Софии.

Вот так они впервые стали «синими».

II

Жизнь Юстиниана начинается с Феодоры. Историк описал ее в период полного расцвета императрицы. Маленькая женщина, каких мы обычно видим на греческих вазах: светлое лицо с большими глазами, длинными, загнутыми ресницами и иссиня-черными, волнистыми волосами. Но физическая красота была самым малым из того притягательного, чем обладала эта женщина. Она в полной мере отвечала характеру, который мы можем наблюдать на греческих вазах: живость, ум и очарование, которые гипнотизируют мужчин и заставляют их клясться, что даже обыкновенная женщина — лучшее творение Бога. У нее было чувство юмора, она ловко обращалась с иглой, как и большинство женщин, которым пришлось самим завоевывать место под солнцем.

Вероятно, только в Париже мы можем воочию наблюдать и изучать таких детей и женщин, какой была Феодора. Дети дрессировщика медведей Акакия родились в лицейской среде и выросли в ней. Театральный мир во все времена имел свои изъяны. Он отнюдь не всегда культивирует в своих воспитанниках аскетический взгляд на мораль и нравственность. Но всегда это был веселый, жизнерадостный, умный и возбуждающий мир; для того чтобы преуспеть в нем профессионально, молоденькой девочке надо использовать весь свой ум. Никто и никогда не упрекнул Феодору в том, что ей чего-то не хватало в этом отношении. Ее смертельные враги признавали ее искусство торжествовать. Все, что они могли сказать, это... В нашем повествовании мы коснемся этого немного позже. Прокопий-историк, должно быть, сам был где-то рядом, если так много знал о ней. Хотя вряд ли он высказал истину.

Эпоха, которая видела и оценила знаменитых современных артистов театра, может легко найти гнездо, куда следует «поместить» Феодору. Ее специальностью было озорство и даже лукавство. Сам Прокопий описывает тот способ, каким она потрясла аудиторию очерстевших душой византийских греков. Она умела строить уморительнейшие рожицы. Она не была танцовщицей и никогда не преуспевала в каком-либо виде «серьезного» искусства, но была очень популярна. Прокопий утверждает, что она была слишком популярна: в большей мере, чем он сам!

III

Кажется, с самого начала дочь Акакия была преисполнена решимости стать благородной аристократкой. Одним из способов уйти из низкой профессии был роман с вельможей. Первым важным предприятием Феодоры, как мы можем судить по источникам, стала ее поездка в Египет с Гекеболием, правителем Пентаполиса. Это был значительный рывок в свет из положения дочери служителя циркового зверинца. Но карьера Феодоры в качестве неофициальной жены оказалась короткой. Что произошло, мы не знаем; нам никто об этом не рассказал. Возможно, Гекеболий был из тех, кто охотнее толкает людей вниз, нежели поднимает их вверх. Или жизнь в Египте оказалась скучной. Впрочем, она и сейчас остается точно такой же. Как бы то ни было, их союз распался, и либо Гекеболий выставил Феодору прочь, либо она сама отряхнула прах его дома со своих ног и вернулась в Александрию, откуда направилась домой. Ее поездка по Востоку, кажется, стала весьма прибыльным предприятием. Во всяком случае, она вернулась в Константинополь с капиталом достаточным для самостоятельной жизни; к тому же Феодора изменила свое отношение ко многим вещам. Она сняла дом, купила ткацкий станок и стала разыгрывать Пенелопу, ожидающую возвращения Одиссея. Скорее всего, она и сама не знала, кем окажется этот Одиссей, но, подобно Пенелопе, она ткала и упрямо ждала приезда Одиссея.

Роман Феодоры начался в тот день, когда долгожданный Одиссей, наконец, явился. Он носил имя, которое стало нарицательным во всем западном мире. Прибывшего звали Петр Саббатий Юстинианус, будущий император Юстиниан.

Ее новый друг не был кичлив и высокомерен. Он был рослый сильный парень, энергичный фракийский крестьянин, круглолицый, свежий и склонный к серьезности, как это часто бывает с мужчинами, воспитанными в деревне. Этот мужчина был подвержен некоторой суетливости и отличался беспримерным трудолюбием. Конечно, он был богат. Феодора сочувствовала честной бедности, но сама не испытывала ни малейшей склонности к ее трудностям. Дружба становилась все крепче и крепче. Она в большой степени основывалась на том факте, что провидение в своей неизреченной и бесконечной мудрости редко создает более красивую и дополняющую друг друга пару, чем эти двое. Ей нравилась его солидная надежность, его дар доводить все начатое до конца. Это был человек, который никогда не требовал назад свои деньги и не торговался из-за мелочной сдачи. Он всегда держал слово. В нем не было искр юношеского задора. Когда он был мальчиком, то обычно оставался там, где оставляла его мать. Он сохранил эту привычку и в зрелом возрасте. Эта черта внушает любовь большинству женщин.

Юстиниан никогда не терял интерес к неистовому маленькому чертенку с длинными темными ресницами и острым язычком. Он заплатил ей величайшей любезностью, какой мужчина может заплатить женщине, — пожизненной преданностью. И это была не пустая формальность. Большинство деревенских мужчин любят получать шестнадцать унций за фунт, и если Юстиниан расплачивался монетами со своим собственным изображением, то мы можем быть уверены, что он получал назад стоимость этих денег.

Вся их дальнейшая жизнь показала, что узы, все крепче связывавшие их, были отнюдь не поверхностными и мимолетными. Это не была безрассудная страсть представителя золотой молодежи к хористке.¹ Он был вполне способен оценить всю силу ее очарования, но отточенное остроумие Феодоры не играло для Юстиниана такую роль, как ее глубокий интеллект и закаленный характер, которые он открыл под покровом внешних блесков остроумия. Феодора чудесным образом отвечала на такое понимание. Чем больше он ценил ее за такие дарования, тем больше они расцветали в его супруге. Она была забавна, когда от нее хотели забавности; но она могла быть великой, когда требовалось величие. Надо было только назвать роль, и Феодора с блеском играла ее.

¹ Юстиниан сам публично дал ей характеристику, которая в то время отличалась некоторой оригинальностью. Выражение «наша в высшей степени благочестивая супруга, данная нам Богом» показывает нам, что мы имеем дело не с классическим периодом, а вступаем в эпоху христианской теории отношений между полами.

IV

Юстиниан был не из тех людей, которые прячут своих возлюбленных в уставленном розами будуаре. Тот дух солидности, который преобладал в нем, придавал ему силы, заставил его принять решение и жениться на Феодоре. Этот дух чистосердечия и решительности, который сделал его великим человеком, способствовал тому, что Юстиниан одержал победу там, где более слабый человек потерпел бы катастрофу.

Задачей Юстиниана было взять дочь Акакия, знаменитую проказницу греческого комического театра, и ввести ее в великий Константинопольский дворец в качестве почитаемой супруги его будущего правителя. Первым человеком, с которым следовало посоветоваться, был, конечно, император.

Благоговение, с каким Феодора взирала на фигуру самодержца Цезаря Юстинуса, благочестивого, победоносного и августейшего, отнюдь не разделял сам Юстиниан, для которого старый господин был дядей Юстином. Старик, который был настоящим светским человеком и мог с трудом нацарапать свое имя, вероятно, не стал бы очень сильно возражать, вздумай Юстиниан ввести свою куртизанку в императорский дворец. Но если речь идет о законной супруге, надо посоветоваться с императрицей Эуфемией.

Много лет назад, задолго до рождения Феодоры, старый Юстин (тогда он был молодым Юстином) вместе с двумя товарищами покинул родную деревню Бедериана близ Ускуба. Это был обычный жребий всех младших отпрысков, для которых на родине не нашлось земли. С сумками на плечах они прошли около четырехсот миль по горам и равнинам до золотого града Константинополя. Люди такого сорта всегда требовались в императорскую гвардию. Тридцать лет Юстин, одетый в серебро и сталь, простоял навтыжку в присутствии императора, а все свободное время проводил в праздности или играл в кости с себе подобными в передней императорских покоев. Он дорос до начальника императорской стражи и стал сенатором. Но пальцы его так и не приобрели надлежащей ловкости в письме; от него не было никакой пользы, если требовался умный совет или составление документа.

Хотя сам Юстин так и не стал образованным человеком, он хорошо понимал преимущества образования. Он был не так глуп, чтобы терять время на приобретение даров, которыми по возрасту уже не смог бы воспользоваться. В его голове созрел лучший план. Его сестра Вигиланция была замужем за человеком по имени Саббатий, который жил в соседней деревне Дардании в Таурезиуме. У нее было двое детей — Петр и Вигиланция. Юстин послал в деревню за мальчиком Петром. Старый гвардеец, а ныне аристократ и сенатор имел кучу денег. Петр получил образование, какое Юстин дал бы собственному сыну. Все лучшее, что можно было купить за деньги, и все, что мог произвести Константинополь (в те времена лучшее в мире), сформировало ум и характер Петра. Никогда еще образование не имело дело со столь благодарным человеческим материалом.

Петр и Юстин отлично поладили между собой; племянник полюбил и всегда оставался верен своему красивому, курчавому старику дяде и своей тете Эуфемии. Своим везением он был обязан тому факту, что Эуфемия была бездетна. Во время одной из войн ее взяли в плен и выставили как рабыню на невольничьем рынке. Юстин влюбился в нее и женился. Их отношения были прозаичными и счастливыми, напоминая те, которые складываются в семье преуспевающего строительного подрядчика, женившегося на своей кухарке.

Юстин выразил свое хорошее отношение тем, что официально усыновил своего племянника, который по римскому обычаю взял после усыновления имя Юстиниан в благодарность своему новому отцу. Несколько позже мы увидим, при каких обстоятельствах Юстиниан стал императором. Старик с большим удовольствием играл роль величества, а Юстиниан и партия молодых образованных людей занимались за него императорскими и государственными делами. Все они были мужчинами, а Эуфемия знала, что мужчины редко критикуют старую женщину, если она соблюдает по отношению к ним обычную вежливость.

Серьезная проблема возникла после того, как Юстиниан обрушил на голову своей

тетки страшную новость: он хочет ввести в тишайшие покои императорского дворца самую соблазнительную чертовку Константинополя, жемчужину сцены, красотку с длинными ресницами, чьи порочные глаза сразу разглядят, что за болезнь подтачивает несчастную Эуфемию. Как она могла снести такое?

V

Юстиниан не стал настаивать на своих желаниях. Только после смерти Эуфемии он осуществил свой план женитьбы на Феодоре. Представляется, что император не стал возражать. В конце концов, он был человеком, которому могла понравиться такая женщина, хотя, конечно, не в качестве жены. Со своим идеалом устройства домашнего быта Юстин больше тяготел к типу трудолюбивой прачки.

Никто не потрудился составить подробную хронику свадьбы Юстиниана. Мы находимся во мраке неведения относительно того, когда и где² имело место это торжество. Но дошедшие до нас детали брачного контракта и описание дома Феодоры проливают свет на идеи и чувства, которые владели нашими героями.

Прежде всего, оба считали главным обеспечение экономической независимости Феодоры. Еще до свадьбы Юстиниан передал ей значительные суммы денег, но вскоре после того, как она стала его законной супругой, наследник императора решил, что Феодора должна получить пожалования в более надежной форме — землей. К этому были солидные и хорошо обдуманые основания. Если бы он решил держать ее при себе как игрушку, то дохода одного супруга вполне хватило бы на них обоих; но если их супружество станет союзом и равноправным партнерством, тогда каждый из них должен обладать независимыми источниками постоянного дохода.³

То, что они планировали воплотить в жизнь такую идею, с определенностью следует из брачного договора: Феодора получала намного больше того, что требовалось ей на заколки и одежду, даже если принять во внимание, что она становилась женой наследника императорского трона. Эти деньги должны были обеспечить Феодоре возможность стать активным действующим лицом на политической сцене, которое располагает достаточными средствами для решения любой задачи. Это была совершенно новая идея. Ни одна женщина прежде (включая будущих императриц) не получала обеспечение в согласии с таким принципом.

Принцип, воплощенный в жизнь Юстинианом для нужд Феодоры, оказал замечательное воздействие на экономическое обеспечение брака. До самого недавнего времени эту идею не принимали даже в принципе. Брачный договор Феодоры стал первой моделью экономического обеспечения брака между равноправными партнерами.

VI

До своей женитьбы Юстиниан занимал дом, известный как дом Хормидаса, стоявший на берегу моря между южной оконечностью ипподрома и водами Пропонта. Очевидно, именно здесь началась его семейная жизнь. Дом стал знаменитым позже, когда его назвали домом Феодоры; в разных источниках мы будем встречать упоминания о нем. Должно быть, Юстиниан с самого начала был намерен передать его в собственность Феодоры. Кроме того что это было мощное, хорошо укрепленное здание, оно располагалось поблизости от бухты Буколеон, поэтому имело выход к морскому причалу.

² Наиболее вероятным представляется 536 год, то есть за год или немного меньше до смерти Юстина.

³ Прокопий приводит свидетельство именно такого духа партнерства, цитируя слова Феодоры: «Мой муж никогда ничего не предпринимает, не посоветовавшись предварительно со мной».

Хотя брачные обязательства и этот дом Хормидаса означали, что Феодора стала для Юстиниана партнером и помощником, готовым лицом к лицу встретить опасности, сопряженные с таким положением, было неразумно подчеркивать концепцию равноправия. Ввести Феодору в императорский круг означало то же, что ввести в персонал фирмы нового сотрудника. Прежде всего, было необходимо расположить к себе и заручиться симпатиями значительного числа влиятельных людей, чья поддержка была жизненно необходима Юстиниану. Этому правилу он следовал вплоть до смерти Юстина и своего избрания на императорский трон. Как только восхождение на престол было обеспечено, новый император занялся устройством собственных дел.

Две силы необходимо было расположить к себе. Первой такой силой была армия. В те дни войско не представляло той опасной силы, как раньше, когда оно по собственному почину назначало и свергало императоров. Но армия по-прежнему оказывала большое влияние на течение событий. Военачальники мало интересовались нравственностью бывшей актрисы, но их мог смутить любой намек на создание бабьего царства. Юстиниан, не будучи сам солдатом,⁴ должен был проявлять известную осмотрительность и осторожность в отношениях с войсковыми командирами. Гражданский император неизбежно навлек на себя критику со стороны военных.

Другой силой была церковь. Эта сила, при прочих равных условиях, была важнее, чем армия. Епископы обладали легальной властью над провинциальными наместниками, могли налагать на них взыскания, обладали правом критиковать их и сообщать императору об их действиях. В то время как наместники были изолированы друг от друга, епископы проводили в жизнь общую политику церковного синода, поэтому представлялись более полезными союзниками и были весьма опасны как противники. Как мы увидим дальше, Юстиниан возлагал большие надежды на их поддержку. Если бы епископы выступили против Феодоры, зло было бы непоправимым. Отсюда следовала жестокая необходимость проследить, чтобы ничего не произошло без согласия церкви. К счастью, у Феодоры были твердые религиозные воззрения. Она была монофизиткой,⁵ а Юстиниан ортодоксальным христианином, но это не имело решающего значения. Для целей Юстиниана великолепно подходило и монофизитство. Епископы этого направления были довольны тем, что такая женщина достаточно образованна, чтобы понять глубокие истины, которые они яростно отстаивали от нападков своих противников. Если возникали какие-то возражения, относящиеся к прошлому Феодоры, от них просто отмахнулись. Враги церкви всегда призывали ее к веротерпимости, так стоит ли обвинять епископов в том, что они проявили добродетель, которую они могли бы проявлять чаще.

Когда наступил решительный момент и умер Юстин, то ни армия, ни церковь не посчитали Феодору помехой притязаниям Юстиниана на трон, не возникло никаких возражений и со стороны общественного мнения, глашатаи которого, очевидно, ничего не слышали о скандалах, о которых много времени спустя тайно писали враги Феодоры. У них была возможность высказать хотя бы одно возражение. Юстиниан правил с момента своего усыновления дядей, поэтому его хорошо знали. В течение шести месяцев до смерти Юстина он был регентом, обладавшим всей полнотой императорской власти. Когда началась последняя болезнь Юстина весной 527 года, сенат формально потребовал от него назвать наследника. Юстин назвал своим соправителем Юстиниана, и 4 апреля в большом зале дворца патриарх Константинопольский торжественно возложил императорскую диадему на голову Юстиниана. В Дельфаксе состоялся парад императорской гвардии, здесь же

⁴ Прокопий приводит свидетельство именно такого духа партнерства, цитируя слова Феодоры: «Мой муж никогда ничего не предпринимает, не посоветовавшись предварительно со мной».

⁵ Монофизиты (гр.) — приверженцы богословского учения, признававшие в Христе божественное начало, но не признававшие его человеческую ипостась. (Примеч. ред.)

состоялась торжественная церемония провозглашения нового августа. Обычно такая церемония проходила на ипподроме, где мог высказать свое мнение «человек с улицы». Если эта часть торжеств была опущена, то нигде не зафиксировано, чтобы кто-нибудь высказал недовольство по этому поводу.

В течение четырех месяцев новый император и его императрица испытывали на себе пристальное внимание света. Первого августа Юстин умер. Старый солдат умер не от гражданской болезни, а от старой раны в ноге, которую когда-то неправильно лечили. После его смерти дочь дрессировщика медведей Акакия, обожаемая звезда комической сцены, стала первой женщиной империи.

VII

Как только барьер был преодолен, Юстиниан стал проводить более независимую политику. Хотя многие оспаривают такое положение, обладание формальной и легальной властью дает большие преимущества даже тому, кто много лет до этого правил тайно. В течение многих лет Юстиниан контролировал огромные доходы. Теперь он мог не считаться ни с одним человеком в империи, и это изменение сразу бросилось в глаза современникам.

Существовали имперские имения, которые согласно старой традиции становились собственностью императрицы. Это домовладение было настоящим государственным учреждением, приносящим большой доход. Владение с его доходами перешло в руки Феодоры, и стараниями Юстиниана оно было значительно увеличено против традиционных норм. Она стала очень богатой и независимой женщиной. Дом Хормидаса также перешел в пользование Феодоры. Дом был перестроен в соответствии с требованиями нового положения, наступала новая эра. Стена императорского дворца была удлинена и скрыла дом. Должно быть, Юстиниан думал о себе и Феодоре, когда утвердил строительство двух домовых церквей, расположенных на территории обновленного дома Хормидаса и соединенных общим двором. Одна церковь представляла собой базилику старого типа, а вторая (восьмигранное, увенчанное куполом здание) была выстроена в новом стиле, вероятно, Антемием Тралльским, который украсил творение монограммами императора и императрицы и соединил их надписями, которые существуют по сей день. Базилика символизировала собой старый Рим; октагональное⁶ здание всем своим видом было устремлено в новую, нарождающуюся Византию. Базилика исчезла, а восьмиугольное здание новой церкви сохранилось до сих пор.

Будь Феодора знатного происхождения, она запросто могла бы ходить в рубище и культивировать демократию. Но дочь Акакия не могла позволить себе столь рискованный шаг. Этикет ее двора был невысказанно строг и не позволял даже тени усмешки по адресу бывшей фаворитки сцены. Неукоснительно соблюдалось почитание при личном обращении к особе императора, а приветствовать ее надо было распростершись на полу. Владения Феодоры подчинялись дисциплине, которую, насколько нам известно, ни разу не нарушили ни мятежи, ни измена. Феодора обладала большим даром насаждения дисциплины, чем Юстиниан, который, хотя и одобрял строгий этикет, остался в глубине души крестьянином, который запросто общается с соседями. Мы почти не знаем имен его слуг. Они остались неизвестными для нас, какими были и для своих современников. Но что они были умелыми и способными людьми, видно по их деятельности. Благодаря дару, которым обладала Феодора, — дару строгой и эффективной организации, она стала до конца дней «интеллектуальным ведомством» и «детективным бюро» своего супруга. Она знала все. Все новости, прежде всего, достигали ее ушей, она держала в руках нити всех интриг, в любом месте у нее были верные агенты. Юстиниан не мог не знать, что она не всегда и не все рассказывает ему. Иногда она полагала, что лучше знает, что надо делать. У Юстиниана не

⁶ Восьмиугольное. (Примеч. ред.)

было сил укротить независимость Феодоры; вероятно, эта независимость была частью заключенной между ним сделки. Хороший муж, у которого есть хорошая жена, плотно зажимает глаза, когда ему велят это сделать.

VIII

Она вела жизнь, которая ей нравилась, к которой она привыкла: гладкая, шелковая кошачья жизнь. Но кошка яростное и упрямое животное, такой была и Феодора. Она любила поспать; в своей спальне она проводила большую часть времени. Некоторым людям лучше думается в постели. Она поздно вставала, долго принимала ванну и одевалась. Ее туалеты были тщательно выполнены; они иногда не слишком соответствовали моде, которой Феодора жертвовала ради здравого натурализма и простоты. Но эта простота отступала на задний план перед удивительной и чудесной аурой, дополнявшей личность этой женщины. Она не соблюдала никаких диет, ела и пила то, что ей нравилось. Возможно, она была слишком нервной, чтобы много думать о плоти.

Она любила море и несколько месяцев в году проводила время на его берегу. Поскольку челядь жаловалась на трудные условия такой жизни, постольку мы можем заключить, что слугам приходилось вести там здоровую, наполненную трудом жизнь. Юстиниан построил дом в Пифии, где всегда бывало жарко в весенние месяцы. Именно в это время года туда отправлялась Феодора.

Ее жизнь ни в коем случае не была посвящена эгоистичной роскоши. Феодора была одной из первых женщин, проявивших интерес к социальным вопросам. Более того, она была первой, кто придал этим вопросам явно феминистский оттенок. Вообще, ее отношение к представителям мужского пола можно назвать критическим. Совершенно очевидно, что ей не нравились многие привычки и образ мыслей «венцов творения» в то время; более того, представляется, что она не думала бы, что наше время хотя бы немного исправило старую модель. Она поразила современников созданием приюта спасения для девочек, способствовала принятию закона, который запрещал торговлю женщинами, позаботилась об изгнании людей, осужденных за такую торговлю. Все расходы по принятию этого закона она оплатила из своих личных средств.

Она была настоящим женским лидером: каждая женщина, если это было в ее силах, могла обратиться к Феодоре с жалобами на свои горести и беды. Если мужья или другие люди не всегда одобряли вмешательство императрицы, она всегда была готова отплатить полной мерой за такую враждебность. Многие из мужей находили более безопасным не мешать Феодоре.

Было невозможно, чтобы у Феодоры не завелось бы великого множества непримиримых врагов. Но она никогда не извинялась перед ними и не пыталась их задобрить; она всегда ограничивалась тем, что наносила ответный удар.

IX

Феодора была непревзойденным гением по части организации и дисциплины, гений Юстиниана заключался в умении распознавать гениальность в других. Сам он был одаренной личностью, ибо ни один человек не может оценить в других тех качеств, которых лишен сам. Однако величие его правления и слава его личности зиждились на деяниях людей, которых он избрал и поднял из прозябания и безвестности. Он продемонстрировал этот дар тем, как выбрал себе жену. Он продемонстрировал его в подборе поразительного сонма талантливых людей, какими окружил себя: Иоанн Каппадокийский, его первый министр; Трибониан, канцлер, автор «Свода гражданских законов»; Велизарий, его главнокомандующий; Антемий Тралльский, его архитектор; Павел, его поэт; Прокопий, его историк. Это были люди с ярко выраженной индивидуальностью, обладатели высокого ума. Трибониан был эллинистом, то есть приверженцем старой религии; он принадлежал к типу

людей, которые, если их занимает какой-либо предмет, предложат слушателю целый набор аллегорических и символических объяснений по этому вопросу. Это был не тот человек, который с готовностью поверит в реальность происходящего, если Пан на рассвете заговорит с ним из густого кустарника. Это имело для него малое значение. Трибониан был тихий, спокойный человек, который будет редко появляться на страницах этой книги. Большую часть времени он проводил в своем кабинете и занимался проверкой и обработкой материалов для свода законов.

Антемиус происходил из очень одаренной семьи; у него были братья, не менее блистательные и оригинальные, чем он сам. Если те знаменитые интерьеры, которые он проектировал, имели хотя бы отдаленное сходство с убранством его внутреннего мира, надо полагать, что этот архитектор жил в прекрасном, залитом солнцем, большом и чарующем мире, украшенном чудесными картинами. Он явился родоначальником второго великого этапа греческой архитектуры; более, чем кто-либо, наложил отпечаток на возникшую позже византийскую цивилизацию, на ту редкую и строгую красоту, которая ее отличала. Этот человек мог бы прожить жизнь и умереть в полной безвестности. Юстиниан оказался тем человеком, который дал ему возможности, место и, главное, деньги. Мечты стали явью по слову Антемия, и некоторые из них стоят до сих пор.

Из этого сонма ярких личностей, хотя некоторые умерли раньше него, Юстиниан потерял только одного человека — то был Иоанн. Но произошло это из-за того, что, идя своим путем, он не мог не столкнуться с интересами Феодоры и пострадал из-за последствий этого столкновения. Иоанн, как он сам подчеркнул, был человеком, который обеспечивал империю деньгами. Другие люди могли быть украшателями и романтиками, они могли делать свои работы привлекательными для глаз, писать великолепные книги или произносить чудесные зажигательные речи. Но Иоанн был главным из них, так как своим тяжким трудом он добывал деньги для того, чтобы чудные вещи стали возможными. Он давал деньги и был необходим.

Х

Юстиниан открыл Иоанна в самом начале своего правления, когда тот работал мелким чиновником в военном ведомстве. Какие-то его слова привлекли внимание Юстиниана. Казна была тогда в ужасном состоянии: нужен был человек, у которого хватило бы сил и решимости реорганизовать и оживить всю систему сбора податей и налогов и который обладал бы умом административного реформатора. Юстиниан поговорил с Иоанном, и тот сразу поднялся на несколько ступенек вверх по служебной лестнице. Он оправдал свое выдвижение, получил соответствующий ранг и аристократическое достоинство, чтобы на равных общаться с великими мира сего. Спустя три года Иоанн стал преторианским префектом, или, выражаясь современным языком, занял пост премьер-министра. Его работой стало приведение в действие государственных механизмов.

Хотя их связывали тесные узы симпатии, редко можно было встретить двух более несхожих между собой людей, чем Иоанн и Юстиниан. Император был холодным, даже аскетическим человеком, высокообразованным по меркам того времени, он обладал не столько религиозными воззрениями, сколько религиозным темпераментом. Иоанн был рослым, массивным, грубым и задиристым мужланом с телосложением землекопа и характером морского капитана. О его книжной учености говорить не приходится, ее просто не было. Он никогда не испытывал колебаний и обладал (в Константинополе того времени это было большой слабостью) полной неспособностью отступить. У него был устремленный только в одном направлении ум, и этим направлением было только вперед.

XI

Спустив с цепи Иоанна Каппадокийского и натравив его на ведомство сборов и

податей, Юстиниан совершил поступок, которого ему не простили многие подданные. Иоанн, если можно так выразиться, схватил ведомство за шиворот, сильно его встряхнул и заставил работать. Любая система, будь то византийское налоговое ведомство или современный прокатный стан, заработает, если, как это сделал Иоанн, взять ее за ухо и рывком поставить на ноги. Иоанн проводил реформы сообразно своему пониманию требований государства, не прислушиваясь к желаниям заинтересованных лиц. Полагая, что содержание имперской почты не оправдывает себя, он упразднил ее, вызвав ропот людей, которые привыкли пользоваться этим благом. Имя Иоанна обрастало сказочными легендами. Богатым и влиятельным неплательщикам налогов, которым в прошлом удавалось уходить от уплаты, скрывая истинные доходы, было предложено явиться на допрос в префектуру. Беседа с Иоанном оказывала на них неизгладимое впечатление. Поговаривали о подземных темницах Иоанна, куда мирмидоны префектуры бросали закованных в тяжелые цепи злостных неплательщиков налогов. Вероятно, во многих случаях для острастки хватало только взгляда на эти узилища. Налоговые чиновники испытывали по отношению к своему начальнику немногим более дружеские чувства, нежели его жертвы. Филарис, Циклоп и Бриарей — только некоторые из его кличек. Очевидно, он не обращал на них ни малейшего внимания. И если в некоторых случаях неплательщиков, доходы которых в течение многих лет были занижены, вынуждали завышать их, до этого Иоанну не было никакого дела.

Поскольку почти все сведения, которыми мы располагаем относительно Иоанна, исходят от его врагов, то его фигура, естественно, рисуется самыми мрачными красками. Его друзья, скорее всего, поведали бы нам другую историю. В течение многих лет он пользовался доверием и расположением Юстиниана. Реформы Иоанна часто оказывались необходимыми и полезными. Он не всегда ограничивал себя и время от времени пользовался своими официальными привилегиями. Не стоит обращать внимания на рассказы о его неграмотности. Он был одним из многих преуспевающих деловых людей того времени, которые «едва умели читать и писать». Если бы он жил в наши дни, то он, несомненно, играл бы в гольф и ездил на мощной, дорогой машине. Имея диктофон и хорошую стенографистку, он мог бы не беспокоиться о таких отвратительных и скучных вещах, как ручка и чернила. И никому не пришло бы в голову смеяться над его неумением правильно употреблять «эти проклятые артикли». В то время Иоанн, диктуя своим секретарям, сделал гораздо больше, чем все серьезные константинопольские джентльмены своими витиеватыми писаниями.

Но врагам Иоанна было что сказать о нем, кроме этого. В его обычае было (как они утверждали) спешно заканчивать все дела, чтобы заниматься обычным дебоширством. Здесь оправдательные свидетельства намного слабее. Похоже на то, что Иоанн был чревоугодник и, возможно, изрядный пьяница. Весьма вероятно, что он был большим любителем женского пола. В его старомодном отношении к женщинам, которое было окрашено в восточные тона, надо искать естественное объяснение его вражды с Феодорой, закончившейся плачевным результатом.

XII

Люди такого мощного и раблезианского типа, каким был Иоанн, прокладывавший путь с присущей ему энергией и наперекор всем препятствиям, не принадлежали к характерам, которыми Юстиниан окружал себя с большей охотой. Но нет никаких сомнений, что император любил Иоанна. Намек на некоторые общие вкусы, позволившие этим двум людям сблизиться, содержится в речи, которую Прокопий вложил в уста Иоанна. Хотя возможно, что эту речь сочинил или украсил сам Прокопий. Согласно Прокопию, Иоанн сказал Юстиниану следующее: «Добрая вера, которую ты проявляешь по отношению к своим подданным, позволяет нам искренне высказываться по поводу всех дел, представляющих общественный интерес; даже если ты не соглашаешься с нашими замечаниями. Ты пользуешься властью с подобающим разумением; не всегда поощряешь человека, который говорит то, что ты хочешь услышать, и не всегда одобряешь слова человека, который готов с

тобой спорить. Ты можешь честно оценить обе стороны, и мы всегда бываем удовлетворены твоим суждением. Зная, что это так, я готов проводить такую политику, которая, быть может, не придется тебе по нраву сейчас, но позже ты убедишься в моей верности».

Прокопий был явным врагом Иоанна и скрытым врагом Юстиниана; но приведенный отрывок подчеркивает великодушие и терпимость, которые были характерны для их отношений. Историк неоднократно приводит свидетельства такой характеристики Юстиниана. С императором было легко разговаривать; он не отказал ни одному человеку, который желал поговорить с ним. Не бранил он людей, не искушенных в тонкостях придворного этикета. Можно подумать, сетует по этому поводу историк, что император робок и застенчив, как овца. Иоанн Малалас рассказывает о человеке, обвиненном в изменнической клевете. Подсудимого привели к Юстиниану. Просмотрев обвинительное заключение, император порвал его и сказал: «Ты прощен за свое преступление против меня. Молись, чтобы тебя так же простил Бог». Такой человек мог понять и оценить Иоанна Каппадокийского.

Мы будем иметь большее представление о характерах Иоанна и Юстиниана, лучше поймем подоплеку приведенной истории, если отметим те пределы, до которых распространялась терпимость Юстиниана. Иоанн не любил Феодору и не одобрял ее действия. Он искренне высказывался по этому поводу и отстаивал свое мнение перед лицом ее супруга. Иоанн был не из тех людей, которые скрывают свои чувства или придерживают язык. Он ни разу не отказался от своего мнения, никогда не пытался задобрить императрицу или наладить с ней дружеские отношения. Феодора всегда знала, о чем говорил с ее мужем Иоанн, и это приводило ее в неопишемую ярость. В течение многих лет Юстиниану удавалось не допускать, чтобы его лев и тигрица вцепились друг другу в глотки. Как мы увидим в дальнейшем, им все же удалось добраться друг до друга, и это привело к разрушительным последствиям. Но Юстиниану удавалось долго поддерживать худой мир, причем сам он не поддавался предубеждениям по отношению к Феодоре или Иоанну.

XIII

Прокопий не рассказывает нам, что говорил императору Иоанн Каппадокийский. Но поскольку в других местах своего повествования он сообщает о многочисленных скандальных фактах из прошлого Феодоры, то можно предположить, что эти истории послужили материалом для измышлений Иоанна. Иоанн был преторианским префектом, и у него были большие возможности для ознакомления с прошлыми похождениями Феодоры. Он мог изобрести те подробности, которых не нашел, составить целую библиотеку историй в раблезианском духе. Поскольку Иоанн интриговал против императрицы (как о том говорит Прокопий), у него был сильный мотив для сочинения подобных рассказов.

Истинная ценность этих скандальных историй будоражит умы всех изучающих историю с момента опубликования «Anecdota» Прокопия. Возможно, наш взгляд на них несколько изменится, если мы изначально примем, что эти измышления служили орудиями политической игры, затеянной Иоанном для уничтожения влияния Феодоры на мужа. В этом случае падение Иоанна предстает перед нами в совершенно ином аспекте. При таком взгляде надо допустить, что эти истории были не сплетнями и слухами, а прямыми обвинениями, которые доводились до сведения Юстиниана. При этом сам император не отказывался от дружеского расположения и продолжал доверять Иоанну и оберегать его.⁷

Феодора была уверена, что Иоанн замышляет захват императорского трона. Он хотел убрать ее с дороги и потом в одиночку расправиться с Юстинианом. Прокопий тоже пишет об этом в своей «Истории». Мы не можем судить, насколько это соответствует

⁷ Если все эти истории исходят от Иоанна, то мы имеем полное объяснение тому, что они стали известны Прокопию, человеку, вхожему в узкий императорский круг, и остались неизвестными другим историкам.

действительности, но легко поверить в то, что Иоанн советовался с прорицателями, которые (кто честно, а кто лживо) очень высоко оценивали его шансы. Он будет, утверждали они, носить мантию августа. Бедный старый Иоанн!

Он не питал никаких иллюзий относительно Феодоры. Описания Иоанна, который нервно озирается, прежде чем запереть за собой дверь спальни, очень живо запоминаются всем, кто читал Прокопия. Настанет день, когда она поквитается с ним! Но пока Иоанн предусмотрительно заглядывает перед сном под свое ложе.

XIV

Но в действительности ум Юстиниана был занят идеей, по сравнению с которой все обстоятельства и люди играли вспомогательную, подчиненную роль. Феодора и Иоанн, Трибониан и Антемий имели значение постольку, поскольку служили воплощению этой идеи. Они все были нужны императору; он примирял и обуздывал их с тем, чтобы они выполняли свои предназначения: он не мог обойтись без них.

Давайте рассмотрим суть и природу этой идеи; программу политики или план кампании, ибо в ней разворачивалась драма, которую можно назвать трагикомедией под названием «правление Юстиниана». Эту кампанию провели люди, руководимые чисто человеческими мотивами; но они действовали в пьесе, о масштабе которой, в большинстве своем, не имели ни малейшего представления.

Глава 2 ПЛАН КАМПАНИИ

I

Как императрица Феодора извлекла принципы своей политики из уроков, полученных на сцене, так и юный Петр Саббатий, сменивший родные горы на классы и библиотеки Константинополя, находился под впечатлением правил, навсегда запечатленных в его мозгу. Изучение римского права и римской истории только укрепило молодого человека в том мнении, что все величие, какое ему пришлось увидеть, и есть сама цивилизация.

В опыте любого молодого человека того времени не могло быть ничего такого, что могло бы подсказать ему, что цивилизация многолика и сложна, что она может обладать не только ценной традицией. Но та эпоха не могла предложить какой-то национальный опыт подобного рода. Один только переезд из Таурезиума в Константинополь должен был наложить на разум молодого человека неизгладимый отпечаток подавляющего превосходства римской цивилизации. Чтобы как можно лучше изучить историю и природу цивилизации, надо было принять ее единство и целостность. Другой цивилизации просто не существовало. «Рим» был наименованием одной-единственной традиции цивилизованной жизни.

Само римское право являлось неоспоримым свидетельством справедливости этой истины. Существовала только одна система юриспруденции, и только одна могла существовать. Если и была возможна другая юриспруденция, человеческий ум был не в силах представить ее себе. Есть только одна истина, одна логика, одна математика; на этом основании можно утверждать, что есть одно право и, следовательно, одна цивилизация.

Этот факт, приложенный к человеку, который его принимает, вынуждает действовать в соответствии с ним. Если человек почитает мир, упорядоченное государственное правление, общую для всех юстицию, просвещенную религию, мудрое образование и наслаждение наследием искусства, то он обязан восстановить повсеместную власть Римской империи. Нет сомнения, что другим людям не удалось это сделать из-за неблагоприятного течения событий. Но Петр явился в счастливый момент. Время и место благоприятствовали ему. Его

путь был хорошо подготовлен, и судьба отошла в сторону, чтобы посмотреть, с чего он начнет.

II

За шесть лет до рождения Петра Италия перестала быть местом пребывания римского императора. Эадвеккер, вождь ругов, свергнул с трона Ромула Августула и начал править как король Италии. С этого времени константинопольский император остался единственным римским императором.

Этот любопытный результат получился вследствие великого процесса. Войны и миграции, имевшие место из-за движения на запад гуннов, заставили северные народы Европы двинуться в ее южные пределы. Подобное нашествие однажды уже произошло, но в тот раз Южная Европа поглотила или уничтожила пришельцев. Но за сто лет до рождения Петра Европе пришлось столкнуться с новым положением дел, и это положение оказало сильное влияние на ее способность ассимиляции чужаков. Этим фактором стало возникновение северных королевств.

Когда готский король Ирминрих трансформировал племенную монархию готов в монархию политическую, он совершил революцию, которая позволила готам завоевать большую часть Северной Европы и сохранить завоеванное в течение ста лет непрерывных войн и переселений народов. Пример Ирминриха оказался заразительным, ему начали следовать. Север стал местом возникновения множества похожих монархий, основанных на такой же модели. История их отличалась большим разнообразием, и этому разнообразию было суждено стать еще более ярким в недалеком будущем. Но в то время, когда Петр был еще ребенком, эти королевства позволяли северным народам сохранять свою целостность перед лицом гуннского движения, которое гнало их на юг и запад. Готы осели в Испании и Дакии, избежав как уничтожения, так и ассимиляции. Англы, заселившие Британию, и франки, заселившие Галлию, доказали, что их общественная организация сильнее римской провинциальной системы государственного устройства. В Африке вандалы стали грозными завоевателями, а не толпой беспомощных беженцев. В любом месте, где появлялись пришельцы, их королевства позволяли им успешно сопротивляться римскому правительству. Современный историк, наблюдающий состояние Западной Европы во время юности Петра, видел, что Римская империя стала одной монархией из многих подобных. Для римского гражданина такое понятие было невозможным. Эти королевства, осуществлявшие свою власть в пределах границ империи, были, с точки зрения римского гражданина, незваными пришельцами, незаконными и разрушительными силами, которые не имели никакого права находиться там, где находились, а их короли не имели ни малейшего права притязать на то, чтобы называться цивилизованными правителями.

Трудность заключалась в том, чтобы придать этому взгляду практическую силу. Действительное положение вещей заключалось в том, что вандальские и готские короли были личностями, обходиться с которыми приходилось с весьма большим уважением. Любое обращение, в котором они улавливали намек на неуважение, приводило к самым неприятным результатам. Власть римских императоров на Западе становилась все более ограниченной. В конечном итоге они превратились в правителей одной только Италии.

Что было еще хуже, их положение осложнилось последствиями политики императора Феодосия Великого. Феодосий допустил в римское войско цвет знати северных племен. В дни его внуков германцы стали обладать в управлении Италией большей властью, чем сами италийцы. Императоры не только были постепенно вытеснены из Испании, Британии, Галлии и Африки; германцы завоевали господствующее положение в самом имперском правительстве.

Хотя константинопольские императоры находились в географическом отношении дальше от северных королевств, им также грозила опасность германского проникновения в имперское правительство. Императоры становились бесправными ставленниками

могущественных германских приближенных. Не надо быть гением, чтобы представить неизбежный результат этого процесса. Настанет день, когда германским вельможам надоест провозглашать императоров, и в этот день в Италии и Константинополе прервется долгая традиция римского правления. Северные короли станут править по собственному усмотрению.

III

Когда умер император Марциан, надо было быть очень смелым человеком, чтобы предсказать другой конец Римской империи. Но в этот момент была совершена роковая ошибка. Совершил ее Аспар, глава германской партии в Константинополе. Ошибка заключалась в том, что он оказался плохим знатоком человеческих характеров. Аспар полагал, что один из его воинских командиров, дак по имени Лев, окажется подходящей личностью для провозглашения его очередным карманным императором. Лев был провозглашен императором и оказался долее сильным человеком, чем Аспар. Эта ошибка коренным образом изменила дальнейшее течение истории.

Заняв трон в то время, когда власть Рима достигла самого низкого уровня, Лев сумел избежать неизбежного поражения, подготовленного его хозяевами и соперниками. Льву удалось восстановить мощь имперской военной касты. Он выстроил силу, независимую от германцев. Материалом послужили исаврийские племена, обитавшие в Малой Азии, отчаянные сорвиголовы, которые чувствовали себя как дома в обстановке интриг и сражений. Именно из этих людей он создал своих знаменитых экскубиторов. Итальяскому императору приходилось дрожать в присутствии своих хозяев. Лев, имея в передней нескольких играющих в кости исаврийцев, мог не дрожать ни перед кем.

Но Лев не только укрепил свое положение. Он вторгся в Италию, чтобы восстановить власть западных императоров. Мало этого, он пошел еще дальше. Лев попытался уничтожить власть новых королевств. Главным объектом атаки он выбрал королевство вандалов в Северной Африке.

Основанием для такого выбора послужило то, что вандалы, как карфагеняне до них и мавры после них, могли превратить Африку в базу опасных морских сил, господствующих в Западном Средиземноморье и не дающих восточным купцам торговать на западных рынках. Мало того, эта сила могла угрожать своим проникновением в Восточное Средиземноморье. Новые королевства мало сочувствовали торговому классу империи, с большой подозрительностью взирали на космополитический дух торговли. Влиятельные меркантильные круги были на стороне Льва, и Лев принял это в расчет.⁸

Если бы Льву удалось победоносно завершить войну с вандалами, то Западная Римская империя не пала бы никогда. Но на пути Льва выросло несколько серьезных препятствий. Организационно он был не готов к выполнению такой грандиозной задачи. Гайзерих, король вандалов, был человек, отмеченный печатью подлинной гениальности. Кроме того, сыграла свою роль тайная измена. Согласно рассказу историков, Аспар полностью осознавал, к какому результату приведет победа Льва, и преисполнился решимостью предотвратить ее. Он предложил передать императорский трон Василиску, свойственнику Льва. Аспар использовал все свое влияние, которое имел над Василиском, чтобы убедить того в чрезвычайных трудностях и вероятной неудаче африканского похода, в том, что такая неудача даже желательна. Преуспев в этом, Аспар заручился поддержкой императрицы, чтобы она убедила Льва назначить командующим экспедиционными силами Василиска.

Мы не знаем, насколько правдива эта история, но экспедицию действительно возглавил

⁸ В то время практически вся торговля в Средиземноморье была сосредоточена в руках восточных купцов, главным образом греков. Подавляющее превосходство в платежах римской монеты подтверждает это в отсутствие других доказательств.

Василиск. Римляне были вооружены, организованы и оснащены лучше, чем когда-либо за всю историю Римского государства. Оказал помощь и западный император Антемий. Неудача казалась невозможной, и до определенного этапа каждый шаг похода увенчивался успехом. Но королевство вандалов не пало. Потерпев поражение на море, чувствуя, что катастрофа близка, Гайзерих сумел добиться от Василиска пятидневного перемирия. Эти пять дней Гайзерих потратил на подготовку кораблей-брандеров,⁹ которыми он в последний раз атаковал римский флот. Великий поход закончился бесславно, полной катастрофой и поражением. Престиж вандалов вырос, а германская партия в Италии стала еще более могущественной и влиятельной, обеспечив прочность своих позиций. Поражение Василиска позволило германцам противостоять всем усилиям Льва восстановить власть италийского элемента. Сам Лев был на краю банкротства, но три года спустя ему удалось физически устранить Аспара.

IV

После того как внук Льва несколько месяцев правил империей, его сменил на троне его зять, исаврийский вождь Таразикодисса, командир корпуса экскубиторов, принявший более благозвучное и цивилизованное греческое имя Зенон. Восшествие на престол Зенона означало, что из восточной части империи германцы были вытеснены. Им оставалось только собрать чемоданы. Исавриец, вкусивший императорского достоинства, не собирался уступать. Соперничество переместилось в Италию. Здесь германцы, избалованные чередой непрерывных успехов, почувствовали себя настолько сильными, что решились на кардинальный переворот. Эадвеккер, свергнув Ромула Августула и покончив с династией римских императоров в Италии, отправил знаки императорского достоинства в Константинополь. В его намерения не входило самому становиться императором, он не желал даже быть независимым суверенным правителем. Он планировал стать вице-королем, субрегулом с римским титулом магистр милитум и с достоинством римского патриция под юрисдикцией константинопольского императора.

Должно быть, Зенон провел в тишине своих покоев немало часов, размышляя над этим предложением. Притязания Эадвеккера на то, чтобы иметь все преимущества и никакой ответственности правящего суверена, присваивать девяносто девять процентов доходов и отпугивать предприимчивых франков и алеманнов своим вассалитетом по отношению к римскому императору, были великолепны, и Зенон, видимо, должным образом оценил их. Он обдумывал положение несколько лет, в течение которых не раз пускался на разные уловки, и, наконец, нашел хороший ответ. Остготы, поселившиеся в Иллирии, были постоянным источником хлопот и неприятностей для правительства. Зенон поручил их юному королю Теодориху вторгнуться в Италию, свергнуть Эадвеккера и занять его место на тех же условиях, то есть без притязаний на императорский титул. Если Теодорих потерпит неудачу, большой беды не будет. Если поход увенчается успехом, то у Зенона будет вассал, всецело подчиняющийся его диктату. В любом случае две варварские силы так или иначе ослабят друг друга.

План увенчался успехом. Теодорих был выдающимся человеком, который вошел в историю как один из лучших северных королей, создавших в Европе национальные государства. Учение Нагорной проповеди было не слишком сильно представлено в тех средствах, которые Теодорих использовал против Эадвеккера. Ранние шаги восхождения Теодориха показывают, что в то время его знакомство с этой частью Священного Писания было весьма ограниченным. После жестоких сражений готы овладели Италией. Но когда послы Теодориха прибыли в Константинополь, чтобы официально оповестить императора об

⁹ Брандер (голл.) — судно, нагруженное горючими веществами, которое пускали по ветру или течению на вражеские корабли. (Примеч. ред.)

успехе, они не нашли в столице Зенона. Империей правил уже другой август.

Ариадна, дочь Льва, вышла замуж за Таразикодиссу, чтобы угодить отцу. Когда Зенон умер, она вышла замуж повторно, чтобы угодить самой себе. На этот раз ее выбор пал на высокого красавца, благородного командира дворцовой стражи по имени Анастасий. Ее выбор, который поддержало бы подавляющее большинство женщин, не смог избежать критики в некоторых кругах. Достоинством Таразикодиссы было то, что он представлял антигерманскую военную касту — экскубиторов. К религии он проявлял полное равнодушие, а новый император по своим религиозным взглядам был монофизитом. Этот факт оттеняет несколько истин, проливающих свет на природу развернувшейся в то время борьбы.

V

Петру Саббатю было девять лет, когда на императорский трон взошел Анастасий. Мальчик был уже достаточно взрослым, чтобы понимать значение истории, которая разворачивалась на его глазах.

В то время как Лев и Зенон занимались задачей искоренения германского элемента в Константинополе и сражались с ним в Италии, они не обращали слишком пристальное внимание на природу происходящих в Италии процессов. Рим, практически переставший быть политической столицей, пережил второе рождение в качестве столицы религиозной. Чем больше погрязали германцы в поисках путей воздействия на детали поведения подданных, тем в большей степени патриарх Рима захватывал в свои руки принципы, на которые опиралось это поведение. До тех пор пока император находился в Риме, папа не мог претендовать на главенствующее положение в стране. Но папская власть стремительно усилилась, когда император стал послушной марионеткой в руках германской партии. Западные императоры съезжились и исчезли с политической сцены; с началом правления Анастасия до всех дошла поразительная истина: светский глава империи пребывает в Константинополе, а духовный — в Риме. Империя начиналась с образования единого центра. Затем центров стало два. Наконец, центры приобрели различные свойства. Что будет дальше?

В действительности произошло следующее: общественное мнение империи стало проявлять недюжинный интерес к вопросу примирения двух центров власти. Рим, даже в дни великой республики, на высоте своего военного могущества всегда жаждал духовной власти; он всегда довольствовался установлением законов, не заботясь об их исполнении. Греки с самого начала отметили эту характерную римскую черту. Теперь, когда власть исполнения закона перешла в другие руки, древний римский инстинкт — держать мир в узде закона — проявился с особой силой.

Поле деятельности оказалось весьма обширным. Если власть не достанется Риму, то найдется немало охотников, готовых захватить ее. Здесь не место ставить, тем более обсуждать богословские вопросы. Каждый претендент был связан не столько с религиозными, сколько с политическими проблемами.¹⁰ Когда Несторий, константинопольский патриарх, выдвинул свою доктрину, он высказал претензию на духовное господство от имени Константинополя. Когда Кирилл Александрийский добивался церковного осуждения Нестория, это была попытка утверждения духовного господства Александрии. Преемник Кирилла Диоскур почти преуспел в этом начинании, когда защитил ортодоксальность аббата Евтихия, сторонника монофизитов, на «соборе разбойников» в Эфесе. Папа Лев I вступил в эту драку, вооружившись теоретической доктриной, которая заведомо должна была стать популярной в глазах западных христиан. Император Марциан, сочувствовавший этой доктрине, стал союзником папы. На церковном соборе в Халкедоне Евтихий и монофизитство были осуждены, Диоскур низложен, а Рим продемонстрировал свою способность найти такую формулу, с которой может согласиться большинство христиан. То, что римское толкование оказалось подходящим, мы можем видеть даже сейчас, когда его придерживается большинство верующих христиан современного мира.

Триумф в Халкедоне сделал папу крупным церковным монархом, лидером христианского общественного мнения. Никто не сомневался в том, что отношения папы с Анастасием взаимно укрепляют их позиции. Даже тот факт, что Анастасий был иноверцем, играл на руку папе, ибо в противном случае его духовная власть оказалась бы ненужной.

С уверенностью можно утверждать только одно: разногласия между двумя центрами цивилизации едва ли могли способствовать делу цивилизованного человечества. Если антагонизм двух центров сохранится, то антицивилизация затопит цивилизованное человечество.

VI

Вся юность и начало зрелости Петра прошли во время правления Анастасия. Чтобы в полной мере воспользоваться плодами образования, его надо получить в юном возрасте. Путешествие Петра в Константинополь и начало его жизни там едва ли приходится на период позже 500 года. Петру было тридцать шесть лет, он давно стал Юстинианом к моменту смерти Анастасия. Можно сказать, что к тому времени становление Юстиниана уже завершилось.

Юстин никогда не отличался большим умом или предприимчивостью. Весьма вероятно, что все обстоятельства, вознесшие его на императорский трон, были плодом трудов Юстиниана. Старый Юстин, скорее всего, спокойно бы умер в звании префекта, но племянник услышал зов судьбы и проложил себе путь к власти, воспользовавшись дядей. Первым шагом было обеспечить избрание Юстина. Следующим шагом надо было сделать себя его преемником.

Принципом, которым были пронизаны вся жизнь и деятельность Юстиниана, стала

¹⁰ Эти вопросы рассмотрены кратко и изящно в «Истории Византийской империи» Дила. Обобщая, можно сказать, что арианство было доктриной новых северных королевств, возникших на территории империи, монофизиты нашли себе сторонников среди носителей сирийско-египетского национализма, а католицизм со временем стал знаменем римского владычества.

доктрина целостности цивилизации и идентичность ее с Римской империей. Следовательно, он был религиозным ортодоксом. Можно сказать, что он в полной мере принял догматы веры, с помощью которых христианское исповедание, пережив череду императоров и церковных соборов от Константина до Никеи, стало универсальным, объединив принципы и воплощения, причины и следствия в одну всеобщую цивилизацию. Христианская вера представляла собой идеологическую теорию Римской империи. Именно политическая сторона дела обусловила недюжинный интерес императоров к христианству. Будь христианство всего лишь философией — простым объяснением, — императоры не обратили на него ни малейшего внимания. Никому из них не пришло в голову законодательно обосновать, например, неоплатонизм... Действительным предметом их пристального интереса стало свойство христианства как функции цивилизации. Христианство было принципом и средством управления человеческим поведением. Отсюда убеждение в единстве и всеобщности цивилизации неизбежно повлекло за собой убеждение в единстве и всеобщности церкви. Этот подход исключал существование таких еретических и миноритарных течений, как монофизитство. Самой природой обстоятельств молодой Юстиниан был вынужден противостоять взглядам Анастасия, и мы знаем, что так и было в действительности.

Но Юстиниан действовал изнутри, а не извне. Когда комес Виталиан поднял мятеж против Анастасия, Юстиниан был далек от мысли поддержать его. То, что решающая роль в поражении Виталиана принадлежала Юстину, говорит о том, что Юстиниан посоветовал дяде поддержать законного императора, невзирая на монофизитство последнего. Юстиниан желал получить титул абсолютно легитимным путем. Политика состояла в поддержке монофизитского императора во имя того, чтобы он мог, как того требовало право, передать свой титул законно избранному преемнику.

Анастасий умер бездетным и при жизни не назвал своего преемника. Неизвестно, осознавал ли он, что присутствие на троне следующего монофизита станет политической ошибкой, но после себя он оставил чистое пространство, допускавшее избрание императора на основе общественного мнения. Среди прочих кандидатов Юстин отнюдь не был самым блистательным. Более того, он не был даже более или менее важной фигурой. Его избрание стало следствием череды хорошо продуманных интриг, которые, несомненно, не были плодом его собственного труда. Шаг за шагом обстоятельства складывались таким образом, что Юстин оказывался все ближе и ближе к трону. Самым важным фактом было то, что он приходился дядей Юстиниану, хотя в то время мало кто так думал.

VII

Среди кандидатов на императорский трон были трое племянников Анастасия — Проб, Помпей и Ипатий, — которые, впрочем, не пользовались энергичной поддержкой. То же самое можно сказать и о Феокрите, человеке, которого проталкивал великий канцлер Амантий. Эти три человека начали, если можно так выразиться, предвыборную гонку; но, как мы увидим в дальнейшем, ни один не добрался до финала, когда проводились настоящие выборы. Великий канцлер, считая, что у Юстина нет ни малейших шансов быть избранным, обратился к нему с предложением соединить усилия и избрать Феокрита. Экскубиторы могли повлиять на результат, и Амантий дал Юстину значительную сумму денег, чтобы тот справедливо распределил их среди экскубиторов. Юстин, очевидно, не стал возражать.

9 июля 518 года начались выборы. Экскубиторы и школяры вместе с большим количеством прочей публики собрались на ипподроме, который был достаточно велик, чтобы вместить всех, кто должен был принять участие в выборах. Среди гражданских лиц находились вооруженные стражи «синих» и «зеленых». «Синие» — люди Юстиниана. Здесь присутствовал и сам Юстиниан с отборными гвардейцами. Сенаторы, члены имперской консистории и патриарх, одетые в серое, собрались в большом зале дворца. Обе части электората приступили к работе независимо друг от друга, чтобы назвать имя кандидата,

который устроил бы всех. Дверь, отделявшая дворец от ипподрома (Ворота слоновой кости), была заперта и охранялась офицерами императорской стражи.

Совещание во дворце открыл магистр официорум, государственный секретарь, глава императорской администрации. Он посоветовал участникам собрания как можно скорее прийти к согласию относительно желаемого кандидата и назвать его раньше, чем это сделают люди на ипподроме. Собрание стало осторожно выдвигать имена кандидатов. Поначалу ни один из них не смог собрать достаточного количества голосов, чтобы быть названным.

Эта декоративная процедура бледнеет перед тем, что творилось в это время на ипподроме, где собрались избиратели низших сословий. Только атмосфера современных американских предвыборных митингов может дать отдаленное представление о том накале страстей, которые кипели на трибунах ипподрома. У экскубиторов был наготове их кандидат, некий командир по имени Иоанн. Солдаты подняли Иоанна на щит, не ожидая таких пустяков, как всеобщая поддержка, и начали стучаться в дверь дворца, требуя, чтобы Иоанну вынесли императорский пурпур. Сторонники «синих» высказали свое несогласие. Началась потасовка, полетели камни и обнажились мечи. В некоторых местах пролилась кровь. Несколько человек были убиты, прежде чем страже удалось водворить порядок. Школяры не остались в долгу и, предложив своего кандидата, тоже принялись стучать в Ворота слоновой кости. Экскубиторы возражали столь энергично, что Юстиниану пришлось вмешаться, чтобы спасти жизнь новоявленному претенденту. Офицеры, охранявшие ворота, резко отклоняли любые поползновения получить пурпурную тунику. Как только на месте споров появился Юстиниан, экскубиторы взяли его в плотное кольцо и провозгласили своим кандидатом. Он отклонил такую честь, и Ворота остались закрытыми. Таким образом, экскубиторы и школяры выдвинули по одному кандидату, причем один был отвергнут всеми, а второй «синими». Пока все шло хорошо, почести оказывались легко и никто не мог пожаловаться на нарушения.

Участники собрания во дворце не видели того, что происходило на ипподроме, но до их ушей, вероятно, доносился стоявший там неистовый шум; и присутствовавшие во дворце не оставались в полном неведении относительно тех имен, которые выкрикивал низший электорат. Для собравшихся во дворце проблема свелась к тому, чтобы выдвинуть из своей среды кандидата, который оказался бы приемлемым для ипподрома. Несомненно, надо было спешить, пока ипподром единогласно не избрал неподходящего человека. Высокое собрание остановило свой выбор на человеке, имя которого еще не упоминалось, но который объединит голоса экскубиторов и «синих». Имя этого человека Юстин.

Его торопливо повели к ипподрому. Собравшаяся там толпа, все еще занятая спорами, была поражена, увидев, что отворилась дверь Кафизмы, резиденции императора, выходящая к беговым дорожкам ипподрома. Перед толпой стоял человек, имя которого назвал сенат: Юстин.

Стон школяров потонул в неистовых радостных воплях экскубиторов и «синих». Офицеры стражи, стоявшие у Ворот слоновой кости, вежливо улыбаясь, поспешили к нему, неся с собой императорское облачение и регалии. На Юстина надели пурпурную тунику и алые башмаки. Патриарх возложил на его плечи императорскую мантию, увенчал его голову императорской диадемой, а слуги первыми официально приветствовали Юстина как нового императора. Ему вручили копьё и щит, и все собравшиеся речитативом произнесли электризирующие слова провозглашения: «*Justine Auguste, tu vincas!*»¹¹ Он ответил словами императорского коронационного ритуала: «С этой поры, волей и выбором всемогущего Бога и вашим единодушным выбором и поддержкой, я беру в свои руки империю, и да не покинет нас помощь Божественного Провидения». Толпа ответила хоровым речитативом: «Сыне Божий, не оставь его своими милостями. Ты избрал его, да сопутствуют ему милости твои».

¹¹ Юстин Август, ты победил! (лат.)

Наконец, произнеся торжественные слова коронационной императорской клятвы, он провозгласил свою милость. «Чтобы отпраздновать начало моего счастливого правления, жалую по пять кусков золота и фунт серебра на каждый щит». Прозвучал мощный ответ толпы: «Боже, храни христианского императора. Так говорит каждый из нас». Новый император закончил церемонию словами: «С вами Бог», после чего была выстроена процессия, сопроводившая императора в собор Святой Софии, а потом обратно во дворец.

Так случилось, что Юстин стал императором по предложению сената и при полном одобрении армии и народа. Титул остался значимым и законным.

VIII

Формальное избрание Юстина было, по существу, избранием Юстиниана. Последний, нося титулы управителя дома и воинского начальника, стал фактическим правителем империи. Старик, вооруженный золотой дощечкой с прорезью, через которую он писал свое имя, аккуратно подписывал все документы, которые клал перед ним племянник, и дела пошли отлично.

Уже первые шаги нового правления дали понять, какую политику будет проводить Юстиниан на протяжении следующих почти пятидесяти лет. Извещая папу о своем избрании, император вынужден приписывать его не только воле сената, народа и армии, но и милости неделимой Троицы. Этой фразы оказалось достаточно для того, чтобы к императору отнеслись как к ортодоксальному христианину. Комес Виталиан, с которым Юстин сражался по приказу императора-монофизита, был призван в Константинополь, чтобы принять участие в проведении новой политики.

Когда 1 августа началась официальная переписка с Римом, все нити власти были уже в руках Юстиниана. Император делал все, что желал. Патриарх стал его верным союзником, армия всецело была на его стороне, а «синие» партизаны контролировали общественное волеизъявление. Последовавшие длительные переговоры между императором и папой по сути представляли собой попытку достижения согласия между двумя разьединенными частями империи. Очень важно отметить факт, что переговоры начались по инициативе императора. Папа был не готов ломать голову над возникшими проблемами, идти на уступки ради достижения соглашения. Вся тяжесть труда по прокладке пути к миру легла на плечи Юстиниана в Константинополе.

Семь месяцев спустя, 25 марта 519 года, в Константинополь прибыли папские легаты. Они не привезли с собой искреннего энтузиазма, их инструкции были краткими и исчерпывающими. Энтузиазм был проявлен со стороны императорского двора. На десятой миле от столицы легатов ожидала торжественная встреча. Навстречу легатам выехали Юстиниан, Виталиан и другие высокопоставленные персоны, приветствовавшие посланцев папы медоточивыми речами.

Пленарное заседание двух сторон сразу показало, что римские легаты привезли с собой форму приведения императора в повиновение. Этот пункт был тщательно рассмотрен константинопольской стороной и принят. 27 марта патриарх проглотил горькую пилюлю и превратил голую формулу подчинения папской церкви в личное письмо, в середину которого были вкраплены необходимые фразы. В конце концов сошлись на том, что имена пяти константинопольских патриархов и двух императоров — Зенона и Анастасия — были вычеркнуты из анналов константинопольской церкви.

Доброжелательно настроенные друзья предостерегали легатов, вызвав их тревогу, что если условия будут подписаны, то по улицам Константинополя потекут реки крови. Легаты подписали документ, и ничего не произошло. Это ли не свидетельство гения Юстиниана, который сумел склонить свою партию к такому далеко идущему примирению?

Эти меры, результаты которых затронули весьма ограниченный круг людей в самом Константинополе, далеко не исчерпали всех проблем, связанных с примирением с Италией. Повсюду на Востоке из своих приходов изгонялись монофизитские епископы, закрывались

монастыри, исповедовавшие еретическую веру. В Египте, Палестине и Сирии, где позиции монофизитов были особенно сильны, власть ненавидели, проклинали и открыто поносили. Это надо было вытерпеть. Правительство было достаточно сильным, чтобы проводить в жизнь свою политику. Монофизитство загнали в подполье.

IX

Подъем Юстиниана к вершинам власти никогда бы не удался, если бы он не обращал самое пристальное внимание на возможных соперников и явных врагов. В самом начале правления Юстина были казнены Амантий и Феокрит. Виталиан, гораздо более серьезный конкурент, требовал весьма деликатного обращения. Он помог императору в деле примирения и был вознагражден за это консульством. Подоплека дальнейших событий нам неизвестна, мы доподлинно знаем, что на восьмом месяце своего консульства Виталиан был убит во время ссоры во дворце. Даже если сам Юстиниан не был замешан в этом преступлении, люди, совершившие его, знали, что оно окажется полезным для Юстиниана. Виталиан был из тех людей, которые могут осуществлять власть в ее негативной форме. Он умел мешать и препятствовать, его влияние было столь значительным, что он мог быть достойным противовесом Юстиниану. Тем не менее его реальный вклад в политику был весьма скромным, у Юстиниана было немало разумных мотивов устранить Виталиана.

Но соперника мало было устранить физически, надо еще стереть память о нем, уничтожить его престиж. Для этого Юстиниан в следующем году сменяет Виталиана на должности консула. Год его консульства отличался невероятным блеском. Никогда еще на памяти живших в то время людей не было такого расточительства и столь пышных массовых зрелищ. На эти представления тратились огромные, по меркам старой империи, суммы денег. На арену одновременно выпускали по двадцать львов и тридцать пантер, не говоря о других диких зверях. Возбуждение толпы в тот день было так велико, что произошли волнения, из-за которых пришлось даже отменить финальные скачки.

Таков был Юстиниан, который стал другом Феодоры и, считая ее Пенелопой, охотно разыгрывал роль Одиссея. В то время он был уже на вершине власти и успеха, но еще не пришло время славы и величия. Он был готов выслушать любого, кто мог указать ему новую дорогу к этим вершинам.

X

Положение Феодоры отличалось тем, что она была выходцем из партии «зеленых». Ее несколько преувеличенная верность партии «синих» зиждилась на детском воспоминании сцены на ипподроме и была основой связи с вождем этой партии. Действительно, именно Феодора заставила Юстиниана с большей серьезностью отнестись к своему лидирующему положению в этой, партии. Разница в отношении Юстиниана к своей партии «синих» и отношении американского босса к его организации заключалась в том, что «синие» были конституированной старым законодательством группой населения, напоминавшей национальную добровольческую или гражданскую гвардию. Ее реальная роль становилась совершенно очевидной, когда Константинополь подвергался осаде. Именно в такие моменты становилось ясно, что «синие», «зеленые», «красные» и «белые» — это организации четырех кварталов города, в которых было зарегистрировано все гражданское население города, обязанное принимать участие в коллективных действиях в экстремальных ситуациях. Такие организации, отличавшиеся цветами эмблем, существовали во всех крупных городах империи. Уходивший корнями в незапамятные времена обычай состоял в том, что в мирное время эти организации соперничали между собой, что поддерживало их живой дух и энергию.

Столь активные организации любого вида почти неизбежно вовлекаются в решение самых жгучих вопросов современности. «Синие» и «зеленые» в большей степени, чем

«красные» и «белые», были склонны к увлечениям политическими и религиозными течениями. «Зеленые» были монофизитами и националистами, «синие» — ортодоксами и приверженцами империи. Юстиниан, став покровителем «синих», придал их деятельности более живое и решительное направление. В его правление «синие» стали полувоенной организацией, напоминающей организацию современных фашистов.¹² Целью деятельности «синих» было склонение общественного мнения в пользу Юстиниана. Взамен Юстиниан предоставлял верным и надежным представителям «синих» высокие государственные посты, кормил голодных, навещал больных, а при необходимости обеспечивал вывоз перестаравшихся «синих» в безопасное место, где до них не могла дотянуться суровая длань закона. «Зеленые» по мере сил следовали примеру «синих».

Прокопий оставил нам очень живое описание членов партии «синих», какими он знал их: свирепые, исполненные сознания собственной значимости люди, во всем подражавшие гуннам. Почему они выбрали в качестве образца гуннов, остается загадкой, но факт остается фактом, и Константинополь близко познакомился с типом человека с длинными, ниспадавшими на плечи волосами, могучей бородой и бакенбардами, одетого в рубашку с «дутыми» рукавами. Многие из активных членов партии «синих» носили спрятанное под одеждой оружие, которым при случае могли умело воспользоваться.

Отношения Юстиниана с руководимой им партией «синих» пережили серьезный кризис незадолго до того, как он познакомился с Феодорой. В 524 году Юстиниан серьезно заболел, и в то время, когда он находился между жизнью и смертью, произошел ряд тревожных событий. Люди «синих» при свете дня и большом стечении народа убили в церкви Святой Софии влиятельного человека по имени Ипатий. Дело получило широкую огласку, разразился скандал, о котором было доложено императору. К делу подключились мощные и влиятельные силы, враждебные Юстиниану и партии «синих». Игра стоила свеч. Юстин создал комиссию, облеченную полномочиями, чтобы положить конец опасности, угрожавшей общественному спокойствию.

Вооруженный полномочиями комиссии префект Феодот, правитель Константинополя, воспринял это поручение как приказ искоренить партию «синих». Расследование затронуло всю организацию. Некоторые из руководителей были казнены, другим пришлось скрыться. Выздоровев, Юстиниан обнаружил, что часть его организации разгромлена, часть — рассеяна. В тот момент Юстиниан не стал заниматься поисками организаторов всего мероприятия, он нанес удар по исполнителю. У некоторых подчиненных Феодота были силой вырваны признания, компрометировавшие их начальника. Было доказано, что он превысил свои полномочия, приказав казнить без соблюдения должных процедур человека сенаторского звания. Источник атаки на «синих» можно было предположительно определить по тому, что на защиту Феодота рьяно выступил Прокл, бывший квестором, то есть имперским министром. Но Прокл был слишком слаб, чтобы противостоять Юстиниану. Император изгнал Феодота в Иерусалим, где тому пришлось провести остаток дней, прячась от мести организации «синих».

Этот удар возымел свое действие: действия «синих» стали более осторожными, с их деятельностью больше не связывали ни одного скандала. Такое изменение было обусловлено не потерей власти, ибо падение Феодота парализовало деятельность оппозиции, а партия «синих» продолжала пользоваться поддержкой Юстиниана, но он почувствовал, что дело зашло слишком далеко и выгоднее проводить более тонкую политику.

XI

Это можно также проиллюстрировать влиянием Феодоры, которая изначально

¹² Следует напомнить, что книга была написана в 1931 году, то есть до того, как НСДАП стала в Германии правящей партией.

принадлежала партии «зеленых». В глубине души Феодора продолжала оставаться монофизиткой и националисткой, ценившей греческий Восток гораздо выше неизвестного ей и малопонятного римского Запада. Она имела взгляды, весьма распространенные, если не преобладавшие в то время в Константинополе. Образование, полученное Юстинианом, вооружило его знаниями и преисполнило сочувствием к великой имперской идее Рима, к традиции Августа и Адриана, которой в восточных провинциях придерживались очень немногие ровесники Юстиниана. Подобно большинству женщин, Феодора основывала свои идеи на собственном опыте. Она проехала по юго-восточным провинциям — Египту, Палестине и Сирии, где господствовало монофизитство; ей пришлось зарабатывать на жизнь именно там; она на собственном опыте убедилась, как широко распространена там эта доктрина и какие люди её поддерживают. Представляется, что Феодора весьма сильно симпатизировала этим людям. Главное заключается в том, что ей удалось убедить Юстиниана в том, что политика подавления монофизитства не только невозможна, но и нежелательна.

Юстиниан с трудом поддавался посторонним влияниям и не слишком охотно менял свои взгляды. Но такое изменение исподволь началось с самого начала его знакомства с Феодорой. Постепенно не без ее влияния Юстиниан пришел к мысли о том, что гораздо лучше установить соглашение и союз с монофизитами. Пока был жив Юстин, Юстиниан не предпринимал попыток явно изменять политику правительства здравствовавшего императора. Он ждал собственной коронации, прежде чем начинать переговоры с монофизитскими епископами. Он полагал, что ему удастся найти формулу примирения, под которой смогут подписаться представители обеих доктрин.

Новая политика ставилась в повестку дня в силу событий, которые, вероятно, не были предусмотрены первоначальной программой действий Юстиниана. На дальневосточной — кавказской границе империи резко осложнились отношения с Персией. Мир с Персией не прерывался на протяжении предыдущих двадцати лет. Угроза войны возникла вследствие естественного стремления обеих империй расширить свои пределы. Все шло мирно, пока обе цивилизации расширялись, поглощая территории приграничных варварских племен. Но настал момент, когда, достигнув Кавказа, обе великие империи пришли в непосредственное и весьма неловкое соприкосновение. Юстиниан не желал войны с Персией. Все его интересы были сосредоточены на Западе, в Риме. Трудность заключалась в том, что персы не разделяли смелых прожектов Юстиниана. Они не желали восстановления единой Римской империи на своих западных границах и были готовы сделать все возможное, чтобы воспрепятствовать такому развитию событий. И как легко это было осуществить! Создание угрозы Лазике, стране колхов между Черным и Каспийским морями, было самым недорогим способом отвлечь внимание римского правительства, которое не отважилось бы проигнорировать такую угрозу. Война с Персией, таким образом, превратилась в реальную возможность.

Независимо от того, предпочел бы Юстиниан политику оттяжек и проволочек или решительных действий, ему как воздух была нужна поддержка населения приграничных областей. Его стойкость и верность были главной надеждой правительства.

Однако, по стечению обстоятельств, большинство этого населения исповедовало монофизитство. Примирение с монофизитами, таким образом, стало не только желательным, но и необходимым.

Война с Персией началась в год женитьбы Юстиниана на Феодоре, за год до смерти Юстина и восшествия на престол Юстиниана. Медленно, но верно все более сложными становились политика, которую приходилось вести Юстиниану, и события, с которыми ему предстояло столкнуться и взять под контроль. Теперь ему было необходимо не только добиться воссоединения двух столь различных половин империи, но сделать это в условиях серьезной угрозы с Востока. В тот момент, когда ему довольно дорогой ценой удалось добиться соглашения с папством, Юстиниан был вынужден искать примирения с монофизитами, ставя под сомнение то и другое. Однако присутствие рядом Феодоры оказало

новому императору реальную помощь и поддержку. Они оба стремились поддерживать между собой независимое партнерство. Первым результатом воплощения их плана стало то, что Феодора смогла проводить в отношении монофизитов собственную политику, более смелую, чем та, на которую решился бы сам Юстиниан. В дальнейшем мы увидим, как воплотился в жизнь этот план.

Глава 3 ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ. ДЕЯНИЯ ВЕЛИЗАРИЯ

I

Приближение войны с Персией застало империю совершенно неподготовленной. Старое поколение воинов, к которому принадлежал покойный Юстин, вымирало. Правда, это поколение никогда не отличалось большой боеспособностью, не выдвинуло из своих рядов ни одного великого человека. Это воинство несло службу согласно устоявшимся традициям и тактическим канонам, не проявляя ни стремления к оригинальности, ни тяги к изменениям. Юстиниану надо было внимательно осмотреться. В год своей женитьбы он выбрал двух молодых людей из своего военного окружения и поручил им командование силами на персидской и армянской границах. Одним из этих молодых стратегов был Ситт, муж старшей сестры Феодоры Комито; возможно, что эту кандидатуру предложила сама Феодора. Вторым стал никому не известный фракиец по имени Велизарий, который не пользовался ни славой, ни влиянием. Выбор Юстиниана пал на него только на основании его интуитивного умения разбираться в людях.

Ситт и Велизарий предприняли первый поход в Персию и показали себя достойными командирами. Следующей весной Юстин заболел и объявил Юстиниана своим преемником. А двое молодых людей, горевших желанием повторить прошлогодний успех, были встречены на поле боя опытными персидскими военачальниками и потерпели поражение. Велизарий и Ситт оказались не единственными римскими командирами, попавшими тогда в затруднительное положение. На месопотамской границе командующий римским войском, вступив на территорию Персии, вдруг отступил без всяких видимых причин. Юстиниан, только что ставший императором, сделал разные выводы из двух неприятных эпизодов. Военачальник в Месопотамии был снят со своего поста, и император заменил его Велизарием.

Таков был первый шаг головокружительной карьеры Велизария на поприще военной службы. Велизарию было поручено командование крепостью и гарнизоном Дара. Это был настолько важный пост, что молодому военачальнику потребовался опытный и ловкий политик для решения гражданских административных вопросов. Посланный к нему человек был не кто иной, как будущий историк Прокопий. Во время их встречи миру не было явлено никаких важных знамений; вокруг их голов не засветились нимбы, не сверкнула молния, не загремел гром. Не случилось ничего примечательного, но эти люди обессмертили друг друга. Деяния Велизария, дошедшие до нас в изложении Прокопия, представлены историческим писателем в виде одной из великих книг о приключениях, ряд которых начинается с «Илиады», а в наше время заканчивается эпосом об Аравийской пустыне.

II

Город Дар имел короткую, но бурную историю. Он был построен Анастасием в противовес персидскому городу Нисибису, стоявшему напротив нового города, у самой границы. Нисибис был одним из важнейших торговых центров Месопотамии, его рынок много лет был перевалочным пунктом персидско-римской торговли, поэтому был повод построить там мощную крепость и держать сильный гарнизон. В случае Дара такого повода

не было. Персидское правительство выразило энергичный протест по поводу основания Дара, заявив, что это нарушение всех существующих договоров. Однако Анастасий построил укрепление и своими гарантиями безопасности умерил беспокойство персидского царя. Дар уцелел и стал первым значительным командным пунктом молодого военачальника Велизария.

До этого момента вражда между Персией и империей сводилась к мелким стычкам, последствия которых легко улаживались на месте. Но приказы, полученные Велизарием, грозили серьезным осложнением отношений с Персией. Ему было приказано построить новую крепость в Миндуосе, на самой границе империи, на краю римской территории. Было почти очевидно, что персы воспримут это как объявление войны.

Эти соображения не беспокоили Велизария: в его задачу входило исполнение полученного приказа. Планирование, заготовка строительных материалов и подбор рабочих заняли довольно много времени, но, когда подготовка была завершена, людей и материалы в спешном порядке подвезли к месту, и строительство началось быстрыми темпами. Стены уже были почти готовы, когда персы предъявили жесткий ультиматум. Если строительство не будет прекращено римлянами, то его остановят персы. Велизарий доложил своему императору об этой угрозе. Юстиниан ответил посылкой двух армий из Сирии под командованием братьев Коутза и Боуза. У стен новой крепости состоялась жестокая битва, в которой имперские войска потерпели сокрушительное поражение. Двое представителей высшего командования были убиты, трое, среди них и Коутз, попали в плен.

Персы были очень довольны таким исходом дела и, разрушив новую крепость, отступили в свои пределы. Остаток года Юстиниан посвятил реорганизации. Были набраны новые рекруты; кроме того, заменены многие командиры, служившие в приграничных крепостях. Пока император работал, соблюдая тайну и не открывая своих замыслов. Он поручил командование новой армии Помпею, племяннику Анастасия. Трудно было придумать более нелепое назначение. Мало того что у самого Помпея не было ни ума, ни энергии, он не умел возбуждать в других способность к размышлениям и действиям.

Непригодность Помпея стала очевидной, когда после тяжелой зимы весной 529 года враждебные действия возобновились с удвоенной силой. Арабы в то время были так же предприимчивы, как и в наши дни. Мощные объединенные силы персов и арабов под началом аль-Мундхира, царя Гиры, пришли внезапно, быстро, как песчаная буря, почти достигли Антиохии и ушли так стремительно, что Помпей даже не успел вступить в схватку с ними. Хотя репрессалии и последовали, Помпей был не в состоянии организовать и совершить рейд, подобный набегу Мундхира. Юстиниан на опыте убедился, что сделал неправильный выбор. Следующий шаг показал, что он, наконец, открыл подходящего человека.

Император пошел на дерзкий эксперимент, возвысив безвестного дарского коменданта над тысячами командиров, старших по положению и более опытных в искусстве ведения войны. В один миг Велизарий превратился в начальника всех воинов Востока, по сути верховного главнокомандующего армий на восточной границе империи. Чтобы ограничить власть, полученную Велизарием, на такой же пост в Армении был назначен Ситт. И так, Ситт получил горы, а Велизарий месопотамскую равнину.

Пока правительство отвлекало внимание персидского царя переговорами и дипломатической перепиской, Велизарий покинул Дар и занялся формированием своей первой большой армии. Следующей весной он вернулся в Дар, где встретился с Гермогеном, бывшим одно время военным советником у Виталиана. Гермоген был способным человеком и полезным начальником штаба. На случай, если дела примут дурной оборот, Руфин, доверенный представитель императора, приехал в Гиерополь с полномочиями начать, если возникнет необходимость, переговоры с персами.

Представляется очевидным, что имперская секретная служба знала о приближающемся нападении персов на Дар. Как только подтвердились сведения о приближении персидского войска, Велизарий и Гермоген принялись готовить полевые оборонительные позиции на подступах к городу. Идея, почти наверняка выдвинутая Велизарием, заключалась в том, что сражение надо принять в поле, используя для этого кавалерию и колесницы. Гермоген должен был проследить за тем, чтобы эта опасная идея была воплощена в жизнь со здравым смыслом.

Способ действий был опасен, поскольку персы по численности почти вдвое превосходили римлян. Выбор битвы в открытом поле при соотношении численности девять к пяти говорит либо о безумии военачальника, либо об уверенности гения. В случае гениального решения все должно было закончиться хорошо.

Велизарий начал с нескольких необычных мер. Он разметил и приказал вырыть длинную траншею, разделенную на отдельные секторы и с глубоким выступом в центре ее длины. Эта траншея была оригинальна сама по себе, но Велизарий добавил к этому особый способ построения войск. На левом фланге, за траншеей, но вне выступа, расположились конники под командой Боуза. На правом, тоже за траншеей и вне выступа, кавалерийские подразделения под началом разных командиров. Расположенными в центре должен был руководить сам Велизарий: он также построил воинов за траншеей и выступом, частично перекрыв его. В месте выступа, впереди траншеи, Велизарий расположил четыре корпуса гуннской конницы: два под командой Суника и Айгана слева, два под командой Симмаса и Аскана справа. Такое построение представляло собой как бы вывернутый наизнанку старый способ построения армии перед сражением. Летучий резерв гуннской конницы был выдвинут вперед, за траншею, а главные силы пехоты остались в резерве под прикрытием укрепления.

В войсках царила смесь повышенного интереса и волнения.

Пероз, персидский военачальник, поначалу полагал, что перед ним стоит очень легкая задача. Он направил Велизария издевательское послание, требуя к утру приготовить для него в Даре ванну и завтрак. Однако, ознакомившись с позицией, подготовленной Велизарием, перс раздумал мыться и завтракать. День прошел, и за это время не случилось ничего, кроме мелких, незначительных стычек. Войска проводили часы в томительном ожидании блистательных подвигов профессионального наставника и массажиста, приставленного к армии Боуза. К вечеру армии разошлись, так и не вступив в бой.

Для Велизария это уже была победа. На следующий день к персам прибыло подкрепление численностью десять тысяч человек. Военачальники обменялись ироническими посланиями, но Велизарий не дал выманить себя с подготовленных позиций. Было ясно, что, если Пероз хочет разгромить римскую армию, ему придется атаковать ее позиции. Персу пришлось менять планы, согласуя их с положением сторон. Отсутствие боевых действий на второй день противостояния было связано с тем, что персидские военачальники созвали совет, чтобы решить вопрос о тактике.

Только на третий день началось сражение.

Пероз решил атаковать непрерывным фронтом, держа в резерве еще одну линию войск, которые должны были поддерживать своими действиями сражающуюся шеренгу. Знаменитый ударный корпус персов, «бессмертные», находился в резерве и располагался в ближнем тылу. Когда диспозиция стала ясной, Фар, вождь герульских союзников Велизария, явился к нему и сказал, что его войска использованы не лучшим образом. Фар подчеркнул, что на левом фланге, вне позиций Велизария, находится холм. Фар попросил разрешения обойти холм, затаиться за ним и вступить в битву, когда настанет подходящий для этого момент. Велизарий и Гермоген согласились с этим предложением. Герулы были горячими воинами, но иногда их темперамент перехлестывал через край. Главное — поддерживать в них неугасимый интерес. Если они будут радоваться возможности спрятаться за холмом и внезапно ударить по врагу из укрытия, пусть так и будет. Велизарий подумал бы тысячу раз, прежде чем разрешить регулярным войскам такой опасный маневр, но у герулов, как у

кошек, по девяти жизней в запасе.

Удовлетворенные разрешением, герулы скрытно перешли на новую позицию. Пероз не имел об этом перемещении ни малейшего понятия.

IV

Битва при Даре началась незадолго до полудня. Пероз решил напасть на римлян перед обедом, чтобы заставить врагов сражаться голодными. После яростной перестрелки лучников, которая оказалась не слишком благоприятной для персов, так как ветер дул в их сторону, битва началась всерьез. На правом фланге персов неустрашимые воины племени кадисени атаковали Боуза, преодолели траншею и смяли римский корпус, готовясь с триумфом закончить удар. В этот момент гуннская кавалерия, стоявшая вне траншеи, ударила во фланг кадисени; герулы, обошедшие холм, решили, что момент является самым подходящим, и ударили в другой фланг кадисени. Этот удар оказал решающее моральное воздействие на противника. Увидев, что на них несутся гуннские лучники на колесницах, кадисени смешали ряды и обратились в бегство. Они прошли сквозь строй персов, который вновь сомкнулся, пропустив их. Потери кадисени были, однако, значительны. Пало около трех тысяч воинов.

Пока внимание сражающихся было приковано к правому флангу, Пероз сконцентрировал силы на левом фланге, послав туда «бессмертных» с приказом использовать любую возможность для решительного удара. Разгадав маневр перса, Велизарий и Гермоген приказали гуннским корпусам Симмаса и Аскана приготовиться к атаке, а корпусам Суника и Айгана — быть готовыми поддержать их. Из центра на подмогу к гуннам были посланы летучие отряды. Персы, атакованные на марше, сумели отеснить правый фланг римлян. Пероз совершил ошибку, допустив, чтобы его левый фланг оторвался от расположенных в центре сил: между ними образовалась брешь, сделавшая уязвимыми наступающих. Именно в эту брешь нанесли удар гунны. Они отрезали передовые отряды персов от тыла, проникли к командному пункту персов на левом фланге, откуда персидский военачальник руководил сражением. Суник сам зарубил персидского знаменосца, чем внес растерянность и смятение в ряды противника. Наступавшие персы были немедленно отозваны и поспешно вернулись на исходную позицию. Теперь объектом нападения со всех сторон стали гунны. Они держались с непревзойденным мужеством. Суник убил персидского командира, сбросив его с коня. Когда римляне оправались и построились, они нанесли удар в тыл своим недавним преследователям. Персы повсеместно обратились в бегство. Пало пять тысяч их воинов. Но Велизарий и Гермоген сразу остановили погоню.

Битве при Даре было суждено стать эпохальной. Она показала всему миру, что на свет появился великий тактик, командир, который умеет планировать битву как шахматную партию, военный кудесник типа Ганнибала. Ставка Юстиниана оказалась удачной; он выдвинул и поддержал гения. Весь остаток года персы воздерживались от активных действий в Месопотамии.

Для Юстиниана этот год был в высшей степени успешным и воодушевляющим. Он сумел преодолеть казавшуюся непреодолимой трудность назначения военного руководства. Ситт в Армении также добился впечатляющих успехов, нанеся поражение превосходящим силам персов и захватив две мощные крепости.

В свое время Руфин был послан в Гиерополь с тем, чтобы дипломатическими маневрами помочь римской армии, если дела пойдут плохо. Но эта мера оказалась не востребованной. Теперь Руфин явился к персидскому двору в ином расположении духа, чтобы посмотреть, насколько реально заключение мира на удовлетворительных условиях. Однако старый Кобад, царь царей, человек сильного характера и преисполненный непреклонной решимостью, был не из тех, кто заключает мир из-за одного поражения. Он не желал слышать от своего правительства никаких возражений и предложений, противоречивших его взглядам. В бескомпромиссной форме он настаивал на своем, указав,

что римляне отказываются платить свою долю за охрану кавказских перевалов, хотя от мира на Кавказе римляне получают не меньшие выгоды, чем персы. Кроме того, Кобад высказал претензии по поводу вызывающего поведения империи, которая осмелилась построить на границе город Дар и попыталась возвести еще одну крепость в Миндуосе. Царь царей не изменит своего взгляда, и мир может быть заключен только при условиях: Рим сносит крепость Дар и начинает платить свою долю за охрану кавказских перевалов. При этом Кобад намекнул, что Персия может удовлетвориться одними денежными выплатами. По возвращении в Константинополь Руфин доложил об этом Юстиниану, и тот нашел неуместным платить контрибуцию побежденному противнику; переговоры застопорились.

V

Требовалось нечто большее, чем одна победоносная битва при Даре, чтобы заставить такую державу, как Персия, сменить образ мышления. Пока Руфин вел с Кобадом дипломатические переговоры, человек иного склада советовал царю царей решить проблему военным путем. Аль-Мундхир очень хорошо знал географию Сирии и северных районов Аравийской пустыни. Его план заключался в форсировании Евфрата в нижнем течении и в нанесении удара на север от Пальмиры. Этим маневром удалось бы обойти линию римских крепостей и достичь области, в которой нет ни крепостей, ни полевых армий, способных остановить продвижение персидского войска. Пользуясь внезапностью, удастся легко взять Антиохию. Можно вернуться раньше, чем к Антиохии успеет подоспеть римская армия. Так как переходы в пустыне небезопасны, то аль-Мундхир обещал сам повести войско в поход.

Кобада увлекла такая идея. Он согласился. В соответствии с планом следующей весной персидская армия форсировала Евфрат возле Киркезия и двинулась на север по правому (западному) берегу Каллиника, где пересекла римскую границу. После того как армия прошла короткое расстояние до Суры, в пустыню был выслан экспедиционный корпус. У Барбалисса корпус достиг озера Габбала, оказавшись в шестидесяти милях от Антиохии. Персы были остановлены ошеломляющим известием. В двенадцати милях от них, у города Халкида, находится Велизарий с двадцатитысячной армией! Узнав о приближении противника, он совершил несколько форсированных маршей, чтобы перехватить персов. Пока жители Антиохии собирали вещи и бежали из города, Велизарий вклинился между ним и наступающими персами.

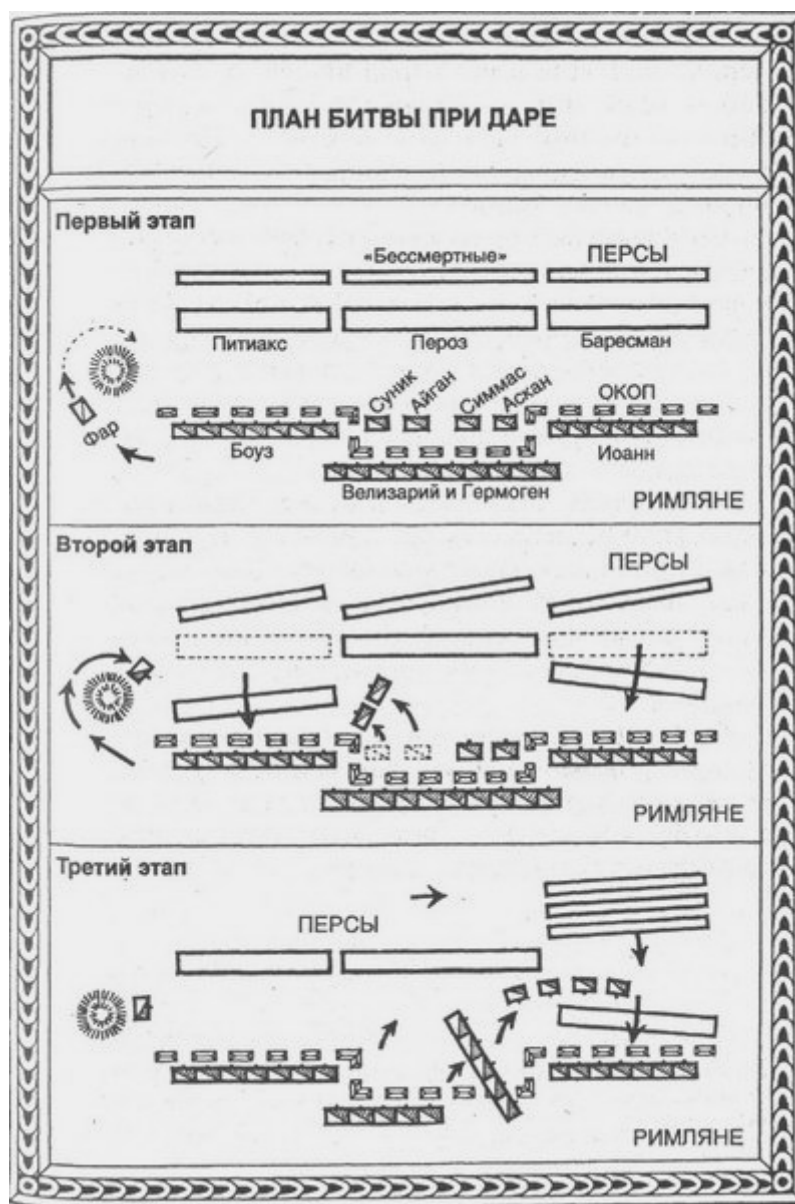
Наступила пауза. Велизарий показал, что умеет не только драться, но и совершать продуманные марши и маневры. Несмотря на репутацию блестящего военачальника, в обыденной жизни Велизарий продолжал оставаться трезвым и скучным человеком. Вот и сейчас в Халкиде он не замыслил ничего героического. Его целью было изгнать пришельцев из страны как можно меньшей ценой в расчете на одну голову. Такое отношение к делу было невероятным для армии, воспитанной на героических традициях в условиях недостатка всего и вся. Воины думали, что Велизарий просто трясется от страха. В особенности гунны, которые не мыслили жизни без героических подвигов и не смогли принять точку зрения своего полководца всерьез. Суник отказался подчиняться приказам. Тот факт, что Велизарий вскрыл суть персидского плана (что его целью была Антиохия), несколько не извиняло начальника в глазах подчиненного ему командира. Вероятно, Велизарий действительно знал о персидских планах все, что ему было нужно. Даже такой влиятельный человек, как Гермоген, испытывал трудности, пытаясь убедить Велизария пересмотреть стратегию. Велизарий был озабочен состоянием дисциплины: укрепление дисциплины было самой трудной и неотложной задачей, которая стояла перед ним. Он не мог воплотить свои тактические замыслы с разноплеменной армией, если она не будет беспрекословно ему подчиняться.

Когда Велизарий медленно двинулся вперед, персы начали отходить к Евфрату. Две армии пошли за ними по пятам. Каждую ночь римляне занимали лагеря, в которых персы провели предыдущую ночь. Оставив Суру, персы совершили короткий марш к Каллинику и

остановились. Теперь им предстоял путь по пустыне, и они решили передохнуть и подготовиться к опасному переходу. Римская армия, продолжая придерживаться своей тактики медленного преследования, наткнулась на персов в тот момент, когда они утром собрались двигаться дальше.

Отдавать какие-либо приказы было теперь бессмысленно. Требовалось воззвать к разуму армии. Гермоген согласился с тем, что битва сейчас нежелательна. Был канун Пасхи, и большинство воинов в соответствии со своими религиозными убеждениями соблюдали пост и будут соблюдать его еще один день. Велизарий созвал армию и обратился к ней с речью. Он сказал воинам, что они ничего не приобретут в случае победы, но зато потеряют все в случае поражения. Он попросил армию поверить в его решения и воздержаться от сражения... Обращение Велизария было принято в штыки. Даже высшее командование не скрывало своего недовольства. Полководец был вынужден дать войску полную волю. Приказ дня был издан.

VI

Он построил армию без затей; у Велизария не было времени и уверенности в том, что его люди сохранят дисциплину. Полководец не мог рисковать. Пехоту, самую слабую часть

своей армии, он поставил на левый фланг, поближе к реке. Вспомогательные сарацинские части находились на возвышении справа, где они противостояли точно так же вооруженным и обученным воинам аль-Мундхира. В центре Велизарий сконцентрировал кавалерию, включив в нее отряд людей, о которых мы скоро услышим, — свою собственную дружину. Диспозиция показала, что полководец больше уповал не на тактические маневры, а на вооружение и боевую выучку воинов.

Сражение вылилось в яростную схватку. Персидские лучники были многочисленнее и быстрее управлялись со своим оружием, но римские стрелки были более рослыми, и луки у них были мощнее. Их стрелы пробивали щиты и доспехи. Никто не смог бы предсказать исход битвы до полудня; потом персы сконцентрировались на своем левом фланге. Опрокинув легковооруженных сарацин, они обнажили правый фланг римлян. Результатом стало полное окружение римского войска. Войска на этом участке, многие из них были новообращенными христианами из Малой Азии, были измотаны битвой и длительным постом. Несмотря на чудеса доблести, проявленные гуннами, которые сражались как тигры и умирали, не выпуская из рук мечей,¹³ правый фланг был смят и опрокинут, а все, кто уцелел, были сброшены в реку. Увидев, что погиб Аскан, Велизарий понял, что его ожидает. И тогда римский полководец отдал приказ выпрячь из колесниц коней и выпустить их на волю. Этот отвлекающий маневр позволил Велизарии выиграть время и укрепить строй пехоты; выстроившись плечом к плечу, воины образовали непроницаемый заслон. Одна за другой об этот заслон разбивались волны наступающих персов. Оружие римских лучников оказалось более смертоносным, чем луки персов. Лошади противника не выдерживали града стрел и пятились назад, внося расстройство в ряды персов. Исход битвы не был решен, когда на землю опустилась ночь. Воевать в темноте было безумием, и персы отошли. Велизарий и некоторые военачальники из его свиты на наемных лодках переправились через реку на остров. Другие достигли острова вплавь.

Когда рассвело, из Каллиника прибыли лодки и подобрали беглецов. Персы удержали за собой поле боя и принялись раздевать убитых. Добыча, должно быть, была знатной: снаряжение римского конного лучника стоило очень дорого. Историки отмечают, что во время сражения персов полегло не меньше, чем римлян.

Однако дома персидских военачальников не увенчали лавровыми венками. Кобад был в ярости из-за тяжелых потерь, отсутствия практических результатов и богатой добычи. Он рассматривал случившееся почти как поражение персов.

VII

Неприятности, обрушившиеся на голову Пероза при персидском дворе, вряд ли были хуже тех, какие ожидали Велизария в имперской ставке. Сразу после битвы Гермоген послал императору свой отчет. Юстиниан срочно отправил в армию Констанциола с поручением провести тщательное расследование.

Доклады Гермогена и Констанциола давно канули в Лету, и никто не знает, что в них было написано; но обвинительное заключение против Велизария сохранились в писаниях Иоанна Малаласа, а апологию Велизария мы можем найти на страницах, принадлежащих перу Прокопия, друга и официального помощника полководца.

Против Велизария были выдвинуты тяжкие обвинения, особенно со стороны гуннов. Это было продолжение распрей, начатых еще Суником в Халкиде. Третьей судьей и умиротворителем тогда выступил Гермоген, но, будучи по происхождению гунном, он

¹³ Расхожее мнение, сложившееся о гуннах, рисует их кочующими варварами отвратительной наружности, полчища которых сметали и уничтожали все на своем пути. Англичане, вероятно, никогда не понимали истинного значения знаменитого изречения германского императора, который сравнил воюющую Германию с гуннами. Прокопий проливает свет истины на образ сражающегося гунна. Полезно все, что может исправить ошибочные представления о мощи и качествах представителей азиатских племен.

подпал под влияние обвинений, выдвинутых против Велизария после сражения. В пунктах обвинения было сказано, что Велизарий имел возможность прийти на выручку к гуннам на правом фланге, но обдуманно не сделал этого, покинув их на произвол судьбы, и переплыл на остров с другими беглецами, оставив Суника и Симмаса сражаться с противником в безнадежной ситуации. Он не предпринял необходимых усилий для достижения успеха в битве.

Велизарий возражал на эти обвинения тем, что вступил в сражение против своей воли и разума; он не хотел битвы и не может нести ответственность за ее исход. Подчиненные ему командиры и солдаты вообразили, что лучше своего начальника знают, какой тактики надо придерживаться. И теперь, после того как из-за их безрассудного поведения были сведены к нулю все преимущества, которых он сумел добиться, эти подчиненные пытаются оправдать катастрофические результаты своих действий, обвиняя своего военачальника в том, что он принял единственное возможное при тех обстоятельствах решение.

Представляется, что, заслушав обе стороны, Констанциол снял с Велизария все обвинения и принял его сторону, так как с этого момента мы больше не слышим никаких официальных обвинений. Велизарий продолжал пользоваться полным доверием императора Юстиниана. Но разногласия с гуннами до самого конца омрачали карьеру Велизария.

VIII

Разногласия, возникшие после битвы при Калликнике, исход битвы и другие причины привели Юстиниана к принятию драматического решения. Всю тяжесть этого решения он прочувствовал и осознал позже; теперь ему казалось, что он ясно видит предначертанный ему путь, и Юстиниан не колебался ни минуты. Он отозвал Велизария и передал командование армией Мунду. Последний сносно справился с поручением, хотя лучшие из воинов были склонны видеть в отзыве Велизария конец интриги. Мунду поручили командование вовсе не для ведения крупных военных операций.

По понятным ему одному причинам император решил закончить войну. Когда 8 сентября 531 года старый Кобад умер (событие не вполне неожиданное), Юстиниан немедленно начал переговоры о мире. Посольство, составленное из самых преданных, заслуживающих доверия дипломатов, было отправлено в Персию с поручением добиться окончания персидской войны, для чего им были даны самые широкие полномочия. Поэтому Велизарий был больше не нужен на Месопотамском фронте.

Возвышение Велизария дало Юстиниану незаменимый элемент государственного здания, который был нужен для восстановления империи. Велизарий заслужил свою славу и обеспечил свою репутацию не картинными достижениями, а реальной оригинальностью мышления в военном деле. Он сумел решить военные головоломки, которые до тех пор ставили в тупик лучших воинов империи. Ни один военачальник до него не оказался способным с таким эффектом использовать все преимущества, которые можно было извлечь из человеческого материала. Солдаты регулярной римской армии были надежны, но лишены воодушевления. В большинстве своем это были фракийские, иллирийские и анатолийские крестьяне, которые отличались доблестью и стойкостью, но были начисто лишены воображения. Так называемые фелераты, которых рекрутировали из всех подданных Рима и среди неримских племен, в большинстве своем были конниками и больше всего соответствовали понятию вспомогательных войск старой римской армии. Союзники — теперь это были гунны, герулы и сарацины, которых мы уже видели участниками персидской войны, — зачастую были великолепными солдатами; но поскольку они принадлежали к племенам, то подчинялись только своим вождям, дисциплина их бывала спорной, а характер очень непростым. И наконец, были букеллари, воины-профессионалы, находящиеся на частной службе у высокопоставленных особ и высших воинских начальников. Строго говоря, этот вид службы был незаконным, но в оговоренных случаях разрешение на зачисление таких людей в войско выдавалось без проволочек. Набирали этих

людей из самых разнообразных слоев общества. Это была реминисценция старой римской клиентеллы, которой всегда была окружена старая римская знать; эта личная гвардия носила отпечаток черт корпуса вооруженных телохранителей греческих тиранов; напоминала домашних гладиаторов, под охраной которых находились многие римские олигархи поздней республики. Но отличительной особенностью этих нынешних формирований было их почти полное подобие дружинам северных королей. Эта охранная гвардия, которую вожди северных племен скопировали у Рима, была теперь в новой форме скопирована Велизарием. Возможно, что улучшения, которые ввел в свой корпус Велизарий, были позже снова скопированы германскими конунгами.

Истинным изобретением Велизария была такая организация, при которой дружина, как подразделение отборных и прекрасно обученных воинов, служила ядром, вокруг которого комплектовались все остальные элементы римского войска. Слабость любой военной системы заключается в отсутствии абсолютно надежного ядра. В старой римской армии таким ядром служили легионы. Исчезновение с исторической сцены древних городов-государств и их граждан уничтожило тип людей, из которых выковывался доблестный воин римского легиона.

До тех пор пока такому воину не нашлось замены, римская армия оставалась слабой и небоеспособной. Велизарий не стал делать попытку оживить легионера. Он воспользовался образцом первоклассного воина своего времени и научил его быть совершенным орудием тактических импровизаций. Типичным солдатом того времени был одетый в железные доспехи конный воин, вооруженный копьем, мечом и луком. Велизарий тренировал такого воина так, чтобы тот умел мастерски владеть всем этим вооружением. Мы уже видели, что персидские лучники были вынуждены уступить первенство римлянам, вооруженным более мощными луками. Во время битвы при Даре годом раньше было ясно продемонстрировано, как различные элементы римской армии с их причудливым разнообразием выучки и характера могут дополнять друг друга и служить воплощению схемы боевых действий, основная идея которой зиждилась на многообразии и различиях. Велизарий умело использовал эти различия, и они стали главным источником силы армии. Рецепт такого перевоплощения заключался в объединении всего разношерстного воинства вокруг дружины закованных в железо конных лучников. Такая схема не просто работала, она творила чудеса.

IX

Именно во время первой войны Юстиниана с персами Велизарий создал свою замечательную дружину, которая принесла ему мировую славу и обеспечила место в небольшом пантеоне, где обитают Александр, Ганнибал и Цезарь. За четыре года Велизарий собрал и обучил корпус воинов, которым не было равных среди подобных формирований того времени. Солдаты этого корпуса постоянно упоминаются на страницах писаний Прокопия. Старшими в этом корпусе были специально отобранные начальники, отборные представители своей касты, которых Велизарий использовал для особо опасных и ответственных миссий. Эти люди должны были одинаково хорошо мыслить и действовать.

Единственным препятствием, мешающим безграничному восхищению этим учреждением, было его косвенное воздействие на власть. Этот корпус был слишком большой силой, чтобы можно было держать его в повиновении у частного лица. Такие формирования могут подчиняться только августейшей особе, облеченной императорским достоинством. Члены этого корпуса не были римскими солдатами. Это было частное подразделение, использовавшееся их благодетелем, который и платил им деньги за службу. Охранная гвардия не подчинялась ничьим приказам и слушалась только своего хозяина; и, хотя закон требовал от них принесения клятвы верности императору, никто не мог опираться на такие хрупкие гарантии. Многие из воинов дружины не были римскими гражданами в принятом тогда смысле этого слова. Многие из них были готами или гуннами. Но при зачислении в дружину учитывалось только одно качество — воинская доблесть.

Со всей определенностью из последующего течения событий становится ясно, что Юстиниан и его советники отчетливо сознавали опасность такого формирования. Однако возможная угроза еще не действительная, а новая военная система Велизария в то время оказалась слишком полезной, чтобы обсуждать ее второстепенные недостатки. До того как на сцене появился Велизарий, Юстиниан был вынужден опираться исключительно на переговоры и дипломатию в деле осуществления своей заветной мечты — восстановления единства и величия Рима, и мы уже видели, в какое положение ставило его это обстоятельство. Но теперь начал действовать новый фактор. Было весьма прагматично, или казалось прагматичным в тот момент, дать ходу событиям толчок, который можно обеспечить только военной силой или ее обдуманной демонстрацией.

При тех обстоятельствах такая возможность была наиболее благоприятна для императора. Многие из его начинаний были основаны на вере в то, что он сможет довести их до конца. В особенности это касалось переговоров с королевством вандалов в Африке. Император всегда должен был трижды подумать, сможет ли он подкрепить свои слова реальными действиями. Если дипломатический спор зайдет в тупик, то сможет ли в такой ситуации император рассчитывать на покорение Африки или хотя бы довести до сознания вандалов необходимость пересмотреть их позицию? Могут ли люди, подобные Ситту или Боузу, восстановить военной силой величие Римской империи? Открытие Велизария решило эту проблему. Юстиниан верил, что этому человеку такая задача вполне по плечу.

Х

Переговоры Юстиниана с вандалами были переменчивы и непредсказуемы. Правда, мир, заключенный императором Зеноном в 474 году с королем вандалов Гайзерихом, с тех пор ни разу не был нарушен. Сыновей и внуков Гайзериха не трогали ни властители старого Рима, ни владыки нового. Старый Рим рухнул, отныне в Италии правят готские короли. Новый Рим все последние годы был настроен вполне дружелюбно. Во всяком случае, монофизит Анастасий прекрасно уживался с арианским королем Тразамундом. Преемником Тразамунда, вступившим на престол в 523 году, во время правления Юстина, стал дружественно расположенный к Риму Хильдерик. По крови он был наполовину римлянином, так как приходился внуком императору Валентиниану III, но это была половина его родословной, а по второй ее половине он приходился внуком Гайзериху. На политику нового короля повлияли наполовину римский ум, а также пример Юстина. Он прекратил религиозные преследования в Африке, оказывал знаки расположения к Юстиниану, относясь к нему как к брату и другу.

Одно дело, когда чистокровный вандал Тразамунд дружит с императором-монофизитом; совсем иное, когда наполовину римлянин, наполовину вандал Хильдерик дружит с ортодоксальным христианским императором, который, как это сделал Юстиниан, открыто провозглашает свои взгляды и намерения. Отношение государства вандалов к власти в Константинополе заключало в себе проблему, которую невозможно было решить улыбками и рукопожатиями; среди вандалов были люди, которые отчетливо это понимали. Прекращение преследования ортодоксов-христиан в Африке означало одобрение их богословской доктрины вероучения, такое одобрение влекло за собой признание законности притязаний Рима на имперскую власть; четвертым или пятым ходом в этой шахматной партии могла стать «рокировка»: Юстиниан начинает править в Африке, а Хильдерик поселится в роскошном доме в Константинополе. Никто не выражал притворное удивление, когда в один прекрасный день депутация вандальских вождей ожидала аудиенции у дверей Хильдерика. Также никого не удивило то, что вскоре за беседой последовало исчезновение Хильдерика и восшествие на вандальский престол его кузена Гейламира.

Если бы Юстиниан всерьез намеревался делать то, что входило в его намерения, то вряд ли стал бы терпеть такое неуважение. Действительно, с каких пор дружба с римским императором стала считаться преступлением? Ради сохранения собственного достоинства и

престижа в глазах остального мира он обязан был прийти на помощь низложенному королю вандалов. Более того, вандалы сами создали повод для вторжения в Африку. Если Юстиниану суждено силой оружия воссоздать былую Римскую империю, то начинать завоевание, как считал еще Лев, надо именно в Африке. Начинать воссоздание государства с Испании или Италии, имея в тылу сильный флот вандалов, было безумием. Итак, наступило подходящее время, а ход событий подсказал подходящее место. Если Юстиниан действительно хочет созидать, то пришло время действовать.

XI

Юстиниан принял близко к сердцу дело своего друга Хильдерика. Если бы он любил Хильдерика чуть больше или меньше был бы заинтересован в африканском королевстве вандалов, то, возможно, его послание отличалось бы большей медоточивостью. Но послание было выдержано в поистине имперских повелительных тонах.

Император указал, что ни всеобщий обычай цивилизованного человечества, ни завещание Гайзериха не оправдывают тюремного заключения и насильственного отстранения от власти старого человека, который является законным королем вандалов. Император напомнил Гейламиру, что не лучший выбор получить не вполне законно титул незадолго до того, как этот титул на законных основаниях достанется ему в силу естественного хода вещей. Юстиниан потребовал, чтобы Хильдерика позволили остаться номинальным главой вандальского государства при том, что решать вопросы государственной политики будет Гейламир. Если вы станете придерживаться такого поведения, добавил Юстиниан, то «Всемогущий Господь и Мы» сохраним дружественное к вам расположение.

Видимо, это послание вызвало лишь раздражение вандалов, так как римского посланника отправили домой без ответа, а строгость содержания под стражей Хильдерика была удвоена. Это как нельзя больше соответствовало желаниям Юстиниана. Он снова написал Гейламиру, заметив, что ему не могло даже прийти в голову, что его просьба останется без удовлетворения. Вслед за этим Юстиниан предъявляет ультиматум. Он требует освобождения Хильдерика и обеспечения его беспрепятственного переезда в Константинополь; в случае отказа имперское правительство не сможет оставить дело в таком виде. Послание заканчивается напоминанием Гейламиру о том, что старый договор с Гайзерихом пока остается в силе, и Юстиниан предлагает действовать в соответствии с духом и буквой завещания, сделанного Гайзерихом в интересах его законного наследника.

Такое ошеломляющее заключение одновременно напугало вандалов и привело их в неопишную ярость. Если они выполняют требование Юстиниана, это будет означать, что королевство вандалов подпадает под прямую юрисдикцию императора, который недвусмысленно взялся обосновать такое подчинение. На этот раз вандалам пришлось взять на себя труд ответить на послание императора. Этот ответ очень интересен во многих отношениях. Вандалы возражали на обвинение в том, что низложение Хильдерика противоречит обычаям цивилизованного человечества. Хильдерик был обвинен в изменении политики королевства и был низложен волеизъявлением народа. Авторы письма подчеркнули, что Юстиниан не имеет никакого отношения к этому делу и не имеет права в него вмешиваться, что любое вмешательство с его стороны будет расценено как признание недействительным договора между Гайзерихом и Зеноном; свое отношение они подчеркнули тем, что в заголовке письма поставили следующую фразу: «Базилевс Гейламир базилевсу Юстиниану». Это было утверждением суверенного вандальского королевства, не подчиненного Римской империи, а равного с ней по положению. Это было отрицанием всех допущений, на которых Юстиниан основывал свою политику.

Теперь все, кто не участвовал в этой ссоре, должны были убраться с дороги.

XII

Такова была обстановка, когда Велизарий во главе своей знаменитой дружины возвращался в Константинополь из Месопотамии.

Хотя Велизарий вернулся после катастрофического поражения при Калликоне, Юстиниан не стал обращать внимания на этот результат. Император был удовлетворен военным искусством, которое проявил его полководец в двух проведенных им кампаниях. Тот факт, что невежественные и твердолобые подчиненные вынудили Велизария против его воли ввязаться в сражение, не мог заслонить искусства совершения марша для перехвата персидского войска у Халкиды и умелого преследования, сопровождавшего изгнание персов с римской территории. Теперь Юстиниан мог предложить Велизарию нечто лучшее. На персидской границе были соперничавшие между собой командиры, ревнивые аристократы, которые вечно считали себя обойденными. В Африке у Велизария руки будут полностью развязаны. На африканской почве, свободной от переплетения интересов и соперничества аристократов, его ум сможет во всем блеске использовать отпущенный ему Богом гений.

Он будет вынужден это сделать, ибо, как только нога Велизария ступит на землю вандалов, он сможет покинуть ее только мертвецом или победителем.

Глава 4 **«НИКА»: ВОССТАНИЕ «СИНИХ» И «ЗЕЛЕННЫХ»**

I

Африканская политика Юстиниана, которая явилась продолжением политики, принятой им с начала правления, столкнулась с куда большей оппозицией. Примирение с папством, отвратительное в некоторых деталях, не привело к кровопролитию и стоило весьма дешево. Вторжение в Африку стало предприятием совершенно иного рода. Оно встревожило ту часть общественного мнения, которая до сих пор благосклонно относилась к Юстиниану. О том, как военное мероприятие отразилось на настроении широких масс, которые во все времена остаются безгласными, мы можем судить по упоминаниям о нем главных сторонников императора, чье мнение было записано и дошло до нас для нашего просвещения.

Велизарий, как трезвый и умный человек, не был приятно удивлен предложением испытать свои таланты на африканском поле. Предложение выглядело как приказ достать Луну с неба. Иоанн Каппадокийский яростно выступал против самой идеи африканской кампании и считал своим долгом сказать об этом громким голосом и простым языком. Всем была хорошо известна новейшая история походов в Африку. Каждый из них закончился катастрофой. Лев выбросил на ветер сто тысяч слитков золота, и что он получил взамен? Результатом его авантюры стало то, что финансисты в течение тридцати лет не могли сбалансировать бюджет империи. Любая попытка вытеснить из Африки вандалов заканчивалась неудачей. Кроме того (говорил Иоанн), предположим, что мы изгнали вандалов. Но Африку невозможно удержать без повторного завоевания Сицилии и Италии. Юстиниан предлагает нам такую перспективу? Иоанн совершенно ясно представлял себе всю картину, ибо много лет занимался тем, что преследовал неплательщиков налогов, пытаясь таким способом заполнить деньгами бездонную бочку государственного бюджета. Искренность его оппозиции видна невооруженным глазом, в ней не приходится сомневаться.

Велизарий отметил свое возвращение из персидского похода женитьбой на женщине по имени Антонина — вдове, имевшей взрослого сына. Прокопий намекает, что эта достойная дама, связанная узами родства с семейством знаменитых колесничих и известная в кругах участников скачек, «положила глаз» на Велизария в духе своего семейства, где всегда ценили победителей. Вероятно, ее влияние вдохновило Велизария принять предложение, которое могло повысить его статус в военной иерархии. Возможно, что сильная оппозиция

Иоанна изменила чувства Велизария. Но в конце концов, положение было не таким безнадежным, как живописал его Иоанн. Велизарий не был круглым тупицей, чтобы не решиться на встречу с вандалами лицом к лицу. Много зависело от поддержки со стороны Юстиниана, который хотел сосредоточить беспрецедентную мощь в руках одного Велизария. Такая свобода действия, мощная поддержка, которой Сципион Африканский тщетно ожидал от республиканского сената, была дарована Велизарию монаршей милостью императора.

Велизарий был солдатом до мозга костей и не мог ослушаться повеления императора. Если император приказывает ему оставить свои кости в Африке, он отправится в Африку и выполнит данный ему приказ. Иоанн тоже не был готов заходить слишком далеко в своих протестах, он был другом императора и его министром в нашем понимании. Если Юстиниан будет продолжать настаивать на своей безумной политике, то Иоанн пожмет плечами и отправится заниматься своим прямым делом — выколачивать деньги. Там, где сдастся Иоанн, консистория тоже не станет держать мощную оборону. Епископы, конечно, ухватятся за возможность освободить страждущих братьев от тяжелого окровавленного сапога арианского тирана. Оставался один сенат.

II

Но Юстиниану было не так просто проводить свою политику, как это может показаться с первого взгляда. Он пошел против воли всех своих советников: против воинов, членов консистории и сенаторов, но не против церкви. Буря, которая поначалу носила сумбурный характер, создала сильный постоянный ветер, и этот ветер не предвещал ничего, кроме беды.

Неприятности начались после 11 января, и начались любопытным образом. В перерыве между двумя заездами скачек на ипподроме со своего места на трибуне поднялся человек из партии «зеленых» и во всю силу легких обратился к императорской трибуне.

Говорить на ипподроме — задача не для любителя. Для того чтобы быть услышанным, надо обладать сильным, профессионально поставленным голосом. Таким образом, это выступление на ипподроме нельзя назвать случайным. Выступление на первый взгляд может показаться спонтанным и невинным, но можно с полным основанием утверждать, что толпа зрителей, среди которых сидел оратор, представляла собой группу организованных телохранителей, у которых под одеждой было спрятано оружие, которым они воспользовались бы при первых признаках угрозы.

Диалог, который затем имел место, знаменит тем, что стал первым эпизодом Никейского бунта. Перепалка с императором одного из зрителей была настолько нерядовым событием, что мы не можем просто отмахнуться от него.

Глашатай «зеленых» начал с того, что принялся громко выкрикивать имя Юстиниана. Когда его услышали, оратор стал перечислять жалобы от имени «зеленых» и требовать справедливости от могущественного угнетателя. Он говорил как человек, который призывает цезаря к ответу.

Юстиниан ответил сам. Правда, его ответы выкрикивал через все пространство ипподрома официальный слуга Юстиниана. Император проявил интерес и потребовал назвать имя человека, которого обвинял проситель.

На это проситель осторожно ответил, что его обидчика надо искать на улице Сапожников.

Юстиниан в ответ резонно заметил, что в таком случае он не может взыскать вину с определенного человека.

Проситель, высказывая горечь и печаль, возвысил голос, настаивая на том, что его действительно обидел один человек. Вынужденный назвать имя, проситель вытряхнул kota из мешка. Обидчиком оказался Калоподий.

Ветер прошел очень близко от паруса, ибо Калоподий был вхож в императорский круг; упоминание этого имени говорило о том, что в действительности «зеленые» обвиняют самого Юстиниана. Видимо, в этот момент телохранители думали, что их спровоцируют на

активные действия. Но не произошло ничего необычного. Император просто ответил, что Калоподий не имеет никакого отношения к просителю.

Проситель с надеждой сказал, что его обидчик умрет, как Иуда.

Юстиниан ответил, что пусть так и будет, и высказал мнение, что выступление подстроено.

Как Иуда, продолжал настаивать на своем проситель.

Последовал горячий обмен мнениями на языке, которым в наши дни не пользуются для публичных выступлений. Юстиниан заметил, что в раздорах заинтересованы монофизиты (то есть он прямо обвинил их в оппозиции его политике объединения империи и поддержке старого курса императора Анастасия). К просителю присоединились «зеленые», чьи жизни находятся в опасности из-за их приверженности своей партии. Это обвинение Юстиниан энергично отверг. Они упрямо продолжали называть его убийцей. На это встали представители «синих» и заявили, что единственная партия, в рядах которой надо искать убийц, — это сами «зеленые». Пусть так, отвечали «зеленые», но ваших убийц здесь нет, потому что они скрываются от правосудия, дрожа за свои жизни. Кто убил лесоторговца в портовой таверне? Его убили вы, ответил Юстиниан. (Последовало всеобщее возмущение.) Среди крика, гвалта, обмена сильными эпитетами и рева толпы «зеленые» начали покидать ипподром. Император и «синие» выкрикивали им вслед оскорбления, которые мы теперь сочли бы непристойными, но современники посчитали это инвективами, выкрикнутыми в состоянии крайней запальчивости.

заведенному обычаю, Юстиниан занял свое место на ипподроме. Для кругов, близких к организации скачек, это был очень важный день. Мы сейчас назвали бы его днем розыгрыша Золотого кубка. Предварительные заезды состоялись в воскресенье, теперь должны были состояться финальные, решающие скачки. Во что может вылиться финал даже в нашу просвещенную эпоху, мы хорошо знаем на собственном опыте.

IV

Этот день с самого начала был очень беспокойным, подводные течения таили в себе смертельную угрозу. Было ли заключено соглашение между партиями, поначалу было не совсем ясно, но они проявляли подозрительное единодушие. В перерывах между заездами постоянно раздавались крики, обращенные к императорской ложе, с требованиями помиловать уцелевших мятежников, укрывшихся в церкви Святого Лаврентия. Государственным мужам было тяжело отвечать на эти требования. Это были выступления, которые обычно начинает маленькая организованная группа, а потом поддерживает рядовой, ни в чем не замешанный зритель. Воскресные события поставили Юстиниана в трудное положение; он не мог положительно ответить на просьбу о помиловании. Он мог бы стать предметом насмешек по поводу своей пристрастности. Оба преступника были судимы и приговорены к смертной казни на основании законов, никто не собирался оспаривать законность вынесенных приговоров и казни. Юстиниана просили не об изменении юстиции, но о вмешательстве, вмешательстве без разумной причины в нормальные процессуальные действия судебной власти. Император не желал этого делать. Более того, он с самого начала поставил себе целью соблюдать полную беспристрастность по отношению ко всем партиям. При таком натиске император проявил еще большее нежелание вмешиваться в судебные дела. Представлялось, что самое безопасное — не отвечать на требования.

Человека, который разработал программу мятежа, нельзя назвать посредственным стратегом. Упорное нежелание Юстиниана идти навстречу призыву о помиловании послужило рычагом, который поднял на невиданную высоту успех агитации «зеленых» и привлек на их сторону «синих». Планы выступления, несомненно, были составлены заранее. Перед двадцать вторым заездом просители перестали обращаться в императорскую ложу. Вместо этого на трибунах начали кричать: «Да здравствуют человеческие „сине-зеленые“!» Лозунг был подхвачен. Закончилась последняя скачка, толпа потекла по улицам Константинополя, с восторгом приветствуя рождение новой партии «сине-зеленых».

Во что это могло вылиться, никто не знал. Оставалось только одно — ждать. Программы новорожденной объединенной партии не было ни в одном документе, доступном в тот момент Юстиниану.

V

Ждать пришлось недолго. Толпа начала стекаться к претории, где уже до этого появилась организованная группа решительных настроенных людей, требовавших раскрыть им намерения власти относительно судьбы двух неудачно повешенных преступников, нашедших убежище в церкви Святого Лаврентия. Ответа от префекта города не последовало. Толпа непрерывно росла. Люди продолжали прибывать, и вскоре людской водоворот, образовавшийся у претории, постепенно поглотил всех — зрителей, зевак и случайных прохожих. Господин Двурушник часто становится храбрым, когда его ведет за собой господин Упрямец. Толпа выломала двери претории и принялась избивать чиновников. Потом мятежники освободили всех заключенных и подожгли здание. После такого благоприятного начала восторженная шайка названных братьев: «синие» и «зеленые», заключенные, зевачи, гуляющая публика и все прочие направились на Месу — константинопольский Бродвей или Чипсайд. В конце Месы, где она переходила в величественную колоннаду форума, называемого Аугустеумом, уже весь город был к

услугам и увеселению мятежников.

Поджоги правительственных зданий и избиение государственных чиновников оказывают странное бодрящее и веселящее действие на среднестатистическое человеческое существо. В сгущающихся сумерках большинство населения Константинополя начало готовиться к торжественному ночному празднованию окончания скачек. Для начала народ поджег Халкиду — Бронзовый дворец, величественный портал у главного входа в императорский дворец. Обогнув Аугустеум, огонь распространился на север, до храма Святой Софии. Языки пламени поднимались над большим храмом почти до самого неба. Было подожжено также здание сената, что тоже внесло немалую лепту в общую иллюминацию. Это была славная ночь. Взгляды Юстиниана на степень власти, которой обладает абсолютный монарх, и на степень покорности, вбитой в головы константинопольского населения, могли бы представить собой очень интересное чтение, если бы у кого-нибудь возникла возможность записать мысли императора.

VI

Утром в среду власть, заблокированная в императорском дворце, сделала попытку начать переговоры с мятежниками. Действительно, надо было что-то делать. Большое количество приближенных собралось во дворце, не имея возможности отправиться по домам. Все эти люди собрались во дворце в первый день январских ид, чтобы получить знаки отличия своих должностей, но огонь отрезал им выход из дворца.

Пожар не утихал, так как утром толпа подожгла бани Зевксиппа, расположенные возле Аугустеума, который тоже загорелся. Восторженные зрители начали покидать огненное представление, когда узнали, что в императорской ложе находятся Василид, Мунд и Констанциол. Толпа потекла к ипподрому. Если все толпы одинаковы во все исторические эпохи, то, вероятно, люди начали с критических замечаний по поводу наружности доверенных военачальников Юстиниана.

Нет, людям не нужны скачки. Что им нужно? Они ответили на этот вопрос. Долой Эвдимона, префекта! Долой Трибониана! Долой Иоанна Каппадокийского! Василид и его товарищи вернулись во дворец, чтобы передать эти требования Юстиниану.

Требование этих отставок стало показателем тревожного положения. До этого не было даже намека на такие заявления. Эта новость указывала на то, что толпа увязла в мятеже так глубоко, что открыто продемонстрировала свои политические цели. Юстиниан, невзирая ни на что, был склонен удовлетворить эти требования. Таким действием он мог бы частично разоружить зачинщиков, побуждавших толпу к насилию. Но как требования, так и уступка были равно нереальны и невозможны. Ставкой в развернувшейся схватке стала жизнь самого Юстиниана.

Действительно, это требование было забыто мятежниками уже к вечеру. Руководство мятежом перешло из рук «сине-зеленых» в руки других людей, примкнувших к движению извне. Мы не можем точно ответить на вопрос о том, кто были эти люди. Было сделано предположение, что это были сельские бедняки, разоренные грабительскими налогами Иоанна Каппадокийского. Возможно, он сам лишь ухмыльнулся бы, услышав такое предположение, и предложил бы другую версию событий, согласно которой мятеж устроили головорезы, нанятые уклоняющимися от уплаты налогов богатеями, против которых и было направлено острое действие Иоанна.¹⁴ Читатель может выбрать версию по своему усмотрению. Как бы то ни было, но оплотом мятежа отныне стали не «человечные „сине-зеленые“», встревоженные судьбой беглецов, скрывавшихся в церкви Святого Лаврентия.

¹⁴ Об отношении Юстиниана с крупными землевладельцами см. работу Васильева «История Византийской империи» (1929). Эти землевладельцы нанимали вооруженных телохранителей не только ради престижа и декораций.

Целью мятежа не был и уход в отставку нескольких чиновников. На повестку дня был поставлен вопрос об возведении на трон нового императора из дома Анастасия. Вдохновителем восстания стала партия монофизитов, ее целью было воспрепятствовать походу в Африку. Бунт был политическим.

VII

Во второй половине дня повстанцы начали разыскивать в городе племянников Анастасия. Ипатий и Помпей оказались во дворце с Юстинианом и были поэтому недоступны. Остался их третий брат, Проб. Члены делегации, ожидавшие его возле дома, вскоре выяснили, что Проб предвидел этот визит и решил, не испытывая судьбу, не засиживаться в своем доме. Восставшие подожгли его дом и убралась прочь.

Изменение характера мятежа отражало изменение отношения к нему со стороны власти. По отношению к «сине-зеленым» оппонентам Юстиниан проявил чрезвычайную мягкость. Он не применил к ним никакой физической силы, за исключением некоторых мер, не выходящих за рамки обычных полицейских действий, предпринятых на ипподроме. Все круто изменилось, когда дело коснулось политического мятежа. Политический мятеж означал, что отныне императору и его приближенным предстояло не на шутку, а всерьез бороться за свои жизни. Крыса, загнанная в угол, дерется с отчаянием обреченного, но насколько опаснее крысы бывает оказавшийся в таком положении человек. Более того, политический мятеж — это вызов духовным ценностям правителя. Фактически, Юстиниану было предложено решить и громко сказать, стоят ли его цели и политика того, чтобы сражаться за них. Достойны ли они того, чтобы защищать их кровопролитием и насилием? Достаточно ли добры были его идеалы, чтобы утверждать их ценой гибели множества людей?

Юстиниан верил, что да.

Итак, будучи твердо убежден в своей правоте, он приготовился подавить мятеж силой оружия.

В этом отношении позиции Юстиниана определились благодаря вмешательству почти Божественного Провидения. Если бы он был вынужден опереться на регулярную императорскую гвардию, состоявшую из доместиков и экскубиторов, то неизбежно потерпел бы поражение и пал. Они представлялись ненадежными; было сомнительно, станут ли они вообще подчиняться приказам. Однако Велизарий был в Константинополе, куда его призвали в связи с предстоящим африканским походом, и с ним в столицу прибыл его комитат. Многие воины комитата были готы, политикой которых была политика их хозяина; что касается их моральных качеств, то они часто оказывались необычайно грубыми. Кроме того, в городе находился и Мунд с корпусом герулов. Эти люди не только были пригодны для использования их в подавлении мятежа, но очень хорошо подходили для такой роли. В Константинополе у них не было ни семейных, ни дружеских, ни языковых, ни духовных уз, которые связывали императорскую гвардию с населением Константинополя. Что касается монофизитства, то ни готы, ни герулы не имели о нем ни малейшего понятия и не проявляли к нему никакого интереса. Если начнутся военные действия, то именно эти люди будут сражаться за Юстиниана. Велизарий и Мунд были командующими не парадного пошиба и не имели отношения к административной верхушке. Это были полевые воины, которые на службе приобрели навык безошибочного обращения с оружием, привычку стрелять на поражение, которая за долгие годы службы на границах впитывается в плоть и кровь, становясь второй натурой.

Вопрос заключался лишь в том, достаточно ли будет этих сил?

VIII

В четверг Велизарий повел своих людей завоевывать вышедший из повиновения

Константинополь. Ничто не побуждало его воинов снисходительно отнестись к мятежникам. Впрочем, повстанцы тоже не ушли далеко. Выйдя из Халкиды, на широкой улице, обрамленной дымящимися развалинами, воины Велизария столкнулись не с «человечными „сине-зелеными“», а с вооруженными людьми. Конечно, это были любители по сравнению с прожженными профессионалами Велизария, но это были вооруженные люди.

Константинопольское духовенство, поняв, что дело приближается к опасному кризису, поспешило вмешаться. Из дальнейшего продолжения спора не могло выйти ничего хорошего, но ни одна из сторон не посмела бы оказать неуважение к святым реликвиям. Священники пронесли реликвии по улицам города, и их торжественная процессия остановилась на линии, разделившей враждебные стороны. Расчет был бы верен в других обстоятельствах, но в данной ситуации все обернулось по-другому. Никто точно не знает, что произошло. Герулы были довольно жесткими людьми, которых не очень интересовали святые мощи. Либо кто-то из герулов был ранен стрелой, либо они неверно истолковали действия духовенства, применили силу и рассеяли религиозную процессию, хотя, как говорят, они не причинили вреда ни одному из клириков. Сражение вспыхнуло по всему Аугустеуму и на прилегающих улицах. Кажется, Велизарию удалось захватить соседние с Аугустеумом кварталы и начало Месы, отрезать толпе доступ к сожженному порталу дворца. Вероятно, после этого он взял под охрану захваченные объекты, воздвигнув баррикады и выставив пикеты.

IX

Сражение возобновилось на следующий день (в пятницу) и велось уже не вблизи Аугустеума, а переместилось к северу от храма Святой Софии. Современный нам мир знает немало примеров уличных боев; поэтому стоит сделать кое-какие сравнения. Мятежники подожгли городские кварталы, расположенные возле претории, ветер погнал пламя на юг, и вторая волна большого пожара прокатилась вдоль Святой Софии и добралась до выгоревшей части столицы, пожрав на своем пути больницу, переполненную пациентами. В субботу бои переместились еще дальше на запад. Велизарий прошел по Месе и попытался захватить боковые улицы, чтобы прорваться на запад к оконечности Медного рынка, из восточной части которого его вытеснили накануне. Мятежники, засевшие в здании, называемом Октагоном, превратили его в импровизированную крепость и защищались там до тех пор, пока воины Велизария не подожгли здание, вынудив защитников покинуть его. Но Велизарию так и не удалось взять Медный рынок: поднявшийся северный ветер погнал огонь на его солдат, и под натиском пламени им пришлось отступить. Субботний пожар венчал затянувшуюся агонию. Огонь всепожирающей волной прокатился по Месе к форуму Константина, уничтожая все на своем пути. Когда Велизарий с наступлением ночи вернулся к императору, он не смог доложить ничего обнадеживающего. Мало того что ему не удалось подавить вооруженное сопротивление мятежников; со своими войсками он спалил немалую часть самых красивых и дорогих кварталов столицы.

К этому времени в императорском дворце, который строили, не рассчитывая на его осаду, начала ощущаться нехватка пищи и воды. Юстиниан отдал приказ, чтобы все не проживавшие во дворце люди покинули его. По-видимому, он не мог доверять верности всех сенаторов, которым пришлось переживать осаду вместе с ним, и выгнал их прочь. Остались только такие старые приближенные, как Трибониан и Иоанн, которым при любом исходе пришлось бы разделить судьбу своего императора. Ипатий и Помпей не желали покидать дворец, но этот протест вызвал раздражение Юстиниана. Он решил, что они протестуют слишком бурно, и выгнал их вместе с остальными. То, что предстояло сделать, должно было происходить по договоренности между твердыми приверженцами императора. Небольшая, тесная группа людей, оставшихся во дворце и знавших, что дни их могут быть сочтены, а судьба решится в любую минуту, приготовились вместе жить или умереть. Они рассчитывали, конечно, жить, если для этого представится возможность. В качествах этих

людей не приходилось сомневаться. Сотворив их, Господь, по мере понимания каждого из них, заповедал им драться, бороться и выжить; и они твердо решили следовать его воле.

Так закончилась ночь субботы, 17 января 532 года. Занималась заря воскресенья.

Х

У этих людей была разработана программа действий, хотя происходившие события заставили отклониться от строгого плана. Утром в воскресенье Юстиниан лично прибыл на ипподром и показался в императорской ложе. Вероятно, на ипподроме собралось достаточно много людей, ожидавших, что произойдет дальше. По городу сразу разнеслась новость: Юстиниан здесь.

Император сделал последнюю попытку достичь мирного соглашения с мятежниками. Держа в руках Евангелие, он поклялся заключить мир со своими врагами, удовлетворить все требования, объявить полную амнистию и гарантировать отсутствие преследований. На какую-то часть присутствующих это произвело нужное впечатление; другие, однако, продолжали сохранять враждебность. Раздались крики: «Клятвопреступник!» Это было напоминанием Юстиниану о его клятвах Виталиану. Раздавались и крики в поддержку Ипатия. Стало ясно, что попытка примирения потерпела неудачу. Тем временем по городу разнеслась весть о том, что Ипатий и Подшей снова дома. Огромная толпа, славя Ипатия, подошла к его дому, принялась вызывать его и вытащила его на улицу. Жена Ипатия, Мария, хорошо понимая смысл такой манифестации, вцепилась в мужа, не желая отпускать его, и продолжала держаться за него, пока ее не оттеснили в сторону. Процессия с Ипатием вернулась к форуму Константина, единственному пощаженному огнем общественному зданию, и короновала нового императора, вручив ему за неимением других знаков императорского достоинства золотую цепь.

За этим последовало заседание сената в полном составе. На этом заседании стали известны имена руководителей мятежа. Дискуссии показали, что присутствовавшие сенаторы обладали достаточной властью, чтобы направлять и контролировать ход антиправительственных действий. Было предложено атаковать дворец. Против такой политики проголосовал только один сенатор по имени Ориген. Он советовал придерживаться выжидательной тактики, подчеркивая, что время работает на мятежников. Но в конце концов было все же решено идти на дворец. Ипатия принесли на ипподром и усадили в императорскую ложу. Вся арена была заполнена народом; вероятно, там стоял невообразимый шум.

Ипатий был создан не из того материала, из какого делают героев. Какие бы чувства ни обуревали в тот момент обитателей дворца, состояние и положение Ипатия было еще более отчаянным. Он представлял собой тот сорт людей, которые чувствуют, что единственный шанс обрести безопасность — предать своих сторонников, хотя в этот момент они казались победителями. Находившаяся в ложе императорская гвардия взирала на происходящее с отеческим интересом или, скорее, с отеческим равнодушием. Пока толпа неистовствовала, Ипатий подзвал к себе гвардейца по имени Эфраим и попросил его отнести во дворец письмо, в котором извещал императора, что мятежники собрались на ипподроме и если Юстиниан не промедлит, то сможет захватить их врасплох.

Эфраим не успел отойти далеко от ипподрома, когда встретил Фома, одного из придворных лекарей. Фома по собственной инициативе покинул дворец и шел домой, но остановился поговорить с гвардейцем. Он уверил Эфраима в том, что тот зря потратит время, так как Юстиниан и весь его двор бежали из Константинополя. Эфраим поспешил назад на ипподром и огласил важную новость. Ипатий почувствовал себя несколько лучше.

XI

Но Фома слишком рано покинул дворец. Верно, что, вернувшись во дворец, Юстиниан

не видел больше возможности сопротивляться: он разыграл свою последнюю карту, и она оказалась битой. Игра была проиграна. Однако выход к морю был пока открыт. Для решения вопроса, что делать дальше, созвали совет. Иоанн Каппадокийский предлагал бежать в Гераклею. С этим согласился и Велизарий. Иоанн был далеко не трус, да и Велизарий был привычен к опасностям и тревожился гораздо меньше других людей. Фома ушел из дворца до выступления последнего оратора, которое полностью изменило положение и настроение двора. Этим оратором стала Феодора. Ее слова ознаменовали поворотный пункт всей этой истории.

XII

Вот речь Феодоры.

В такой критической ситуации, как нынешняя, нет места спорам о том, должна ли женщина сидеть дома, должна ли она быть покорной и скромной рабыней господ мироздания. Мы должны действовать, и действовать быстро. Мое мнение таково, что у нас нет времени на бегство, даже если мы выберем самый безопасный маршрут. Каждый родившийся должен умереть; но это отнюдь не значит, что каждый, кто занял императорский престол, должен быть насильственно его лишен. Так пусть этот день никогда не наступит! Если вы хотите спастись сами, то ничто, даже император, не остановит вас. Море перед вами, суда готовы, и у вас достаточно денег, чтобы оплатить плавание в любом направлении. Но если вы бежите, то вскоре у вас появится нужда, которой вы до сих пор не знали. Что же касается меня, то я придерживаюсь старой поговорки: лучший саван — пурпурная императорская мантия.

Это выступление воодушевило присутствующих. После таких слов никто не помышлял о бегстве. Теперь все были готовы смотреть в лицо обстоятельствам.

В тот момент, когда толпа на ипподроме шумно радовалась бегству Юстиниана, в действительности происходило нечто совершенно противоположное. Велизарий во главе своих закованных в броню солдат взбирался по винтовой лестнице императорской ложи и стучал в дверь кордегардии. В это же время евнух Нарсес незаметно проник в штаб-квартиру «синих», неся с собой пугающие слова и воодушевляющий кошель с деньгами. Придя на место, он сумел воздействовать на самую чувствительную струну в душах этих людей — на верность их партии. Неужели вы хотите, вопрошал он, видеть на троне ставленника этих «зеленых» собак? До сих пор на троне был верный сторонник «синих». Зачем вы впутались в эту мерзость, неужели только ради того, чтобы там оказался «зеленый»? «Синие» были сражены такими аргументами. Они почувствовали, что пора остановиться и вывести своих людей из опасной зоны. Мы не знаем, насколько им это удалось. Похоже, что в их распоряжении было не так уж много времени, чтобы увести всех «синих» с ипподрома.

Велизарий не был услышан. Никто не бывает так слеп, как тот, кто желает быть слепым. А ведь гвардейцам даже не предлагали рисковать. Итак, дверь осталась запертой. Велизарий вернулся к императору. Полководец выглядел обескураженным. Юстиниан приказал ему попробовать другой путь. Согласно новому плану Велизарий в сопровождении своих людей прошел сквозь дымящиеся развалины и закопченные дома Халкиды вокруг бань Зевксиппа и вышел к противоположным воротам ипподрома.¹⁵ Войдя в них, он оказался в большой крытой аркаде, называемой портиком «синих». Слева находилась небольшая задняя дверь, ведущая в императорскую ложу. Справа был выход на арену ипподрома, где десятки тысяч людей, не жалея глоток, славили Ипатия, сидевшего в ложе. Велизарию предстоял нелегкий выбор, обдумать который надо было очень быстро. Если он атакует через дверь в

¹⁵ То, что он совершил такой марш, не вызвав тревогу у противника и не встретив сопротивления, говорит о том, что местность вокруг Халкиды и бань Зевксиппа была очищена от мятежников еще в четверг: Велизарий находился на своей территории.

ложу, чтобы арестовать Ипатия, то вся толпа окажется у него в тылу. С другой стороны, перед ним была толпа, зажатая стенами ипподрома. Толпа была стиснута со всех сторон, словно дожидаясь удара. И Велизарий не сделал ошибки, он нанес этот удар.

XIII

Появление Велизария на ипподроме было внезапным и ошеломляющим. Вероятно, оно было таким же неожиданным для него самого, как и для толпы. Когда Мунд, следовавший за Велизарием со своими герулами, услышал страшные звуки избиения закованными в сталь воинами безоружных людей, он поспешил к воротам, которые называются Воротами мертвых, вломился на ипподром и атаковал толпу с этой стороны.

Мы могли бы с большим сочувствием отнестись к мятежникам, захваченным врасплох на ипподроме, если бы не память о несчастных страдальцах из Самсоновой богадельни, которых мятежники сожгли за два дня до этого. Они убедились на собственной шкуре в том, что солдаты Велизария и Мунда знают свое дело, и знают его хорошо. По самым скромным оценкам, в той резне было убито около тридцати тысяч человек. Большинство из них пало, вероятно, от мечей. Эти люди погибли во время события, которое позднейшие историки назовут восстанием «Ника», мятежом «сине-зеленых», но которое с полным правом можно назвать мятежом монофизитов.

XIV

Сидя в императорской ложе, Ипатий видел молниеносное изменение своей судьбы. Он не оказал сопротивления, когда в ложу вошли племянники Юстиниана Юст и Бориад, чтобы арестовать его. Он и Помпей были препровождены во дворец, где их ужасной grimасой встретил Юстиниан.

Оба были совершенно несчастными созданиями. Они, впрочем, никогда не были другими. Помпей плакал, а Ипатий уверял императора в своей преданности и добрых намерениях. Если Юстиниан приговорил обоих племянников Анастасия к смерти, то не из страха перед ними, а из страха перед теми, чьими орудиями они стали. Их устранение лишило знамени все возможные будущие мятежи такого типа. Кстати, Юстиниан проявил больше милосердия, чем было характерно для его эпохи и его страны. Он пощадил семьи казненных, а впоследствии вернул им часть конфискованного имущества.

Не был казнен ни один сенатор. Восемнадцать руководителей были изгнаны, а их имущество конфисковано. Некоторое время спустя даже эти довольно мягкие приговоры были пересмотрены.

Юстиниан мог позволить себе такое великодушие, настолько полной была его победа. Он сумел провести свою политику; он преодолел оказанное ей сопротивление; он прочно укрепил свой престиж, который больше никем не подвергался сомнению. Однако мягкость наказания была продиктована не одной политикой. В последнюю очередь он желал пощадить участников мятежа; будь это так, мир не стал бы свидетелем бойни на ипподроме. Ипподром после мятежа долгое время был закрыт, а скачки отменены. Еще дольше представители «синих» и «зеленых» оставались милыми и вежливыми людьми. Такое изменение было благотворным, но в том не было заслуги Юстиниана.

XV

Пять дней и пять недель Константинополь лежал в руинах и пепле. На сороковой день появились рабочие. Их команды разбирали стены, увозили мусор и ровняли землю под фундаменты. Константинополь начал оживать. На месте прежней Святой Софии выросла новая церковь: чудо света, шедевр архитектурного искусства Антемия Тралльского, новый храм Святой Софии.

Антемий — архитектор, который в то время, когда Юстиниан женился на Феодоре, возвел купольный храм Сергия и Вакха как домовую церковь Феодоры. Теперь Юстиниан поручил ему более значительную задачу. Старая, изуродованная огнем, землетрясениями и мусульманами церковь, которая до сих пор стоит в Константинополе, и есть тот храм, построенный Антемием. Церковь во всем своем блеске поднялась на том месте, где в злосчастное воскресенье Юстиниан предложил бежать, спасая свою жизнь, а Феодора сумела остановить его. Церковь поднялась как свидетельство его победы над «синими» и «зелеными».

Было бы потеряно еще нечто, кроме храма Святой Софии, если бы Феодора в тот день не отстояла свою позицию. Мы никогда бы не услышали о другом чуде света, более значительном и прочном, нежели каменный купол Святой Софии. Речь идет о своде гражданского права, о кодексе Юстиниана, о кодексе римского права.

Юстиниан шел к цели одновременно тремя путями. Восстанавливая ведущую роль цивилизации, он, придавая блеск ее виду, изучал и ее внутреннюю природу. Строеие цивилизации, все ее здание пришло в беспорядочное расстройство. Пропорции этого здания, как и географические границы, стали неопределенными, поэтому природа и суть цивилизации стали сомнительными и спорными. Процесс придания цивилизации древних границ требовал одновременного придания древней определенности и ясности самой идее, ее интеллектуальным основам и принципам. Принцип и основа цивилизации — это собрание законов, путем изучения и исполнения которых люди становятся цивилизованными, в котором заключена суть цивилизации. Дикие племена нецивилизованного человека, блуждающие по миру, управляются теми законами, которые возникли в лесах и степях. Эти дикари могут воспринять все обычаи постольку, поскольку они поражают их фантазию или служат выражением их страхов и надежд. Но цивилизованный человек имеет то достоинство, что уже миновал эту стадию развития и стремится к жизни под руководством закона систематического и логического, идентичного разуму человечества. Эта величественная письменная традиция разума, система юриспруденции, направляющей деятельность цивилизованного человека, не появляется вследствие действий одного или коллективного законодателя. Свод законов далек от того, что может продиктовать кто-либо, обладающий властью; такой свод является после изучения природы человека, изучения разумной сути вещей и воли Бога. Закон — это не то, что люди изобретают; это подобие геометрических аксиом, которое люди познают. Власть закона в конечном итоге лежит не в том, что человек объявляет истинным, а в том, что в действительности истиной является.

Эта система, как и сама империя, лежала в руинах. Одним из первых действий Юстиниана после его восшествия на престол стало распоряжение, касавшееся поиска, утверждения и записи закона цивилизованного мира, то есть римского закона. Он поручил эту задачу квестору Трибониану. Квестору потребовалось (с помощью опытных советников) около двух лет, чтобы составить кодекс, который был опубликован от имени и за счет Юстиниана в 529 году. Но это был скорее набросок, нежели готовый кодекс. Это был не римский закон, каким мы его знаем, а его предварительный эскиз. Юстиниан приказал Трибониану и его коллегам продолжить работу. Они переворачивали и нумеровали страницы, переписывали, вносили исправления и сводили статьи в единое целое, когда на улицы Константинополя вышли «человеколюбивые „сине-зеленые“» и приют для увечных при монастыре Святого Самсона окутался дымом и пламенем. Если бы Юстиниана удалось устранить, то судьба приюта и церкви Святой Софии постигла бы и ведомство Трибониана. Монофизиты не желали «закона цивилизации», они были готовы изобрести любой другой закон по своему усмотрению. Их недавние попытки в этом направлении не могли внушить особых симпатий. Но Юстиниан остался, и Трибониан спокойно закончил свою работу.

Большое число важных вещей имеет полную опасностей и превратностей судьбу; многие из них уцелели благодаря удивительным случайностям, а иногда просто чуду. Выстроенная Антемием церковь Святой Софии существует, потому что «человеколюбивые „сине-зеленые“» предали огню старый храм. То, что новая церковь простояла века, служит

примером человечеству. Римский закон уцелел по той причине, что Феодора предпочла пурпурный саван белому.

Расскажем вкратце дальнейшую историю кодекса. В 533 году, когда Антемий только что разобрал завалы и приступил к разметке площадки под фундамент, Трибониан вручил императору манускрипт: это были пандекты (или дигесты) и институции. Год спустя, когда Велизарий все еще воевал в Африке, Трибониан составил вторую, исправленную редакцию кодекса.

Издание и редактирование римского закона было одним из величайших интеллектуальных подвигов, когда-либо совершенных человеком. Это был более грандиозный труд, чем сочинения Платона и Аристотеля, так как кодекс стал квинтэссенцией тысячелетнего опыта человечества, изложенной с гениальной простотой и ясностью. Вся история человеческой цивилизации могла стать другой, если бы ее не вдохновляло и не направляло гражданское право. Юстиниан смог сделать отнюдь не все, что было им задумано. Когда много лет спустя он умирал, его охватила иллюзия, свойственная многим одаренным людям: он умирал с ощущением неудачи своих замыслов. Однако в истории можно найти мало людей, которым удалось свершить два таких деяния, как возведение собора Святой Софии и создание римского гражданского права.

Глава 5

НАЧАЛО ЗАВОЕВАНИЯ МИРОВОГО ГОСПОДСТВА

I

Поход Велизария не был пустым сумасбродством. Была проведена тщательная подготовка к военным действиям. Целью императора было так организовать дело, чтобы он мог высадиться в Африке в самом подходящем месте с вышколенной армией и подготовленными полководцами, на которых можно было положиться, и которые выполнили бы поставленную перед ними задачу быстро и без лишних издержек.

Пока подготовленный полководец набирал и обучал боеспособное войско, были проведены необходимые предварительные действия. Весной 533 года агент Юстиниана с помощью нескольких имперских воинов поднял мятеж в Триполитании. Гейламир не решился подавить его, поскольку внимание короля в этот момент было отвлечено гораздо более важным событием. Правитель Сардинии отказался повиноваться вандалскому правлению и послал изъявления своей верности Юстиниану. Крупные карфагенские купцы, чье благополучие зиждилось на заморской торговле, были естественными сторонниками восстановления империи. Поставленный в трудное положение двумя проблемами, король Гейламир был вынужден предоставить свою судьбу воле случая. Король решил вначале подавить мятеж на Сардинии, рассчитывая быстро справиться с купцами и вернуть армию и флот в Африку, чтобы во всеоружии встретить императорский экспедиционный корпус.

Расчет был не безосновательным. Но Гейламир проиграл войну еще до ее начала. Фатальный исход был предопределен не недостатком ума, а горячим темпераментом и дурным характером. Король был одним из людей, которые уверены, что войны выигрываются героизмом, но забыл о том, что проигрывают войны именно герои, а выигрывают их хорошо обученные грамотные солдаты, дипломаты и финансисты. В сложившейся ситуации очень важной была позиция, занятая властями Сицилии. Но Гейламир не пожелал унижить свое достоинство и снизить до медоточивых обращений к остготам и обмена с ними дипломатическими улыбками ради того, чтобы Сицилия закрыла свои порты для имперского флота. Юстиниан не побоялся унижения и добился того, что Сицилия открыла для его флота свои гавани, позволив кораблям императора пополнять там запасы воды и продовольствия. Этот успех был очень важен, так как война была наполовину выиграна до того, как корабли императора вышли в Средиземное море.

II

Подготовившись к походу, Велизарий 21 июня 533 года отплыл из Константинополя. Армия следовала в Африку на 100 транспортных судах. Флот сопровождали, кроме того, девяносто три боевые галеры. Когда от причалов дворца отвалил флагманский корабль, патриарх Елифаный начал служить торжественный молебен, призвав Бога в помощь уходящей экспедиции. Присутствующие думали о другой экспедиции, которая уходила на покорение Сиракуз из Афин во времена их наивысшего расцвета. Думали они о том, что эта экспедиция, как и та, может никогда больше не увидеть родное небо. Ни одна отправленная греками на запад военная экспедиция до сих пор не увенчивала себя лаврами победителей. Юстиниан пошел по дороге, на которой не отпечаталось ни одного обратного следа. Но, несмотря на такие мысли, император твердо решил держаться избранного пути.

По меркам того времени войско было немногочисленным. Всего в нем насчитывалось шестнадцать тысяч человек;¹⁶ но в одном важном отношении это войско отличалось от прочих армий, отправлявшихся в подобные экспедиции. Примерно на одну треть войско состояло из конницы, которая включала не только регулярных воинов, но и комитат Велизария и корпуса гуннов и герулов, знакомых с боевыми действиями в пустыне и способных перемещаться по равнине на большие расстояния. Этот большой конный корпус вез с собой своих лошадей. Никогда за всю историю войн ни одна армия не перевозила морем из Византии в Карфаген более 6000 боевых коней.

До отплытия войска состоялась еще одна церемония, которой было суждено повлиять на будущее развитие событий. Антонина отправилась в поход вместе с Велизарием. Накануне отправления Велизарий торжественно усыновил ее крестника Феодосия, способного и красивого юношу, который отправился в экспедицию как член семьи Велизария и Антонины.

Флот направился к Гераклею. Там после пятидневного ожидания на суда были погружены последние лошади, отборные фракийские скакуны, предоставленные экспедиции лично императором. В течение четырех дней из-за противного ветра флот не мог выйти из гавани Абидо; но потом погода улучшилась и корабли без дальнейших остановок, миновав Пелопоннес, добрались до побережья Мессены, где остановились для пополнения припасов и ремонта.

Впереди предстояло путешествие по не нанесенной ни на одну карту стране приключений.

III

Лучшей аналогией экспедиции Велизария для нового времени стал бы завоевательный поход в Китай через мыс Горн. Велизарий, покинув безопасные и надежные базы снабжения и прочные тылы, очертя голову бросился в тот мир, где жизнь и успех его самого и его армии всецело зависели от его здравомыслия и твердого руководства. Сам он не испытывал большого восторга от порученной ему экспедиции, и его скептицизм и сомнение в успешном исходе предприятия служили ему залогом. Велизарий понимал, что не имеет права на риск.

Пока корабли в ожидании попутного ветра стояли в Абидо, несколько гуннов напились

¹⁶ См. Бэри. История поздней Римской империи.
Регулярная пехота (комитаты и федераты) — 10 000;
Регулярная кавалерия (то же) — 3500;
Комитат Велизария (спецвойска) — 1500;
Гунны (спецвойска) — 600;
Герулы (спецвойска) — 400;
Итого — 16 000.

и устроили ссору, как это водится среди них. Двое воинов убили своего товарища. Велизарий отдал их под суд и повесил. Когда гуннский командир сказал полководцу, что такое наказание не в обычае их народа, Велизарий возразил, что это надо было сделать ради поддержания дисциплины. Более того, Велизарию удалось убедить гуннов в своей правоте и справедливости своих действий. В течение всей экспедиции в войсках больше не было ни одного инцидента такого рода. Как ни были грубы воины, они, как и большая часть человечества, предпочитали порядок анархии, если порядок мог обеспечить надежность их существования.

Следующая неприятность случилась в Метопе. Когда открыли лари с припасами, выяснилось, что хлеба заплесневели. Согласно правилам того времени хлеб для надежной стерилизации следовало выпекать в печах дважды до появления хрустящей корочки. Но склонный к экономии Иоанн Каппадокийский предложил печь хлеб в общественных банях. Но печи бань предназначены не для выпечки хлеба, а для подогревания воды. От употребления в пищу недоброкачественного хлеба в войске умерли пятьсот воинов, прежде чем дело открылось, и раздача испорченного хлеба была прекращена. Велизарий на собственные средства закупил новый хлеб и отправил императору подробный рапорт о случившемся несчастье. Надо сказать, что Иоанн не понес никакого наказания.

После Метоны корабли ненадолго зашли в гавань острова Закинф, откуда отправились в путь по Ионическому морю на Сицилию. Это была самая опасная часть пути; если бы не перспектива передохнуть в портах Сицилии, у экспедиции не было бы ни малейшего шанса достичь побережья Африки. Они попали в штиль, и путь до Сицилии занял шестнадцать дней. На кораблях стал ощущаться недостаток пресной воды. Как выяснилось, Антонина, руководствуясь чутьем истинной домашней хозяйки, предвидела такую возможность: она сделала на флагмане свой запас питьевой воды, и Велизарию и его штабу оставалось только благодарить за это свою судьбу. Византийцы достигли Сицилии, вероятно, с тем же чувством, с каким конкистадоры достигли неведомой Индии. На Сицилии их ожидала важная новость.

Велизарий ожидал, что по пути к Африке его перехватит флот вандалов; виды на исход возможной битвы были далеко не оптимистичные. К своему большому удивлению, Велизарий узнал, что флот вандалов находится на Сардинии. В Сиракузах Прокопий встретил одного купца, своего старого знакомого, который получил от своего агента в Карфагене известие о том, что король Гейламир не имеет сведений об отплытии римского флота из Константинополя и не готовится к его встрече.

Это была неслыханная удача! Велизарий был не из тех людей, которые упускают подобные шансы, данные Провидением. Выйдя из сицилийской гавани, он без затруднений пересек узкий участок моря. Они могли двигаться в любом направлении, главная проблема заключалась в том, какое направление выбрать. Все побережье, как и вся страна, были неизвестны имперскому командованию. Некоторые полагали, что надо плыть сразу в Карфаген. Велизарий, однако, был против такого курса. Такой выбор был связан с риском: флот вандалов мог перехватить экспедицию у входа в гавань Карфагена. Велизарий решил идти в Триполитанию, где их каждый день с нетерпением ожидали мятежники.

После длительного путешествия войско высадилось на африканском побережье вместе с лошадьми и припасами и принялось обустроить укрепленный лагерь.

IV

На момент своего завершения эта успешная высадка в Африке была, вероятно, величайшей военной экспедицией, предпринятой цивилизованной державой на море. Это было более опасное и трудное предприятие, нежели нападение готов на острова Эгейского архипелага тремя столетиями раньше, поскольку на этот раз мы имеем дело с организованной экспедицией, а не спонтанным набегом; кроме того, экспедиция заведомо направлялась в зубы хорошо подготовленного противника. То, что вандалы не оказались на

месте, упустив момент, ни в коей мере не изменяет того, что они могли проявить большую предусмотрительность и встретить врага во всеоружии. Если это было бы так, то ход мировой истории мог бы стать совершенно иным. Однако Велизарий не собирался почитать на лаврах своего успеха. Он явился сюда за результатом и должен был нанести удар, пока обстановка благоприятствовала достижению успеха.

Первым шагом стало строжайшее запрещение войску заниматься грабежами и насилием. Возможность завоевания Африки целиком зависела от того, сумеет ли он снискать расположение местного населения. Местное население должно принять сторону Велизария. Армия обещала и в целом сдержала свое обещание не притеснять аборигенов.

Второго сентября войско Велизария высадилось у Капут Вада. Спустя два дня они были уже в Суллектуме, в девятнадцати милях от дороги на Карфаген. Пятого сентября римляне вступили в Хадрумет. Девятого сентября, продвигаясь по прибрежной дороге, выслав конные патрули вперед, а гуннов на параллельную дорогу в глубину пустыни, римляне добрались до прелестного места под названием Грассе. В эту ночь произошли первые столкновения с передовыми разведывательными отрядами противника. Очевидно, что основные вражеские силы также были недалеко.¹⁷ Велизарий продолжал быстро двигаться по дороге на Карфаген. Тринадцатого сентября он приблизился к городу Тунис.

С приближением к Тунису условия игры изменились, и Велизарий ощутил необходимость произвести рекогносцировку. Приказав войску окопаться в районе Дарбетэс-Сиф, он поскакал вперед вместе со своей конницей.

Есть большая разница между войной, в которой одна сторона атакует, а вторая обороняется, и войной, в которой наступают одновременно обе стороны. Быстрота и решительность столкновений и мелких стычек, которые начали происходить в данном случае, свидетельствуют о двух встречных наступательных движениях, запланированных противниками независимо друг от друга. Большая дорога пролегла по долине, отделенной с востока от моря чередой, невысоких холмов. На западе, за длинным хребтом, было расположено высохшее соляное озеро. В дальнем конце долины лежал Тунис, заполнявший брешь между морем и соляным озером. Это было место, самой природой предназначенное для обороны, но беда в том, что там не было обороняющихся.

Велизарий и его разведка скакали впереди, затем федераты, следом за ними регулярная конница, а в арьергарде находился комитат Велизария. Когда федераты подскакали к старой почтовой станции Аль-Десим, то поняли, что находятся в непосредственной близости от Туниса. Здесь их подстерегал первый сюрприз: в этом месте недавно произошла схватка. Вся местность была усеяна телами погибших вандалов и римских конников. Завесу тайны приподнял рассказ местных жителей.

Передовые отряды римлян, прибывшие около полудня, натолкнулись на разъезд вандалов, осматривавших местность. Последовал бой, в котором командир вандалов собственноручно убил двенадцать римлян, а когда его зарубили, его люди отошли по дороге на запад. Потом узнали, что бросившаяся в погоню римская конница проскакала двенадцать миль до окрестностей Карфагена, но была рассеяна несколькими ударами вандальских отрядов, двигавшихся в направлении на Тунис.¹⁸ Но в тот момент римляне не знали об этом и федераты продолжили свой путь к близлежащей возвышенности, чтобы осмотреть окрестности.

V

¹⁷ Если верить Прокопию, то представляется, что Велизарий знал намерения и местоположение войск Гейламира. Он знал, что Гейламир с основными силами находится в Гермione. Точное расположение Гермione в настоящее время неизвестно.

¹⁸ Конница была рассеяна так удачно, что те, кто пережил эти столкновения, утверждали, что было впечатление «нападения двадцатитысячной армии» (Прокопий. «Тайная история»).

То, что они увидели, оказалось для них полной неожиданностью. На юге напротив левого фланга Велизария к небу поднимались клубы пыли, за которыми разведчики разглядели сверкавшие на солнце доспехи вандалских конников, идущих быстрым маршем. К Велизарию был тотчас отправлен гонец со срочной вестью. У полководца не оставалось времени на проведение рекогносцировки. Длинные колонны вандалской конницы, идущей бешеным аллюром, приблизились к Десиму и остановились. Федераты, после короткой стычки, спасая свои жизни, отступили и поскакали к своим основным силам. Бегство было столь поспешным, что бегущие федераты смяли основные силы и обратили их в бегство. Эта толпа прискакала к Велизарию, похожая на сбившееся в страхе овечьё стадо. Если бы Гейламир не прекратил преследование, то ничто не смогло бы остановить его кавалеристов, они смяли бы порядки Велизария, и началась бы бойня. Но преследования не последовало, и бегство удалось остановить.

Гейламир придерживался одной из разновидностей лоскутной стратегии, при которой исход крупных военных операций на большом театре военных действий зависит от точного исполнения их деталей. Было девяносто девять против одного шанса за то, что где-нибудь что-нибудь пойдет не так. Практически сыграли свою роковую роль все девяносто девять шансов из ста.

Главные силы вандалов преследовали римлян по дороге от Грассе. Момент прибытия в дефиле Десима был рассчитан с невероятной точностью. Сейчас должен наступить момент, когда Гейламир выйдет в тыл отступающим римлянам, его брат Амнат сдержит их с фронта, а племянник Гейламира Гибамунд пересечет соляное озеро и ударит римлянам в левый фланг. Но Гейламир, доскакав до Десима, вдруг обнаружил, что перед ним не тыл, а фронт Велизария. Но глазам его предстала еще более ужасная картина. Оказалось, что командир вандалов, зарубленный в утренней стычке, был не кто иной, как его брат Амнат.

У историков вошло в обычай упрекать Гейламира за последовавшую задержку. Но с его точки зрения произошла катастрофа, ставившая под сомнение целесообразность продолжения военных действий вообще. Все задуманные планы рухнули; все, что могло пойти не так, пошло не так. Нигде не было видно Гибамунда. Что касается римлян, то они, скорее всего, продолжат начатое бегство. Спешившись, Гейламир приказал положить на помост тело Амната; начался ритуал оплакивания мертвых.

VI

Как только Велизарий ознакомился с обстановкой, он приказал немедленно наступать на Десим. Быстрое наступление застало вандалов врасплох. Будь их армия в движении, она смогла бы сокрушить уступавшее ей по численности войско Велизария. Но, подвергшись внезапному нападению на отдыхе, вандалы растерялись и начали беспорядочно отступать на запад, выходя из-под контроля командования. Велизарий продолжал преследование до наступления темноты, когда к нему присоединился авангард, который так кстати уничтожил Амната и его отряд. Фланговый корпус гуннов решил судьбу Гибамунда.

Гунны, шедшие параллельным маршрутом по местности, которая никогда не славилась своими природными красотами, впали в глубокое уныние. Вид чужих всадников, очевидно вражеских, приободрил и воодушевил этих природных воинов. Всадники пересекали соляное озеро. То, что вандалов было почти в три раза больше, нисколько не беспокоило степных джентльменов. Они подтянули подпруги, обнажили луки и очертя голову бросились на врагов, убивая их и преследуя оставшихся в живых, пока было кого преследовать, поражая противников на своем пути. Они вернулись к основным силам до заката, сожалея, что им больше не встретился ни один вандал. Такова была причина странного исчезновения Гибамунда.

Велизарий и его разведчики провели ночь в Десиме. Ничего особенно серьезного в течение этой ночи не произошло. Вандалы, не пытаясь контратаковать, продолжали

отступать в направлении Булла Реги, за Баград.

Схватка при Десиме является образцовым примером поражения бумажной схемы при ее столкновении с принятыми на поле боя командирскими решениями крупного тактика. Вандалы имели все преимущества: в численности, индивидуальной доблести воинов и знании местности. Но они действовали по оторванному от реальной боевой обстановки шаблону, в котором король пытался учесть передвижение всех своих сил, и были разбиты наголову полководцем, обладавшим тактическим даром, который приобретает в реальных сражениях.

VII

Пехота, которой не довелось принять участие в боевых действиях, прибыла вместе с Антониной на следующее утро. Теперь ничто не мешало решительному наступлению на Карфаген. На ночь армия расположилась лагерем у ворот великого города. Прием, оказанный ей, оказался на удивление горячим и восторженным; всю ночь, рассеивая тьму тропической ночи, в Карфагене горели огни. Велизарий решил не рисковать. Ему претила мысль о том, чтобы рассеять армию по улицам Карфагена. Ему очень не хотелось, чтобы гунны и герулы напились до того, как полностью остынут после боя. Итак, войско провело трезвую и спокойную ночь под яркими африканскими звездами. Только 15 сентября римляне во всем своем вооружении верхом, в пешем строю и на обозных повозках вступили в город. Им потребовалось всего тринадцать дней, чтобы взять город Гамилькара и Ганнибала.

Занятие Карфагена прошло без всяких эксцессов. Велизарий еще раз строго предупредил своих людей о недопустимости мародерства и насилия; воины очень хорошо знали своего военачальника и отнеслись к его словам с подобающей серьезностью. Когда Велизарий прибыл во дворец, вокруг него было выставлено обычное охранение, а армия разошлась по кварталам.¹⁹ В городе не была закрыта ни одна лавка, не была нарушена обыденная, повседневная жизнь горожан. Флот вошел в Тунисский залив, обеспечив надежную связь с Константинополем.

Велизарию сообщили, что многие вандалы спрятались в убежищах. Он известил их, что они могут выйти из укрытий, их не будут преследовать. Одно из первых неприятных открытий было сделано Велизарием вскоре после того, как римляне высадились в Африке. Он узнал, что бывший король Хильдерик был убит по приказу Гейламира. Несчастный Хильдерик всегда был лишь пешкой в руках более сильных мира сего. Его смерть означала крах надежд на раскол вандальского общества. Гейламир мог претендовать на верность всех вандалов.

Когда настало время обеда, высшие военачальники Велизария сели за стол Гейламира. Велизарий сел на место самого короля, за столом прислуживали придворные Гейламира.

Римляне начали африканский поход с самыми мрачными предчувствиями, не имея представления об его исходе. Вероятно, никто из них в эту минуту не смог бы в самой совершенной эпиграмме выразить обуревавшие их чувства.

¹⁹ Прокопий говорит, что Велизарий сел на трон Гейламира во дворце и принял отобранных для этого лиц. Первая беседа была омрачена жалобами мореходов на то, что их ограбили моряки Велизария! (Прокопий. «Тайная история».)

VIII

То, что король Гейламир бежал с войском в Булла Регию, означало, что война еще не закончена. Король быстро и удачно отступил с неблагоприятных позиций и теперь со свежим войском ждал прибытия с Сардинии своего брата Цазо. Наступление их соединенных сил по долине Баграда стало бы совсем не детской игрой.

Для начала Велизарий решил позаботиться о ремонте укреплений Карфагена. Хотя вандалы поставили себе за правило разбирать крепостные укрепления и разрушили почти все крепости в Африке,²⁰ но стены Карфагена оказались настолько мощными, что Гейламир не стал их разбирать, полагая, что они настолько плохи, что их ремонт представляется невыполнимой задачей. Велизарий придерживался иного мнения и велел начать работы по приведению стен Карфагена в боеспособное состояние.

Это упущение вандалов: решение не разрушать стены Карфагена стало для них фатальным. Тот, кто владел Карфагеном, мог не тратить время и силы на взятие и удержание других городов. То, что Велизарий мог удерживать и защищать Карфаген, делало его положение в Африке прочным и надежным. Прежде чем Гейламир начал свое наступление, местные племена уже выразили свое отношение к происходящему, послав изъявления покорности силе, владевшей великим городом.

Цазо провел в Сардинии победоносную операцию. Он и его войско возвращались домой, исполненные уверенности в своих силах и решимости побеждать. Без всяких помех со стороны римлян он высадился на побережье и в Булле присоединился к Гейламиру. Встреча братьев была очень эмоциональной и даже сентиментальной. Пока они, повиснув друг у друга на шее, плакали от умиления, Велизарий посвятил всю свою энергию весьма прозаической задаче — он восстанавливал стены Карфагена.

Целью братьев было выманить Велизария в открытое поле. Осада Карфагена не

²⁰ Целью вандалов в данном случае было сделать невозможной позиционную войну, в которой главным элементом были осады крепостей, и вывести военные действия в поле. Возможно, ту же цель преследовали германцы в Британии, разрушая Римские города. Прокопий упоминает о том, что Гайзерих разобрал стены всех африканских городов, за исключением Карфагена.

относилась к тому виду военных операций, где их полководческий талант мог проявиться во всем блеске; только в маневренных действиях в поле вандалы не видели преград на пути к достижению победы. Двигаясь по долине Баграда, они устроили ставку в Трикамароне, приблизительно в двадцати милях к западу от Карфагена. Цазо и Гейламир намеревались перерезать акведуки и пути снабжения, лишив Велизария продовольствия и воды, и сделать его положение в крепости невыносимым.

Но у Велизария не было намерения отсиживаться за стенами крепости. Он восстановил стены Карфагена для того, чтобы защитить свою армию от вандалов, но не вандалов от своей армии. Из того, что он видел, Велизарий сделал заключение: противник не обладает силами, хорошо обученными и оснащенными, чтобы противостоять римской армии в открытом столкновении. Велизарий осознал несколько новых для себя истин. Он начал понимать, что его конники, обученные воевать на персидской границе, обладают большей боеспособностью, чем равные им по численности кавалеристы, обученные воевать в западном стиле. Дело было не в том, что закованный в броню лучник Востока сам по себе являлся превосходным бойцом. Главное заключалось в том, что эту силу можно было по определенному плану перемещать, нанося концентрированные удары в нужное время и в нужном месте, что соответствовало древним римским военным традициям. Это преимущество попало в руки прирожденного тактика, который постиг главный закон войны: армия существует не для того, чтобы вытеснить, а чтобы наносить удары.

IX

Только в середине декабря Велизарий наконец выступил навстречу противнику. В Африке наступил прохладный сезон; готы и гунны, так же как фракийцы и галаты, теперь несли гораздо меньшие потери от тепловых и солнечных ударов. Гунны не скрывали своего отношения к Африке. Этот народ привык к травянистым степям и лиственным лесам; с отвращением смотрели гунны на доставшийся им теперь пейзаж песчаной пустыни. Шпионы вандалов начали распространять среди гуннов слухи о том, что константинопольская власть намерена оставить их в Африке. Уверения Велизария не смогли в достаточной степени успокоить гуннов из-за такой ужасной перспективы. Когда Велизарий выступил навстречу Гейламиру, гунны последовали за ним, обуреваемые большими сомнениями. Гунны были готовы подчиниться любому полководцу, который отправит их домой.

Лагерь у Трикамарона стал сборным пунктом всего вандальского народа. Здесь на маленьком пятачке собрались воины и их семьи, здесь же находились сокровища вандалов. Если оценить численность, богатство и весь цвет вандальского воинства, собранного в лагере, то армия Велизария на этом фоне выглядела довольно жалко. Имперские силы могли рассчитывать только на превосходство своей тактики.

Рубежом битвы при Трикамароне стал ручей, протекавший вдоль фронта римлян. Конные воины Цазо, отбросив копья и дротики, приготовились сражаться мечами, устроив бойню, в которой они рассчитывали стереть римлян с лица земли.

Но Велизарий сумел нанести упреждающий удар. Оставив в тылу пехоту, Велизарий двинул вперед конницу, прежде всего свой комитат под командой Иоанна Армянского. Тяжеловооруженные всадники Иоанна пересекли ручей, применяя копья, стрелы и мечи против вооруженных одними мечами вандалов. Сначала в бой пошло маленькое подразделение, которое обратилось в бегство после первого столкновения с противником, начавшим преследование. Преследователи были встречены вторым, более крупным отрядом римлян, которые также имитировали беспорядочное отступление. Затем основные силы римской конницы с громкими криками атаковали, обрушив всю свою силу на противника, боевые порядки которого были растянуты ложными отступлениями. Приведенные в полное расстройство превосходной тактикой римлян, вандалы сражались отчаянно и героически. Во время этого сражения были убиты Цазо и его лучшие воины, ряды вандалов дрогнули, они отступили к своему лагерю. Пало восемьсот вандалов, сраженных римским оружием. От

вандалских клинков погибли пятьдесят римлян. Соотношение потерь шестнадцать к одному стало убедительным свидетельством преимущества тяжеловооруженного, закованного в железо лучника над вооруженным одним мечом всадником-вандалом.

Сила действия равна силе противодействия. Вандалы, которые только что сражались с беспримерной храбростью, теперь были объаты столь же глубоким страхом. Атака тяжеловооруженной римской конницы стала бойней, в которой было расстреляно лучшее воинство вандалов, не имевших даже надежды на достойный отпор. Гейламир потерял все свое мужество, что не удивляет при соотношении потерь шестнадцать к одному. Тайком покинув лагерь, он поскакал в сторону Нумидийской пустыни. Как только вандалы обнаружили его отсутствие, началось всеобщее паническое бегство. У вандалов уже не было никакой организации и лидеров, способных направить совместные действия. Во всех окрестных церквах вандалы искали убежища и спасения.

Х

Есть вещи, которые не может сделать ни один человек. Например, никому не подвластно лишить человека способности чувствовать. Римская армия пошла вперед, подавляя противника и побеждая его, невзирая на его численное превосходство. Победа была полной и окончательной. Настал конец дисциплинарным ограничениям. Несчастье заключалось в том, что это освобождение от гнета напряжения, осмотрительности и ответственности наступило именно в этот конкретный момент. В лагере, куда ворвались римляне, находились женщины, сокровища и вина вандалов. Не было никакого средства оторвать воинов от этой приманки. Пока Гейламир бегством спасал свою жизнь, хотя никто его не преследовал, пока вандальские воины осаждали нумидийские церкви, Велизарий провел беспокойную и бессонную ночь. Если бы вандалы с мечами вернулись той ночью в свой лагерь, то римское войско перестало бы существовать. Но вандалы не явились. Только на рассвете мог утомленный бессонной ночью и волнениями Велизарий поздравить себя с неслыханной удачей. Утром он поспешил собрать первых попавшихся ему под руку воинов. Ему удалось поднять некоторых воинов своего комитата, и постепенно армию удалось вывести на смотр. Скорее всего, вид этого воинства в тот момент был жалким и непотребным, но настоящим чудом явилось то, что оно вообще уцелело.

Надо было успеть многое сделать: выслать разведчиков на поиски бежавшего Гейламира, найти разбежавшихся по церквам вандальских воинов. Надо было убедить их в добрых намерениях, уговорить сдаться и разместить под надлежащей охраной. Несмотря на понесенные тяжелые потери, вандалы еще представляли собой грозную силу, их насчитывалось много тысяч.

Занимаясь решением этих задач, Велизарий выдвинулся к Гиппон-Регию, где его ожидал настоящий сюрприз. Удача не покинула его. Небольшая группа вандалов, предусмотрительно спрятавшаяся в убежище, известила Велизария о том, что Бонифаций, казначей Гейламира, поручил им обсудить с Велизарием условия сдачи королевской сокровищницы. Эти люди хотели, чтобы Велизарий гарантировал Бонифацию свободу и сохранность его личного имущества. В обмен на эти гарантии Бонифаций был готов отдать Велизарии сокровищницу вандальских королей.

Объяснение этого замечательного предложения было не замечательнее самого предложения. Гейламир предвидел возможность поражения и велел перенести слитки золота на корабль, пришвартованный у причала Гиппон-Регия. Как только было получено сообщение о катастрофе при Трикамароне, послушный приказу Бонифаций приказал команде корабля отплыть от берега и взять курс на Испанию. Но встречный ветер загнал судно обратно в гавань. Понимая всю опасность сложившейся ситуации, Бонифаций пообещал команде судна щедрую награду, если они смогут вывести судно в любой порт, не находящийся под юрисдикцией Юстиниана. Команда предприняла невероятные усилия и вывела корабль из гавани, но здесь стало ясно, что случай безнадежный, пускаться в

плавание нельзя. Судно могло превратиться в корабль Ионы. Самым трудным оказалось вновь привести судно в порт Гиппон-Регий. Бонифаций принял случившееся как указание перста Божьего и отправил к Велизарииу послов.

Велизарий был донельзя обрадован таким предложением. Он понимал, что Бонифаций потребует солидных комиссионных, но римский полководец был не из тех, кто тревожится из-за таких пустяков. Он согласился на выдвинутые условия, и Бонифаций скрупулезно выполнил соглашение. Это было гигантское сокровище, настоящее Золото вандалов, богатства, накопленные за сотню лет пиратства и разбоя: золото нибелунгов, сокровища Дракона, золотые подсвечники и драгоценное убранство Иерусалимского храма Соломона, которые взял Тит, а потом отнял у римлян Гайзерих. Конечно, военная добыча бывает и больше. Персидские сокровища, взятые Александром Великим, были, вероятно, намного ценнее. Но вандальские сокровища, которые Велизарий перевез в Карфаген, занимают высокое место в табели о рангах военных трофеев, которые могут возбудить интерес всего человечества. Вероятно, ни один европеец не видел столько собранного в одном месте богатства до того дня, когда сокровища Атагуальпы и Монтесумы попали в руки Писарро и Кортеса.

XI

Вернувшись в Карфаген, Велизарий отправил Юстиниану сообщение о том, что его задание выполнено. Африка снова стала римской. Поражение Гейламира и гибель Цазо положили конец всякому организованному сопротивлению. Одна за другой все африканские провинции были возвращены под юрисдикцию Римской империи. Но как бы чудесен ни был успех, как бы хорошо ни провел Велизарий порученное ему дело, это не была его личная победа. Хотя он выступил в поход, когда ему было приказано, он все же испытывал сомнения в его исходе. Он в полной мере воспользовался преимуществами положения, в котором оказался, но, не будь Юстиниана, сам не осознал бы важности своих действий. Именно император оказался тем человеком, который предвидел и организовал победу.

Некоторые сообщения, приходившие Юстиниану из Африки, должно быть, вызывали у него тревогу. Он передал большую, чрезвычайную власть в руки Велизария. Полководец добился победы и получил в свое распоряжение такое богатство, каким выпадает распоряжаться очень немногим людям. Определенно среди подчиненных ему военачальников возникло мнение, что Велизарий не собирается возвращаться домой,²¹ а останется в Африке, чтобы стать независимым правителем. Эти военачальники даже взяли на себя труд записать свое мнение.

Велизарий обладал темпераментом, каким часто обладают гении. Человек, который способен отрицать очевидные истины публично, склонен переносить эту привычку в свою частную жизнь, что не всегда бывает удобно для его близких. Юстиниан решил не искушать Велизария соблазном пойти по порочному пути. Но император не мог просто взять и отозвать своего лучшего полководца из Африки. Нет, он сделал умнее и предложил Велизарииу выбор: вернуться домой или остаться в Африке.

Велизарий был уже предупрежден своими секретными агентами, которые успели ознакомиться с некоторыми важными письмами императора на эту тему. Но даже если бы ему пришлось принимать решение самому, то Антонина использовала бы подходящие стимулы, чтобы ее супруг принял верное решение. У него, впрочем, не было никакого желания прозябать в забытом богом углу империи, сражаясь с немытыми маврами, в то время как блестящая жизнь течет в далеком Константинополе. Велизарий высказал желание вернуться.

²¹ Прокопий, «Тайная история». Очевидно, гунны были не единственными, кто опасался, что им придется навсегда остаться в Африке.

Юстиниан был совершенно удовлетворен. Такой ответ послужил не только убедительным подтверждением верности Велизария, он совпадал с тайными планами императора. Для верного Велизария открывалось блестящее будущее в том случае, если он и дальше намеревался использовать свои военные таланты под руководством Юстиниана, а не предаваться фантазиям, приписывая себе таланты государственного мужа.

XII

Гейламир, бежавший в горы Нумидии, сидел там холодный, голодный, лишенный ванны и регулярных денежных поступлений, в удручающей обстановке шатра, окруженный местными подданными. Вандальский король был способен на истинную доблесть и упорное сопротивление тиранам, но был из тех людей, которые не могут долго обходиться без горячей пищи и чистых рубашек.

Фар, вождь герулов, который осадил короля в его убежище, вел подобную жизнь и разделял отношение короля к условиям жизни африканских дикарей. Поняв, что не сможет пробиться к убежищу короля по тайным горным тропам, Фар решил прибегнуть к тонкой дипломатии. Послание, которое он направил королю, оказалось действенным только потому, что апеллировало к чувствам, которые обуревали их обоих.

«Я нисколько не кичусь своей ученостью, — писал он, — она ничуть не больше вашей, поэтому хочу использовать здравый смысл, приобретенный мной на основе жизненного опыта. Скажите, ради всего святого, что вы делаете в этой дыре? Не кажется ли вам, что независимость, за которую вы сейчас держитесь, вряд ли стоит того, чтобы ее иметь? Сейчас вы вынуждены жить за счет кого-то другого; если это так, то почему бы вам не жить за счет Юстиниана? Как бедняк в Константинополе, вы будете гораздо богаче, чем богач в этих местах. Если вы считаете бесчестьем получать деньги из рук Юстиниана, то позвольте мне напомнить, что так поступает Велизарий, так поступаем мы, герулы, в жилах которых течет такая же голубая кровь, как в ваших. Вам предлагают хорошие условия: приличный доход, место в сенате, звание патриция и гарантию Велизария в подтверждение этих условий. Я могу понять упорство человека, который намеревается чего-то достичь с его помощью, но человек, который отвергает хорошие условия из чистого упрямства, просто глупец. К счастью для вас, еще есть время подумать и изменить свою позицию».

Гейламир признал разумность этого совета, но не смог заставить себя последовать ему. Его мучила неотвязная мысль: он считал нападение Юстиниана на него неспровоцированным. Совершенно очевидно, что он, невзирая на все происшедшие события, так и не принял концепцию, по которой Рим просто восстановил свой суверенитет там, где его никто не отменял; вандальский король еще считал себя «базилевсом», суверенным правителем. Его понимание соответствует озабоченности всех северных королей своим царственным статусом. В ответ на послание Фара Гейламир попросил хлеба, губку и лиру.

Посланец короля вандалов объяснил изумленному Фару причину такой странной просьбы. Гейламир хотел хлеба, чтобы его есть, губку, чтобы вытирать лицо, и лиру, чтобы воспеть свою злосчастную судьбу. Фар выполнил просьбу короля; он не заблуждался, понимая, что Гейламир не будет долго терпеть свое затворничество. Были предприняты все меры, чтобы воспрепятствовать любой попытке короля бежать. В конце концов Гейламир сдался.

Велизарию стоило огромного труда убедить Гейламира в истинности обещаний Рима. Вандальский король покорился своей участи и сдался на милость Велизария. Хотя Фар, как и другие подданные империи, считал, что Гейламиру повезло получить пожизненную пенсию, не ударив ради этого пальцем о палец, сам король смотрел на себя куда более серьезно. Во время своей первой встречи с Велизарием у стен Карфагена король внезапно разразился хохотом. Так он выказал свое отношение к трагедии падения «дома вандалов» и к темным силам судьбы, повергшим его в униженное положение. Многие из тех, кто наблюдал эту сцену, с радостью пострадали бы вместе с ним, чтобы получить такую же награду.

XIII

В апреле Юстиниан обнародовал план нового устройства правления в Африке, снова ставшей частью Римской империи. Власть вандалов была уничтожена и упразднена, арианство подавлено. Осенью Велизарий сел на корабль и отплыл из Африки, оставив ее в умелых руках своего преемника Соломона.

Возвращение Велизария домой через пятнадцать месяцев после начала экспедиции превратилось в памятное событие. Никогда ни одно приключение не было так хорошо подкреплено своими результатами. Чтобы наградить человека, который достойно провел важнейшую кампанию, Юстиниан обратился к традициям пятивековой давности и удостоил Велизария почетного триумфа — впервые за всю историю Константинополя. Триумф в честь одного человека — такого империя не видела со времен Августа.

Сам триумф стоит того, чтобы остановиться на нем особо. Хотя в некоторых деталях он отличался от прежних чествований, но по сути и великолепию мог с ними сравниться. Процессия началась у дома Велизария. Путь ее пролегал по главным улицам Константинополя до ипподрома. Вступив на ипподром, процессия сделала круг почета по беговой дорожке на глазах тысяч зрителей, стоявших перед императорской ложей. Трофейное оружие вандалов, сокровища вандальских королей, семисвечник с золотым столом,²² парадная карета вандальской королевы — все это было, вероятно, самой ценной, но не самой драматичной частью процессии. После этих сокровищ шел король Гейламир со своей семьей, военачальниками и остатками его племенной аристократии, за которыми следовали длинной чередой величественные в своем несчастье, высокие и мускулистые пленники. Гейламир полностью сознавал необходимость сохранять достоинство и напыщенно повторял уместные в данном случае слова: «Суета сует! Все — суета!» Последним шествовал Велизарий. Он шел пешком в сопровождении своего комитата — людей, которые, остановив у Десима паническое бегство, превратили его в победный марш после сражения при Трикамароне.

Гейламир мог сколько ему угодно повторять, что все суета; но никакая вандальская монархия не могла бы явить миру такой умопомрачительный блеск, как сидевшие бок о бок Юстиниан и Феодора в диадемах, с державой и скипетром, одетые в пурпурные шелка и вышитые золотом ткани. Велизарий простерся ниц перед величием Римской империи, перед мировой державой, перед которой должны преклониться все. Гейламир поначалу не желал кланяться. Он желал найти прибежище в уравнивающей всех доктрине о суете сует. Но он зашел слишком далеко, и ему некуда было отступать. Если его победитель не считает для себя зазорным поклониться императору Рима, то почему он, Гейламир, не может сделать то же? Сильные руки начали медленно прижимать его к земле. Он подчинился с неохотой, но распростерся ниц; и обутая в алый сафьян нога Юстиниана вдавила в землю его голову.

Так погибло вандальское царство. В течение восьми веков эта сцена будоражила воображение жителей севера. Люди, которые не помнили, кто такой Юстиниан, не знали о существовании Гейламира, рассказывали историю о плененном короле, распростершемся ниц перед тронном своего победителя.

XIV

В том, что касается материального благосостояния, Гейламиру не на что было жаловаться. После сцены на ипподроме Гейламир вел в Галатии жизнь обычного сельского

²² Прокопий рассказывает, что один иудей (имя которого не названо) напомнил о несчастьях, которые преследуют владельцев этого трофея, и высказал мнение, что этот светильник и стол не найдут успокоения нигде, кроме Иерусалима. Когда об этом рассказали Юстиниану, тот согласился и велел отправить старую реликвию в Иерусалим (Прокопий. «Тайная история»).

помещика. Его воины пошли на службу в императорскую армию, некоторые попали в комитат Велизария. Потомки Хильдерика получили пожизненную пенсию от щедрот Юстиниана и Феодоры. На свете было очень мало войн, которые заканчивались бы так дружелюбно.

XV

Император,²³ триумфатор, необходимо было добавить к этому перечню еще один титул для Велизария, и он получил его. Юстиниан назначил его консулом на следующий год. Вступление в должность стало памятным событием. Представители вандальской племенной знати подняли на свои плечи Велизария, как победителя. В толпе разбрасывали золотые монеты. Юстиниан хорошо знал характер своего верного слуги. Велизарий был не склонен помышлять о занятии трона, если другим способом можно легко получить почти такие же блестящие почести.

Глава 6 ОБМАН КОРОЛЯ ТЕОДАХАДА

I

Велизарий оставался в Константинополе под рукой у Юстиниана в течение первых трех месяцев своего консульства. Он не стал хуже от отдыха и перемены образа жизни. Но пока Велизарий отдыхал, император продолжал работать. Стало ясно, что уничтожение вандальского королевства было выполнено вовремя, так как еще до наступления июня созрела новая проблема, требующая твердой руки.

Мы уже упоминали об отношениях имперской власти и короля Теодориха. После смерти короля, последовавшей в августе 526 года, на престол вступил его малолетний внук Аталарих, но действительной правительницей стала регентша, мать Аталариха Амаласунта. Трудно удержаться от рассуждений на тему о том, как развивались бы события, будь жив отец Аталариха Амалунг Эутарих. Мы можем почти наверняка утверждать, что история Европы в этом случае была бы иной. Но Эутарих умер, когда его сыну было всего четыре года, оставив Амаласунту один на один с капризным, своевольным ребенком и с готами, чьи взгляды на женщину мало отличались от взглядов на нее со стороны современных пруссаков. Амаласунта была умной женщиной, воплотившей в себе лучшие способности и энергию представителей рода Амалунгов. Ее сын должен был стать таким же великим королем, как и его дед. Но Амаласунта не смогла выдержать тяжкий груз на своих женских плечах. Когда мы читаем о некоторых поздних деяниях императрицы Феодоры, нам следует помнить, что маленькая гречанка, имея перед глазами живой пример Амаласунты, знала, какой живостью ума, неутомимостью и умением балансировать на острие ножа должна обладать женщина, чтобы устоять в схватке с мужчинами.

Амаласунта приложила все усилия, чтобы дать сыну римское образование и сделать его цивилизованным человеком. Готы, не видевшие в этом никакой необходимости, утверждали, что образованность не принадлежит к числу мужских добродетелей. Конечно, готы были богохульниками, осужденными в аду кормить коршунов и ворон, но Амаласунта проявила мудрость и не стала настаивать на своем. Единственное, в чем ребенок действительно нуждался, это в отце. Мужское воспитание, которое тяжким бременем легло на детские

²³ В Древнем Риме императором, строго говоря, называли военного вождя, который вел войска в поход. Титул, который соответствовал русскому значению слова «император», у римлян назывался «принцепс». В английском оригинале император — emperor, здесь Бейкер употребляет другое слово: imperator. (Примеч. пер.)

плечи Аталариха, подточило его телесные и душевные силы. Мальчику было суждено умереть в возрасте всего шестнадцати лет.

До того как это случилось, Юстиниан уже имел дело с Амаласунтой. Королева готов, не сумев избавиться от людей, принудивших ее отказаться от намерения дать образование сыну, обратилась к Юстиниану с просьбой предоставить ей убежище, если дела примут опасный оборот. Юстиниан с готовностью согласился и даже отдал распоряжение подготовить все необходимое для приема королевы в Константинополе. Однако Амаласунта не воспользовалась гостеприимством императора, так как с течением времени ей удалось с успехом осуществить свои планы. Три ее главных противника пали от кинжалов убийц. На какое-то время королева получила передышку.

II

Все это происходило в год восстания «Ника», когда Велизарий готовил свою армию к походу в Африку. При сложившемся положении дел было естественно, что порты Сицилии оказались к услугам армии Велизария. В том же июне, когда корабли армии шли к африканским берегам, в Италию прибыли епископ Эфеса и епископ Филипп в сопровождении некоего Александра, агента Юстиниана. Предметом миссии Александра было секретное соглашение с Амаласунтой. Королева понимала, что дни ее сына Аталариха сочтены. Она лишится власти, как только его не станет; ее враги без промедления воспользуются этим обстоятельством. Предложение Амаласунты было простым — она хотела спасти свою жизнь, отдав Италию в руки Юстиниана. Вооружившись этим планом, Александр вернулся в Константинополь и положил схему заговора на стол императора. Вместе с Александром вернулись оба епископа.

Епископы привезли Юстиниану другой план, неизвестный Амаласунте. Автором этого плана был двоюродный брат королевы Теодахад. Люди такого типа не редкость в истории северных народов — наш новый герой отличался сверхъестественным коварством и стяжательством; этот человек получал истинное удовольствие от собственных злых козней. Если готы возражали против образованности, глядя на Теодахада, то их опасения имели под собой твердую почву. Теодахад был культурным человеком, читавшим по-гречески диалоги Платона... Очевидно, он читал их не для того, чтобы познать философию, а хотел поупражняться в искусстве диалектики. Вообще, он отличался замечательной способностью хитростью лишать людей их собственности ради личного обогащения. Теодориху и Амаласунте приходилось обуздывать неумную энергию Теодахада... Между тем этот диалектик сумел незаконными путями прибрать к рукам большую часть Этрурии... Идея, которую Теодахад предложил епископам, заключалась в том, что Теодахад продает свои владения в Этрурии Юстиниану в обмен на пожизненную ренту и дом в Константинополе. Этот план епископы положили на стол императора.

III

Эти два предложения, одновременно поступившие к Юстиниану, предоставили в распоряжение императора ошеломляющее разнообразие возможностей для политического вмешательства в итальянские дела. В обдумывании этих возможностей Юстиниан провел весь остаток лета. Судя по его последующим действиям, император обсуждал эти дела с Феодорой; ясно, что она была хорошо знакома с деталями обоих планов. В октябре 534 года из Константинополя в Италию отбыл агент и посланник императора Петр. Мы можем с полным основанием предположить, что инструкции, полученные Петром от Юстиниана, мирно уживались с набором инструкций, полученных от Феодоры.

Прибыв в Фессалоники, Петр встретился там с посланниками Амаласунты. Ее сын Аталарих скончался 2 октября, а 3-го Амаласунта делает опрометчивый шаг и выходит замуж за Теодахада. Этот поступок, конечно, не был бесосновательным или нерасчетливым.

После смерти Аталариха единственным живым отпрыском мужского пола из рода Амалунгов оставался Теодахад. Он был единственным, кто имел законное право претендовать на трон королевства готов. Теодахад был единственным прямым наследником Ирминриха. Его женитьба на Амаласунте логически была вполне обоснованной. Она давала ему трон, на который он имел полное право; жену, равную ему по происхождению — наследницу Теодориха; кроме того, эта женитьба укрепляла положение Амаласунты, которая в другом случае теряла власть...²⁴ Но сама Амаласунта проявила в этом поступке обычный здравый смысл и не поняла, какую хитрость замыслил Теодахад, согласившись на свадьбу. Он задумал обезопасить себя, продав Амаласунту, а затем продав тех людей, которым он собирался уступить ее по выгодной цене.

Петр продолжил свой путь, но в Валоне встретился с Либерием и Опилем, посланцами Теодахада, которые сообщили Петру, что он заточил Амаласунту на острове, расположенном посередине озера Большено. Новый король готов очень быстро расправился с Амаласунтой и получил поддержку всех ее врагов. Петр прервал свое путешествие, сделал остановку и отправил гонца с экстренным сообщением в Константинополь. Человек Петра прибыл в Константинополь намного раньше, чем Либерии и Опилей. Юстиниан, получив известие от своего агента, немедленно составил письмо, в котором объявлял, что Амаласунта находится под его покровительством. Несколько позже Петр получил известие от Феодоры. Императрица не желала видеть Амаласунту в Константинополе. Феодора не желала рисковать. Королева готов могла стать опасной соперницей, окажись она рядом с Юстинианом. Эта женщина могла стать неплохой заменой самой Феодоре. По уму и деяниям она не уступала гречанке; кроме того, Амаласунта была молода, красива и имела то неоспоримое преимущество, что была дочерью короля, наследницей Теодориха. Было бы безумием или безнадёжным проявлением слабости позволить такой женщине обосноваться в Константинополе.

Как большинство мужчин, Петр сразу понял, кому следует подчиниться. В своем дипломатическом багаже он повез в Италию письмо Юстиниана, но послание Феодоры сохранил в своей памяти. Надо думать, что императрица вряд ли осмелилась доверить пергаменту свое послание.

IV

Учитывая все отъезды и возвращения, ожидание инструкций и подготовку донесений, надо полагать, что Петр прибыл в Италию не раньше января. Сразу по прибытии посланник императора вручил королю письмо Юстиниана и дал понять, что любой вред, причиненный Амаласунте, будет означать начало войны. Теодахад оказался в затруднительном положении, выйти из которого ему вряд ли помогло бы тщательное изучение философских методов Сократа. Король не был воином и не мог пойти на риск, связанный с войной. Война не приносила ему удовольствия, он не желал ее. С другой стороны, он также не мог без ущерба для себя освободить Амаласунту. Оставалось одно: оставить все как есть и ждать прояснения ситуации. Именно в этот момент Петр пустил в ход тайные инструкции Феодоры.

Петр должен был любым способом сделать так, чтобы ответственность за смерть Амаласунты пала на Теодахада. Должно быть, миссия убедить Теодахада взять на себя ответственность оказалась исключительно сложной, ибо Петр потратил на ее решение около трех месяцев. С большим трудом ему удалось убедить Теодахада в том, что гораздо безопаснее интриговать вместе с Феодорой против Юстиниана, чем с Юстинианом против Феодоры. Император мог говорить все, что угодно, но надо ли бояться этих бутафорских

²⁴ Не стоит сбрасывать со счетов мнение членов семейного клана Амаласунты. Теодахад, как Амалунг, был практически единственным человеком, равным по рождению Амаласунте, за которого она могла выйти замуж. Этот дух старинной племенной кастовости, таким образом, не является изобретением Гогенцоллернов.

громов и молний, если Феодора держит сторону Теодахада? Феодора предложила королю присылать все претензии к Константинополю исключительно на ее имя. Убедившись в правильности выбранного курса, Теодахад решился. По его приказу Амаласунта была задушена в ванне.

Убийство дочери великого короля Теодориха буквально потрясло готское общество. Петр, уверив короля в том, что кровопролитная война стала неизбежной, спешно покинул Италию и отбыл в Константинополь, но Теодахад продолжал надеяться, что тайный уговор остался в силе. Но он оказался битым женщиной, чье искусство плести интриги оказалось выше его собственного. Феодора отлично знала, что ей не придется платить долги, так как Юстиниан не замедлит устранить кредитора!

V

Со своей сенсационной новостью Петр вернулся в Константинополь в конце мая. Вероятно, посол полагал, что повод к войне так удобен, что Юстиниан не станет вникать в мелкие подробности подготовки. Если так, то Петр оказался прав. Мы не можем утверждать, что Юстиниану были известны истинные обстоятельства смерти Амаласунты. Даже если он и знал о них, то такая осведомленность ни на йоту не изменила бы его политику. Со всей присущей ему энергией Юстиниан решил примерно наказать убийцу.

Положение завершилось кризисом, который разразился в первые месяцы консульства Велизария.

Император дал консулу и триумфатору Велизарию свои инструкции в начале июня, а в конце этого месяца главнокомандующий Велизарий по уже знакомому пути отплыл на Сицилию. Масштаб экспедиции на этот раз был относительно скромным. Велизарий отбыл в поход, имея под рукой всего восемь тысяч человек. Юстиниан не желал тратить деньги на военные приготовления, которые могли оказаться избыточными. С одной стороны, нельзя было исключить, что Теодахад откажется от короны добровольно, и тогда Италия без борьбы окажется в руках императора. С другой стороны, если готы предпочтут войну, то полномасштабная военная экспедиция в Италию должна быть более грандиозным мероприятием, чем вторжение в Африку. Кроме того, готы были более многочисленны, чем вандалы, и имели репутацию отменных бойцов. Небольшая армия может быстро выйти из войны, если она окажется затяжной и слишком тяжелой. Из этих соображений император велел Велизарию начать кампанию тихо, не привлекая к себе излишнего внимания. Сам Велизарий был готов использовать все минусы своего положения. Большую часть своей карьеры он только тем и занимался, что обращал трудности в свою пользу. Вступление небольшой армии в Южную Италию могло показаться прелюдией к выполнению далеко идущих планов вторжения, к отражению которого никто не готовился.

Все последовавшие события и действия, несмотря на кажущуюся разобщенность в пространстве, были тесно связаны между собой и сильно влияли друг на друга. Велизарий высадился в Катане, занял Сиракузы и практически без боя сумел овладеть всей Сицилией. Только в Панорме он столкнулся с вялым сопротивлением готского гарнизона. К концу года Сицилия полностью оказалась в руках Юстиниана; в Сиракузах Велизарий торжественно сложил с себя консульские полномочия. В это время Мунд занял готскую провинцию Далмацию на Адриатическом побережье и вступил в Салону. Теодахад предпринимал отчаянные попытки заключить мир. Король не желал войны; он не мог положиться на войну как на политический инструмент решения проблем и продолжал находиться во власти опасной иллюзии. Ему казалось, что он сумеет все уладить, если правильно поведет игру.²⁵

²⁵ Историки весьма жестко оценивают действия Теодахада. Однако если мы будем считать правдивыми высказанные Прокопием в «Тайной истории» утверждения о том, что Теодахад убил Амаласунту по наущению Феодоры, то все его поступки обладают определенной логикой. Война была навязана Теодахад, который до последнего момента верил, что с ним обойдется честно.

Теодахад убедил папу римского отправиться в Константинополь с мирными предложениями. В это время в Рим вернулся Петр, привезший готскому королю предложения Юстиниана. Дипломатическая миссия папы закончилась неудачей, и Теодахад с ужасом понял, что ему придется самому изложить свои условия заключения мира.

VI

Поскольку Теодахад не имел намерения воевать, то ему оставалось выработать такие условия мира, которые примет Юстиниан и не отвергнут готы. Король колебался и размышлял. Наконец проект был составлен, и король вручил Петру документ, который предусматривал уступку Сицилии (которую король к тому времени фактически утратил) и явное признание имперского суверенитета²⁶ (который в принципе был давно признан). Теодахад не испытывал особого стыда, делая уступку немногим более явную, нежели великий Теодорих. Вероятно, король пошел бы дальше в своих предложениях, если бы осмелился. Будучи образованным человеком, он в полной мере сознавал значение императорского суверенитета. В признании верховенства имперской власти он был ограничен лишь мыслями своих подданных, которые не желали разделять взгляды своего короля. Петр был уже на пути в Константинополь, но в Альбано его догнал курьер Теодахада и попросил вернуться в Рим.

Историк очень точно воспроизводит суть разговора, состоявшегося между Петром и Теодахадом.

Теодахад. Ты действительно думаешь, что император примет условия, которые я изложил в письме?

Петр. Полагаю, что он поступит именно так.

Теодахад. Но что будет, если мои условия не удовлетворят его?

Петр. В этом случае придется воевать.

Теодахад. Мой дорогой посол, разве это честно?

Петр. В чем заключается вопрос? Честно, когда люди поступают согласно характеру занимаемого ими положения.

Теодахад. Что ты хочешь этим сказать?

Петр. Ты философ, а философам не подобает сражаться. Юстиниан же государственный муж, и для него такой поступок является вполне обоснованным.

То был неотразимый аргумент. Вероятно, Теодахад понимал, что философу не подобает сражаться, с его стороны это непростительная глупость; и король принял решение. Он не мог пойти дальше в своих мирных предложениях, ибо его тогда не поддержали бы готы. Единственной альтернативой было бросить готов на произвол судьбы, отказаться от короны в обмен на защиту и покровительство императора. Если готы после этого захотят воевать, то они будут делать это на свой страх и риск, по велению собственных сердец.

Соответственно такому плану было составлено новое соглашение. Стороны договорились, что сначала Петр вручит Юстиниану послание, которое Теодахад уже написал. Если предложения будут отвергнуты (и только в этом случае), Петр вручит императору еще одно письмо, которое Теодахад начал составлять. Во втором письме Теодахад соглашался передать свои королевские прерогативы Юстиниану в обмен на фиксированный пожизненный доход. В присутствии Петра король и его жена, королева Гуделива, дали клятву выполнить условия, содержащиеся во втором письме. Сам Петр дал

²⁶ Признание верховенства императорской власти предусматривало ежегодную посылку в Константинополь тридцати фунтов золота и трехсот воинов в полном вооружении. Кроме того, король терял право осуждать на смертную казнь сенаторов и священнослужителей без разрешения императора; самостоятельно возводить людей в патрицианское и сенаторское звание. Во всех официальных документах и актах имя императора должно было указываться первым. Готский король не имел также права устанавливать свои статуи отдельно от статуи императора. Эти условия были, по сути, чем-то вроде номинальной арендной платы.

клятву, что не вручит императору второе письмо раньше первого.

Предчувствия не обманули Теодахада. Юстиниан не пожелал довольствоваться предложениями, содержащимися в первом письме. В нем не оказалось ничего ценного; войной можно было добиться гораздо большего. Петр, выполняя условия соглашения с Теодахадом, вручил императору второе письмо, содержание которого совпало с намерениями императора. Открывалась реальная перспектива захватить Италию без войны. Юстиниан принял условия и приказал Петру немедленно отправиться в Италию, чтобы подготовить все необходимое для заключения соглашения. Велизарию было предписано ждать в полной готовности, чтобы захватить Италию.

VII

Юстиниан всерьез надеялся, что соглашение будет воплощено в жизнь, но его ждало жестокое разочарование. Петр не успел вернуться в Италию, когда готы не оставили камня на камне от императорских планов.²⁷ По прибытии в Италию Петр убедился в том, что готские вожди взяли бразды правления в свои руки. Очевидно, они сказали Теодахаду, чтобы тот не тревожился по поводу войны. Они сами проведут столько сражений, сколько потребуется.

Петра встретил взволнованный король, не склонный ни к отречению, ни к исполнению клятв. За его спиной стояли угрюмые готские вожди, которые управляли королем, словно марионеткой. Несмотря на посольское достоинство, Петр и его спутники были взяты под стражу.

Поначалу казалось, что готские вожди были правы. Дело не только в том, что погиб Мунд, а имперской армии пришлось спешно покинуть Далмацию. Сам Велизарий тоже отсутствовал на театре войны. Ему пришлось спешно пересечь море и отбыть в Африку, где вспыхнул военный мятеж, потребовавший его личного вмешательства. В течение месяца готы с гордостью прислушивались к гробовому молчанию из императорского дворца. Где Юстиниан? Где ужасы, которые он обещал обрушить на готские головы? Но затишье было недолгим. В мае и июне Констанций вступил в Далмацию и вновь оккупировал ее. В конце июня Велизарий пересек Мессинский пролив и высадился в Регию.

Война началась.

VIII

Некоторое время готы не могли понять, что происходит у них на глазах. Готский военачальник, руководивший обороной Мессинского пролива, перешел на сторону Велизария. Так как он приходился зятем Теодахаду, то его измена вряд ли сильно воодушевила готов. Двести сорок миль от Регию до Неаполя Велизарий, не встречая никакого сопротивления, прошел со своей армией по прибрежной дороге, сопровождаемый флотом, который шел параллельным курсом. Имперский военачальник явно не спешил. Для того чтобы преодолеть двести сорок миль, ему потребовалось более трех месяцев. Когда в октябре Велизарий подошел к Неаполю, там не было никаких готских сил, за исключением

²⁷ По традиции историки считают, что нерешительный Теодахад был так потрясен успехами готов в Далмации, что вновь обрел уверенность в своих силах. Такое мнение не может считаться истинным. Теодахад не мог не знать о воинской доблести своих соплеменников готов. Готские воины посмеялись бы над самой мыслью о том, что они могут проиграть войну. Другая история рассказывает нам о любопытном пророчестве: «Africa capta, Mundus peribit» (Африка падет, Мунд погибнет). Гибель Мунда в Далмации стала счастливым предзнаменованием для готов. Политические деятели обычно обращают мало внимания на подобные мотивы действий. Возможно, этот случай можно приписать архаичной аффектации со стороны Прокопия. Представляется, что на самом деле готские вожди, узнав о предательстве Теодахада, попросту отстранили его от власти и взяли бразды правления в свои руки.

городского гарнизона.

Депутация граждан Неаполя не стала тратить время даром и вышла навстречу Велизария. Граждане подчеркивали малозначительность своего города и уговаривали Велизария, не тратя времени на взятие Неаполя, продолжить наступление на Рим. В ответ он напомнил горожанам, что не нуждается в их советах. Готский гарнизон может с воинскими почестями покинуть город, но мирное население должно сдаться. Велизарий попытался облегчить сдачу, пообещав главе депутации полное уважение законов и обычаев города в случае благоприятного исхода переговоров. Горожане удалились в город обдумывать положение.

Современный читатель, глядя на эту ситуацию, будет охвачен страстным желанием дать горожанам совет поскорее согласиться с противником, так как им с ним по пути. Но читателю предстоит родиться через пятнадцать веков, а жители Неаполя, не предполагавшие, что их дела вызовут такой интерес потомков, принялись с жаром обсуждать сложившуюся ситуацию. Сторонники готского правления настаивали на том, что Велизария следует предъявить такие условия сдачи, которые он, скорее всего, отвергнет. Однако Велизарий (щедрая натура) согласился с выдвинутыми условиями. Поставленные в тупик сторонники готов обратились к собранию граждан, стараясь убедить их в том, что Велизарий не сможет защитить их в случае, если они согласятся сдаться, и не сможет взять город, если они откажутся это сделать. Готы казались более страшными противниками, нежели Велизарий. Иудейская община, не испытывавшая восторга от перспективы антисемитского имперского правления, поддержала такую точку зрения. Таким образом, невзирая на все уступки, которые был готов гарантировать Велизарий, граждане Неаполя отказались сдаться и передали свое решение представителю императора.

Осада Неаполя продолжалась двадцать дней — несколько дольше, чем ожидал или мог себе позволить Велизарий. Впрочем, аргументы неаполитанцев были не совсем беспочвенны. Их город действительно не был особенно важным, и Велизарий столкнулся с большими трудностями при его взятии. Под стенами Неаполя он терял драгоценное время. Велизарий уже отдал приказ о возобновлении наступления на Рим, когда ему внезапно улыбнулось военное счастье. Имперской армии удалось перерезать систему водоснабжения города. Один из воинов, осматривая старый акведук, обнаружил, что канал, идущий в город, можно расширить так, что по нему сможет пройти человек. Потребовалось несколько дней работы, чтобы жители Неаполя, сами того не подозревая, оказались в руках Велизария.

Прежде чем отдать приказ, который означал, что с цепи будут спущены гунны, герулы и исаврийцы, Велизарий в последний раз настоял на встрече с горожанами. Он уверил граждан, что у них нет возможности устоять, и предложил сдаться, чтобы избежать ненужного кровопролития. Как и следовало ожидать, горожане не поверили имперскому полководцу и отвергли его предложение, сочтя его уловкой Велизария, на которые, как все знали, он был большой мастер.

Воины императора прошли по расширенному каналу акведука и, захватив предмостные укрепления Неаполя, значительно облегчили себе штурм. Неаполь был взят; но только к утру из него удалось отвести гуннов. Ценой энергичных усилий Велизария удалось восстановить порядок и дисциплину. Готский гарнизон был милостиво пощажён и не имел оснований жаловаться на плохое обхождение.

IX

Падение Неаполя вызвало замешательство среди готов. Теодахад не сделал ни малейшей попытки овладеть ситуацией либо в соответствии с поставленной им целью, либо вследствие своей полной некомпетентности. Возможно, он был безумен, но всякое безумие должно иметь свои границы. Теодахад на практике проиллюстрировал поговорку о том, что лошадь можно заставить войти в воду, но нельзя заставить ее пить. Приказали королю воевать, и так он воевал.

В конце ноября в Регате, в Лациуме, была созвана встреча латинских и кампанских готов. Перед ними стояла задача чрезвычайной важности. Низлагая Теодахада, они силой пресекали славную династию Амалунгов. Теодахад был последним в этом древнем роде. В наличии не было ни одного кандидата с равными по древности корнями. Наконец, после долгих споров готы выбрали в короли человека по имени Витигис.

Исключительная слабость такого метода выбора короля была проиллюстрирована выборами Витигиса. Произвольный выбор лидера всегда предусматривает компромисс. Витигис не был человеком, в пользу которого высказалось большинство, он был человеком, против которого выступило меньшинство. Этот факт не был замечен современниками; но ему было суждено оказать сильное влияние на дальнейшую судьбу народа остготов; выборы стали маленькой шестеренкой, которой передалось вращение чудовищного колеса судьбы. Выборы Витигиса решили судьбу Италии.

Объявление о вступлении Витигиса в королевское достоинство представляет собой впечатляющий документ. Люди редко проявляют такую серьезность в рассуждениях о своих принципах, как в случаях, когда их деяния представляются шаткими им самим. Документ пространно повествует о легитимности титула Витигиса: сказано много слов о том, как его выбирали при ясном свете и при стечении народа, а не в темном углу королевской опочивальни; о том, что источником его достоинства (кроме Божественного Провидения) стало свободное волеизъявление народа. Эти фразы должны были завуалировать тот факт, что Витигис не происходит от священного рода Амалунгов или ему подобных, а является обычным человеком, который обязан короной исключительно своим подданным. Слова затушевывали тот факт, что избрание явилось нарушением старой системы, результаты чего были непредсказуемы.

Если Витигис должен был править, то Теодахад должен был умереть. Новый король со всеми своими недостатками не смог бы получить авторитет, если бы в Италии оставался священный король из древней династии Амалунгов. Был отдан приказ схватить Теодахада живым или мертвым. Теодахад, который находился в Риме, попытался бежать в Равенну, но по дороге был схвачен и умерщвлен.²⁸ У Теодахада были веские причины раскаиваться в том, что он попал в сети Феодоры. Вместе с Теодахадом закончилась череда королей из династии Амалунгов, первых политически значимых королей Северной Европы.

Декабрь. В первую неделю месяца Витигис вступил в Рим и созвал встречу. Поскольку с севера готам угрожали франки, а с юга имперские силы, Витигис предложил сначала избавиться от франкской угрозы, а потом, повернув на юг и собрав все силы, выйти навстречу Велизарии. У такого решения были веские основания: войско можно было набрать только в Северной Италии, где жило подавляющее большинство готов. Не было очевидных причин идти на юг, а потом возвращаться на север, если была возможность сделать все в одном месте. Этот взгляд был принят, и совет одобрил план действий нового короля.

При прочих равных условиях здравый смысл, как правило, отказывает, если ему приходится иметь дело с донкихотским гением. Данный случай не стал исключением из этого правила. Витигис рассчитывал, соблюдая заведенный порядок действий, вывести в поле превосходящее противника по численности войско в нужное время, в нужном месте и при нормальном течении событий выиграть сражение. То были вполне обоснованные надежды, и совет готов (а в нем заседали отнюдь не профаны в военном деле) одобрил их. Итак, готское воинство отправилось на север, чтобы соединиться с новыми рекрутами, а Велизарий со своей маленькой армией совершил стремительный марш и занял Рим в тот момент, когда готы покинули его.

²⁸ Прокопий утверждает, что Теодахад был убит «как священная жертва». Возможно, имеется в виду, что его убили «весьма обдуманно»: подразумевается некий ритуал, который готы совершили над принесенным в жертву священным королем.

Х

Прибыв в Равенну, Витигис первым делом женился на Матасунте, дочери Амаласунты, сестре Аталариха. Эта женщина, наследница Амалунгов, могла придать некое подобие легитимности правлению Витигиса. Ее дети будут прямыми потомками Теодориха. Матасунта не высказала особого восторга, узнав о такой перспективе, но была вынуждена подчиниться. Ее симпатии и темперамент были сродни ее матери. Она не радовалась бракосочетанию с человеком, который был ниже ее по рождению. Ей также не нравились нынешняя политика готского государства и методы ее проведения.

После этого Витигис провел переговоры с франками, которые по наущению Юстиниана совершили отвлекающий маневр (как мы видели, вполне успешный) в пользу Велизария, вторгшись на север. Теодахад, близкий франкам по духу, хорошо понимал, как следует вести с ними дела. Делая небольшие территориальные уступки и платя деньги, он даже сумел заручиться обещанием поддержки в случае войны. Сейчас Витигис предложил подтвердить это соглашение, и франки изъявили согласие заключить его с преемником Теодахада. В то же время они сумели остаться в дружеских отношениях с Юстинианом и даже послали ему на помощь воинов других национальностей. Франкам было решительно невозможно подсунуть фальшивую монету. Короли не рассматривали соглашение с готами как обязательство с того момента, когда появился Юстиниан и появилась надежда на уступки больших территорий с его стороны.

Витигис обратился с письмом и к Юстиниану. Король подчеркивал, что поскольку причиной вторжения в Италию послужило заключение и убийство Амаласунты, то теперь она исчезла в связи со смертью Теодахада и восшествием на престол Витигиса, который призвал всех епископов Италии молить Господа о мире. Витигис не скрывал, что, так же как и Теодахад, он желает только мира. Ответ Юстиниана не сохранился. Вероятно, он напомнил Витигису, что самый надежный и быстрый путь к миру — безусловная капитуляция.

Такой выход не соответствовал замыслам Витигиса. В начале года готское войско было набрано, и в феврале начался поход на Рим. Готский король повел на врага двадцатитысячную армию,²⁹ ядро которой составляли закованные в броню рыцари на защищенных доспехами конях. В это время маленькая итальянская армия Велизария начала спешно заниматься земляными работами и восстановлением каменных стен, отчаянно торопясь сделать Рим пригодным к обороне.

XI

Приближение готов заставило вернуть все дозорные отряды, высланные Велизарием на север для наблюдения за продвижением неприятеля. Императорский полководец укрепился в Перудже, Сполетии и Нарнии. Укрепление последней вынудило готов покинуть Фламиниеву дорогу и пойти к Риму через Сабинию — по Салариевой дороге. Велизарий, предвидя это, поставил укрепление на пересечении этой дороги с Анио. На следующий день Велизарий во главе своего комитата отправился туда и обнаружил, что гарнизон без приказа покинул укрепление, а на мосту уже готская конница! Последовала скоротечная схватка. Велизарий ехал на прекрасно обученном боевом коне с белой звездочкой во лбу. Когда Велизарий выехал вперед, его коня сразу заметили, и среди готов разнеслись слова: «Стреляйте в белую звездочку!» Большинство готских воинов не знало, кто сидит на этой лошади, но

²⁹ Согласно мнению профессора Бэри. Он считал, что число 150 000, приведенное Прокопием, определяет не численность готского войска, а все готское население в Италии. Если это так, то Витигис мог призвать под знамена не более 30 000 своих соплеменников. Вычтя из этого числа 10 000, находившихся в Далмации, больных и уклоняющихся от службы, численность армии, которую Витигис повел на Рим, можно оценить в 20 000 человек. Но даже при таком условии это войско обладало четырехкратным численным превосходством над войском Велизария.

воины подчинились приказу, и Велизарий сразу оказался в центре ожесточенной схватки. Полководец энергично защищался до тех пор, пока его комитат не сомкнул строй, защитив своего командира и отразив все попытки врага пробиться к Велизарию. Это было первое боевое столкновение имперских сил с готским племенем, и выходцы с востока проявили в нем свой горячий темперамент. В рукопашной схватке пала тысяча готов, а уцелевшие были оттеснены.

Комитат перестроился под прикрытием склона холма, и началось еще одно ожесточенное сражение, в котором комитат изрядно потрепал готов. Отступив, комитат достиг Саларийских ворот Рима. Там Велизарий столкнулся с совершенно неожиданным препятствием. Стражники, не узнав в покрытом пылью и утратившем всякий лоск человеке Велизария, которого сочли погибшим, не спешили открывать ворота, несмотря на увещания и бешеные угрозы, которые выкрикивал их военачальник. Поняв, что попал в ловушку, зажатый между стеной и воротами, Велизарий, как он неоднократно делал это раньше и позже, спас себя бесстрашным блефом. Спускались сумерки. В тусклом свете Велизарий перестроил свой отряд и смело напал на преследовавших его готов. В сгущавшейся темноте нельзя было ничего разобрать, и готы, вообразив, что из крепости вышел свежий отряд на помощь Велизарию, приняли мудрое решение отступить. Воспользовавшись передышкой, Велизарий сумел убедить защитников города открыть ворота и вскоре оказался в безопасности вместе со своим комитатом.

Вечером того же дня готское войско начало окружение Рима. К Саларийским воротам подъехал посланник короля по имени Вакис и начал призывать население города к сдаче. Правда, его призывы нельзя было назвать воодушевляющими. Он поносил римлян за то, что они в трудную минуту отвернулись от готских правителей и предпочли им каких-то даго,³⁰ от которых римлянам не приходится ждать ничего хорошего. Людей, с горечью говорил Вакис, которые в прошлом являлись в Италию только как конокрады и мелкие воришки. Никто не стал противоречить Вакису, и он удалился в гордом молчании, исполненный собственного достоинства.

Хотя Велизарий вернулся в город потрепанным и уставшим, он до полуночи оставался на ногах, организуя оборону города. Военачальник выглядел очень бодро и возбуждал недовольство римлян хвастливыми заявлениями о полной уверенности в том, что ему удастся побить всех друзей надменного высокородного Вакиса. Римляне не могли понять, на чем основывается неиссякаемый оптимизм Велизария, который они, по всей вероятности, не были склонны разделять; а он сам не стал просвещать их на этот счет.

У Витигиса было слишком мало людей для правильной осады Рима. В надлежащих местах вокруг города он поставил семь лагерей, но даже при этом блокада была не полной. Первым практическим шагом явилось уничтожение системы водоснабжения города. Знаменитые акведуки, величайшие инженерные сооружения Рима, были перерезаны, и в город перестала поступать вода. В этом событии было нечто эпохальное. Акведуки были внешними признаками внутренней цивилизованности Рима. Эти акведуки питали бани, сделавшие римлян самым чистым народом в истории человечества. Папы последующих времен были больше озабочены омовениями духовными, для которых вода материальная могла стать грозной соперницей. Первосвященники Рима предпочитали, чтобы город был спасен, а не цивилизован.

XII

Блокада акведуков оказала большее воздействие на вспомогательные службы города, чем на ресурсы питьевой воды. Старые ключи и река стали снова использоваться как источники воды для питья. Но водяные мельницы, которые работали на воде, текущей по

³⁰ Греки (graikoi) (Прокопий).

акведукам, остановились. Велизарий снова оказался на высоте положения. По его распоряжению в местах самого сильного течения Тибра были поставлены на якорях лодки, между которыми установили водяные колеса, вращавшие мельничные жернова. Таким образом, помол зерна практически сохранился на прежнем уровне. Готы попытались пустить по реке тяжелые плоты, чтобы разрушить эти приспособления, но Велизарий перекрыл реку длинным бревном, и готам пришлось отказаться от своей затеи. В войне умов они не могли рассчитывать на победу над Велизарием.

Прежде чем прибегнуть к крайним мерам, Витигис направил к Велизарииу своих послов. Велизарий принял посланцев короля публично, окруженный своими командирами и римскими сенаторами. Витигис предлагал поистине рыцарские условия сдачи. Его представитель, правда, прибег к покровительственному тону, описывая трудности и беды, с которыми придется столкнуться римлянам, не привыкшим к подобным испытаниям. Фигурально выражаясь, посланник Витигиса похлопал по плечу императорскую армию, указав на ее практически безнадежное положение. Он сказал, что если Велизарий примет условия короля, то его армию выпустят из города с оружием и обозом.

Велизарий ответил словами, которые потрясли и напугали римлян. Военачальник был полностью уверен в успехе. Он знал игру и не сомневался в результате. Он в энергичных выражениях отказался принять предложенные Витигисом условия и произнес слова предостережения готам. Велизарий сказал: «Настанет день, когда вы захотите спрятать свои головы, но не найдете убежища. Рим принадлежит нам по праву с незапамятных времен. Вы же не имеете никаких прав на этот город. Я никогда, пока жив, не сдам его».

Послы короля удалились, ничего не добившись, и Витигис начал готовиться к штурму города.

XIII

На восемнадцатый день осады готы семью колоннами начали наступление на римские укрепления между Пренестинскими воротами и Ватиканом. Перед наступающими колоннами на колесных платформах они катили стенобитные орудия, в рамках которых на цепях раскачивались тараны, и башни на колесах, с которых должны были руководить прорывом и прикрывать людей, пробивающих стены. Велизарий, с многочисленной свитой, стоял на укреплениях и смотрел на это устрашающее зрелище. Свита, насытившись созерцанием приближающихся готов, обратила внимание на Велизария. Улыбкой, которую вызвал у него наступающий стройными рядами ужас, Велизарий вызвал у свиты раздражение. Никто не почувствовал облегчения, когда полководец передал воинам команду не предпринимать никаких действий до его сигнала. По мере приближения таранов и башен, скрипящих колесами и ремнями постромок, за которые быки тащили страшные орудия, возрастала нервозность на крепостных стенах. Возбужденные римляне начали выкрикивать ругательства в адрес великого военачальника. Но готам по-прежнему никто не мешал наступать. Наконец Велизарий взял лук, вставил в него стрелу, прицелился, оттянул тетиву до уха и метким выстрелом сбил с лошади одного из готских военачальников, руководивших наступлением. Удовлетворенный выбранной дистанцией, он убедился в ее правильности, произведя еще один удачный выстрел, и произнес слова команды: «Стрелять по быкам!»

Отойдя от вала и освободив место лучникам, которые заняли боевые позиции на стенах, Велизарий объяснил значение своей загадочной и вызывающей улыбки. Его забавляла простодушная уверенность готов в том, что он позволит быкам подтащить осадные орудия к стенам крепости. Беда готов-воинов, вооруженных мечами и копьями, заключалась в том, что они не смогли в полной мере оценить тактическое использование луков. Расстреливаемые стрелами длиной в ярд, быки падали и умирали в своих упряжках впереди остановившихся осадных орудий. Не только орудия перестали двигаться, возникло препятствие между ними и стенами, препятствие, которое готы не могли убрать из-за смертоносного шквала стрел. Велизарий хорошо рассчитал дистанцию, находящуюся на

максимально возможном расстоянии от стен, но настолько близкую, чтобы противник оказался в зоне поражения стрелами. Готы так и не смогли убрать препятствие из мертвых быков.

Тем не менее колонны готов пошли на штурм, хотя им пришлось идти на неповрежденные укрепления, а не атаковать бреши в стенах. Готы не опозорили своей репутации мужественных воинов, репутации, которой отличались североевропейские армии во все времена и эпохи. Снова и снова шли готы в самоубийственные атаки, возобновляя штурм. И каждый раз их встречал убийственный поток стрел и еще более страшные снаряды, летевшие из метательных машин, установленных на специальных платформах крепостного вала.³¹ Велизарий успевал всюду. Он наблюдал, направлял, помогал и воодушевлял. Он знал свои слабые места и зорко следил за тем, чтобы они были надежно прикрыты. Подавляющее численное превосходство готов означало, что проход неприятеля даже на одном, пусть второстепенном участке повлечет за собой прорыв всех укреплений. Но неистовые гунны, герулы и ветераны персидских войн вполне могли помериться силами с многократно превосходившими их по численности готами. Когда спустились сумерки и настал вечер, натиск готов ослабел, темп атак замедлился, а потом они прекратились. Как только готы стали отступать, защитники Рима начали преследование. Трудно было описать радость Велизария, когда он увидел, как запылали стенобитные тараны и передвижные башни. Наступавший мрак рассеивался огнем горящих орудий, с помощью которых готы надеялись взять Рим.

XIV

Отражение мощного штурма Рима стало военной катастрофой готов. Как говорили, под стенами Рима полегли тридцать тысяч человек — цвет готского воинства, хотя в действительности число потерь не могло быть столь высоким. Намного серьезнее материального урона был ущерб моральный. Впервые готы начали понимать, что война не станет легкой прогулкой. Гордость не позволяла им смотреть на римскую армию иначе как на небоеспособный сброд, но они начали отчетливо понимать, что в лице Велизария они столкнулись с волшебником своего дела. После неудачного штурма Рима начала складываться легенда о Велизарии.

Сам Велизарий прекрасно осознавал факт своего тактического превосходства. Причем враги не могли его копировать. Тяжело обучить необстрелянных новичков в современной армии так, чтобы они в искусстве стрельбы сравнялись с мастерами снайперского огня, но это намного легче, чем обучать лучников. Умелое пользование луком требует лучшей координации движений, чем стрельба из винтовки. Готовить лучника надо с ранней юности, и лучше всего, если предки молодого лучника тоже мастерски владели этим оружием. Готы могли только тупо наблюдать искусство, овладеть которым у них не было ни малейшей надежды.

XV

Как всякий мудрый человек, Велизарий гораздо больше интересовался своей слабостью, а не силой. В донесении, отправленном Юстиниану, он писал, что пока он достиг военного успеха, но, чтобы развить этот успех, нужно предпринять шаги по его обеспечению. Хотя успех или поражение всецело находятся в руках Бога, ответственность за свои действия несут люди. Он, Велизарий, может нести ответственность за результат войны

³¹ Прокопий упоминает об одном из готских военачальников, который руководил нападением, стоя у дерева, растущего напротив Саларинских ворот. Вылетевшее из метательной машины копьё буквально пригвоздило его к стволу, убив на месте. Прокопий описывает огромное моральное воздействие этих страшных метательных орудий.

только в том случае, если у него будет возможность сравниться по силе с противником, а для этого нужны люди и военное снаряжение.

Далее он продолжал оказывать моральное давление на Юстиниана. Поражение будет означать не только потерю Италии, но, что еще важнее, потерю армии и престижа империи. Кроме того, поражение приведет к уничтожению лояльных римлян, которые неизбежно подвергнутся репрессиям. Трудности, связанные с удержанием Рима, были громадны. Рим не был морским портом, а это означает, что его тяжело снабжать. Нельзя было слишком много ожидать и от римлян, которые не смогут долго сохранять на лицах верноподданнические улыбки, если не подкрепить их продовольствием.

«Что касается лично меня, — писал в заключение Велизарий, — то моя жизнь всецело принадлежит тебе, и я не покину этот город живым. Но подумай, как пострадает твой престиж, если Велизарий найдет здесь столь бесславный конец».

Глава 7 ОСАДА РИМА

I

Юстиниан не нуждался в подобных увещеваниях. В Италию им были уже отправлены Валериан и Мартин с подкреплением. Эти войска, отправленные в декабре, остались зимовать в Греции. Как только император прочёл донесение Велизария, в войско был немедленно послан гонец с приказом двигаться дальше, а сам Юстиниан спешно начал набирать дополнительную армию.

Тем временем отражение попытки штурма превратило осаду Рима в блокаду. Поначалу она была не слишком удушающей. Должно было пройти некоторое время до тех пор, пока вокруг Рима не затянулась мертвая петля. Велизарий предвидел и предчувствовал все. В первый же день после штурма, когда готы были до того истощены, что утратили способность не только действовать, но и думать, он собрал всех женщин, детей и не участвующих в сражении рабов и приказал им выйти из города. Витигис не сделал попытки остановить их, и в тот жестокий век, когда рыцарство и милосердие вряд ли считались добродетелями, этот поступок можно поставить ему в заслугу. Итак, эти люди ушли далеко от Рима, ушли, как уходили до них и после них бесчисленные волны беженцев, гонимых превратностями войн. Все оставшиеся в городе боеспособные граждане попали под командование Велизария и должны были отныне беспрекословно подчиняться воинской дисциплине. Хотя Витигис позволил невоюющим беженцам беспрепятственно покинуть Рим, он не испытывал и тени симпатии или сочувствия к богатым и важным сенаторам, которых задержал у себя как заложников. Некоторые из них, заранее предупрежденные, сумели бежать от готов, других Витигис предал казни. Время изменилось, прошли те золотые дни, когда от кивка их головы начинал содрогаться Олимп.

II

Через три недели после начала осады готы перекрыли устье реки, заняв Порт — гавань на месте Остии, римского порта. У Велизария было слишком мало людей, чтобы воспрепятствовать этому, и ему пришлось смириться с выигрышем противника. Теперь корабли бросали якорь в Антиуме, расположенном дальше по побережью, откуда шла обходная дорога, соединявшаяся с Аппиевой. Этот путь обеспечивал византийцам доступ в Рим.

Даже спустя шесть недель после начала осады Рима, когда уже наступил апрель, блокада города была далеко не полной, о чем свидетельствует тот факт, что Мартин и Валериан, прибывшие на помощь Велизарию с подкреплениями, въехали в Рим, не встретив

при этом никаких трудностей, а прибыло, ни много ни мало, шестнадцать тысяч человек; все конники, включая корпус гуннов. Осажденные получили значительное облегчение с прибытием этого мощного подкрепления. Спустя некоторое время под стенами Рима можно было наблюдать редкостное и любопытное зрелище: укрепленный город защищали всадники. Умелыми действиями верховых лучников, которые совершали стремительные вылазки, поражали неприятеля, не подходя к нему на близкое расстояние, а потом укрывались за стенами, Велизарий постоянно держал готов в состоянии напряжения и неуверенности.

Витигис попытался скопировать этот способ ведения войны, но, к его удивлению, когда этого способа начинали придерживаться готские воины, вооруженные копьями и мечами, он переставал работать. Даже имея каждодневно перед глазами верховых лучников, Витигис так и не сумел понять тактическое превосходство их применения.

Хотя этот способ ведения боевых действий говорил сам за себя и Велизарий не без основания считал его превосходным средством изматывания сил осаждающих, сам этот успех оказал неблагоприятное воздействие на имперское воинство. Оно впало в полное самодовольство из-за своего тактического превосходства и начало критиковать Велизария, как критиковало и раньше искусного хитреца. Однако хитрец знал простой и действенный рецепт лечения армейского эгоизма. Коли армия считает его медлительным стариком, который не желает рисковать ради достижения победы, то он подчинится просвещенному мнению своих более умных подчиненных и позволит им попытаться счастья в серьезной схватке.

Лечение кровопусканием оказалось эффективным. Встретившись на поле боя с превосходящими силами тяжело вооруженных готов, армия смогла спастись от полного разгрома только благодаря самоотверженности пехотного резерва, который погиб до последнего человека, прикрывая отступление кавалерии под защиту крепостных стен.³² Отступление обошлось без позора, а Велизарий на некоторое время перестал слышать критику в адрес своих военных талантов.

III

Хотя подкрепление усилило боевую мощь защитников Рима, оно усугубило и без того напряженное положение с провиантом. Поскольку теперь трудно было ожидать решающей битвы в открытом поле, Витигис сосредоточил все свое внимание на том, чтобы надежно заблокировать гарнизон Рима. В июне обозу, прибывшему с деньгами для выплаты жалованья воинам и для приобретения продовольствия, пришлось пробиваться на всем расстоянии от Террацины до Рима; кроме того, блокада стала более жесткой и на дорогах к югу от Рима. Римляне, видя растущую нехватку провианта, потребовали от Велизария более решительных действий. Он оказался глух к их убеждениям. Хотя никто лучше Велизария не понимал, каким тяжелым может стать положение, он продолжал последовательно придерживаться своей политики. Единственным его шансом было постоянное, незаметное изматывание сил готов и подрыв их морального духа мелкими обескураживающими вылазками. За этот свой единственный шанс он и решил держаться до конца.

Так как людям нужна хоть небольшая надежда, которую они должны питать на лучшее будущее, Велизарий распространил слух о скором прибытии огромного подкрепления и обозов с продовольствием. Лето шло, и Велизарий удвоил меры предосторожности. Караулы у ворот теперь сменялись с регулярными интервалами; он организовал строгое и регулярное патрулирование как внутри города, так и вне его стен. Для того чтобы не напрягать внимание и без того уставших людей, для охраны важных объектов стали использовать собак.

³² Здесь надо отдать должное Принципию, командиру резерва, который погиб вместе со своими сорока двумя воинами, прикрывая отход конницы (Прокопий. «Тайная история»).

Велизарий был готов к измене внутри и к ударам извне. Сторожевой службой и надзором нельзя было пренебрегать ни при каких обстоятельствах. Когда защитники города стали получать урезанный, а потом и половинный рацион, жители Рима, которые страдали больше всех, утратили большую часть своего боевого пыла. Недостаток питания у большинства людей вызывает не только чувство голода; он вызывает также потерю сил и подверженность болезням. Обычно недоедание сопровождается упадком духа. Нет ничего более удивительного, чем трансформация, происходящая со взглядами человека, пропустившего несколько приемов пищи. Наш мир — славное место, но его слава меркнет, надежды умирают, и даже меняются его основные свойства. Более того, некое превращение становится свершившимся фактом: меняется прошлое, и то хорошее, что было в нем, перестает быть таковым. В такой атмосфере рождаются изменники и предатели.

Все это Велизарий прекрасно понимал, и, когда лето прошло, а твердо обещанных им подкрепления и продовольствия все не было, он начал испытывать растущее беспокойство. Если не делать ничего, кроме изматывающих вылазок против готы, то римский гарнизон скоро сам измотается до последней степени. В конце сентября он отправил верного Прокопия с донесением, в котором обрисовал реальное положение и попросил всей возможной помощи. Прокопий покинул Рим ночью, сумел вырваться из готского кольца и благополучно добрался до Неаполя.

IV

Вероятно, после отбытия Прокопия из Рима туда начали приходить новости и советы. Совершенно точно известно, что в начале ноября Антонина получила послание, и не будет большой натяжкой предположить, что той же почтой были доставлены письма и для Велизария.

Но сначала о письмах к Антонине.

Политическая борьба, которую вел Юстиниан на Востоке, пока Велизарий дрался с готами в Италии, приняла форму религиозного противостояния. Прошло несколько столетий с тех пор, как римский мир забыл о понятии политической партии. Империя сокрушила

всякую оппозицию. Оппозиция, подавленная, как политическая сила, ожила в религиозной форме. Люди, которые не имели возможности объединиться под политическими лозунгами, имели полную свободу объединяться под лозунгами теологическими. Именно так они и поступали: на словах отстаивали свои богословские доктрины, а на деле утверждали политические идеи.

Именно в этом заключается главная причина того, что подъем Христианства сопровождался непримиримым преследованием ересей. Когда Юстиниан стал теологом, ему также пришлось преследовать еретиков, чтобы выявлять политические партии внутри империи. Поддерживая ортодоксальную веру, он поддерживал универсальную империю, то есть римский миропорядок и государственное устройство. Центром этого универсального порядка был Рим, древняя столица империи, сохранившая свое моральное лидерство. Пока Велизарий бился с готами, Юстиниан прилагал все усилия к тому, чтобы отчетливо донести до общественного мнения Италии всю недвусмысленность своей позиции и показать, что эта позиция победила в Константинополе. Эта пропаганда стала существенной и очень важной частью завоевания Италии.

Феодору занимали ее собственные взгляды. Очевидно, она считала, что мысль Юстиниана о построении идеального, универсального государства не отличается особой прозорливостью. Жертвовать преданностью и покорностью Востока ради проблематичной рассудочной верности Запада — это политика, к которой она не ощущала душевного расположения. В этом ее поддерживали многие византийские государственные мужи, имена которых составляют почтенный список. Никогда не следует валить лестницу, по которой ты поднимаешься. Вот основной вопрос, занимавший умы константинопольских политических мыслителей: по какой лестнице они поднимаются? Заключается ли их сила в традициях универсального римского государства-мира, как думал Юстиниан, или в объединении всех восточных земель, как полагал Анастасий?

Цель, которую поставила перед собой Феодора, была весьма дерзкой; императрица решила сама наложить руку на папство — сердце и средоточие христианского мира. Средство, с помощью которого она намеревалась добиться этой цели, было рядом — папский нунций в Константинополе дьякон Вигилий.

Казалось, предпринятые действия вели к успеху. Между Феодорой и Вигилием установились доверительные отношения, полные взаимопонимания. Когда папа Агапет умер, дьякон, щедро финансируемый Феодорой, спешно бросился в Италию. Идея заключалась в том, чтобы Вигилий, заняв папский престол, обеспечил Феодоре поддержку для достижения ее целей. Условия соглашения, вероятно, были еще не до конца сформулированы. Вигилий прибыл в Рим слишком поздно: на святейший престол был избран Сильверий.

Когда Феодоре не удалось получить от Сильверия помощь и поддержку, на которую она рассчитывала, императрица решила, что его должен заменить ее протеже Вигилий. Однако сместить римского папу — не такая простая задача. Именно об этом писала Антонине Феодора в ту осень, когда готы осаждали Рим. Письмо (как мы видели) пришло вскоре после отъезда Прокопия. Для того чтобы Велизарий не проявлял излишнего любопытства, ему тоже послали письма, в которых были обещаны подкрепления. Занятый этими проблемами, он не стал утруждать себя выяснением содержания писем к Антонине.

V

До сего дня не разгадана тайна истории, последовавшей за описанными событиями. Доподлинно известно только то, что в середине ноября было перехвачено письмо, в котором готского короля извещали о том, что некие люди в Риме откроют Асинарыйские ворота его войскам. Но Асинарыйские ворота находятся вблизи Латеранского собора, резиденции римского папы. Письмо было без промедления доставлено Велизарии, который велел быстро арестовать людей, на которых пало подозрение. Из города было изгнано несколько сенаторов. Самому папе было приказано явиться к Велизарии.

Когда папа явился, Велизарий указал Сильверию, что тот ступил на опасную тропу, заключая соглашения с могущественными врагами. Однако Сильверий отклонил обвинения. Его не арестовали и не взяли под стражу, а он перебрался на Авентин, чтобы показать всем, что не поддерживает изменнических сношений с неприятелем. Вскоре после этого Сильверий был снова вызван к Велизарю. Папа понял, что на этот раз предстоит более серьезный разговор. Вместе с ним к византийскому полководцу отправилась толпа сторонников папы. Их не пропустили к главнокомандующему, поскольку, как выяснилось, в его ставке действуют правила придворного этикета. Сильверий один вошел в комнату, где его принял Велизарий.

При их встрече присутствовала Антонина; Сильверию показали доказательство измены в виде перехваченного письма к Витигису. У папы не было никаких средств доказать, что он не писал и не приказывал писать такое письмо. Ему дали ясно понять, что к его неблагодарности отнесутся доброжелательно и посмотрят на его прегрешения сквозь пальцы, если он сумеет убедить императрицу в своей полной и безусловной преданности. Однако Сильверий отказался идти на уступки и признавать свою вину.

Что думал Велизарий по этому поводу, не так ясно, как хотелось бы. Естественно, его прямой обязанностью, как начальника осажденного гарнизона, было строго следить за любыми поползновениями к измене. Вероятно, имея перед собой такую вескую улику, как перехваченное письмо, он был обязан признать его подлинным. Более поздние судьи, которые не были супругами Антонины, считают письмо подозрительным документом, требующим тщательного исследования. Но Велизарий не мог не понимать, что в этом деле заинтересованы гораздо более влиятельные силы. Его собственное мнение не имело в деле Сильверия никакого значения, он просто выполнил прямой приказ императора. Велизарий был мудрым человеком и не стал переходить дорогу августейшей особе. Не было резона ставить себя под удар ради Сильверия, и Велизарий не совершил такой ошибки.

Поскольку Сильверий проявил упрямство, его взяли под стражу, сорвали с него паллиум, переодели в монашескую одежду и препроводили в Патару, в Ликию.

Здесь можно рассказать и конец этой истории. Пять месяцев спустя последовал императорский указ и начались выборы нового папы. На папский престол был избран Вигилий. Но Вигилий оказался более крепким орешком, чем Теодахад. Новый папа был способен на преступление, но не на отступничество. Он с радостью участвовал в заговоре и махнул рукой на смерть своего несчастного предшественника, но упорно не желал признавать неправомочными выводы Халкедонского собора. Оказавшись на папском престоле, он действительно стал папой. Но все это произошло позже и не слишком сильно повлияло на ход истории, о которой мы повествуем. Теодахад был орудием Феодоры; папа Вигилий сделал своим орудием саму Феодору.

VI

Беспокойство Велизария не стало намного меньше, несмотря на доверие к Прокопию. Поскольку он не мог отлучиться из Рима сам, то послал вслед за Прокопием Антонину с поручением привести подкрепления. Антонина блестяще справилась с поручением, за выполнение которого взялась весьма энергично. Проскользнув мимо готских постов, она в конце ноября достигла Неаполя. Здесь она обнаружила, что историк развил кипучую деятельность, создавая свою собственную, пусть не слишком великую, историю. Он набрал корпус из пятисот воинов и снарядил караван судов с хлебом. Подкрепления были на подходе. Впрочем, Антонине не пришлось долго ждать. Вскоре после ее приезда в Отранто высадились тысяча восьмьсот всадников под командой Иоанна, племянника Виталиана, и маршем направились к Неаполю. Второй флот транспортных судов, обогнув Апеннинский полуостров, высадил в неаполитанском порту три тысячи исаврийцев.

Пока Антонина с исаврийцами и хлебом морем плыла в Остию, Прокопий, его воинство, Иоанн, конница и караван хлебных подвод приближались к Риму по Аппиевой

дороге. Их уже ждали. Велизарий организовал мощную вылазку против готского лагеря у Фламиниевых ворот, и караван благополучно вошел в Рим.

Исход войны часто зависит от того, кто из противников окажется более выносливым и дольше продержится. Не приходится удивляться, что к этому моменту готы были весьма ослаблены. Они были почти так же голодны и чувствовали себя почти так же плохо, как римляне. Кроме того, они не без оснований были отнюдь не уверены в победоносном окончании войны. Когда они поняли, что их в очередной раз ловко провели, боевой дух готов был сломлен. Большинство готов принадлежало к тому типу людей, которые хорошо скроены для того, чтобы наказывать других, но сами выносят наказания не лучшим образом. Витигис отказался от намерения взять Рим. Все, что он делал, было совершенно правильно и полностью соответствовало книжным канонам военного искусства. Теперь он точно так же был прав, обратившись к Велизарии за условиями перемирия.

Оказавшись в своей стихии, Велизарий торжественно обставил начало переговоров. Прокопий вернулся в Рим вовремя, чтобы записать диалог, который состоялся между Велизарием и послом Витигиса.

При этом мы должны иметь в виду, что караван судов с Антониной был в это время в Остии и Антонина ломала голову, как пробраться в осажденный Рим. Об этом Велизарий был осведомлен.

VII

Посол — итальянец — мог говорить с Велизарием на его родном языке.³³ Посол подчеркнул, каким бедствием для обеих сторон стала эта война. Настало время военачальникам позаботиться о благополучии своих подчиненных больше, чем о собственной славе. Если Велизарий имеет возражения против тех предложений, которые хочет сделать посол, то пусть он сообразовал сразу заявить свой протест.

Велизарий вежливо ответил, что у него нет возражений.

Первым делом посол напомнил Велизарии, что готы отвоевали Италию отнюдь не у имперского правительства. Эадвеккер отказался признать над собой верховную власть императора и стал править Италией от своего имени. Император Зенон, желая низложить узурпатора, отрядил Теодориха, чтобы свергнуть Эадвеккера и восстановить законность. Так готы оказались в Италии. Они беспрекословно подчинялись римскому закону и обычаю; они никогда не посягали на законные права жителей. А теперь имперская власть пытается отобрать Италию у готов, которых сама туда направила.

В ответ на это Велизарий заметил, что все это прекрасно, но в Константинополе никогда не предполагали, что готы займут Италию для себя. Теодорих должен был вернуть страну ее законному правителю. К тому же он, Велизарий, не располагает полномочиями раздавать имперские территории.³⁴ Если готы хотят выдвинуть альтернативные предложения, он охотно их выслушает.

Посол ответил, что всем хорошо известно, что этот тезис спорен, но не стоит долго на нем задерживаться. Готы отдадут Сицилию, которая очень важна для имперского правительства, поскольку открывает доступ в Африку.

— Благодарю тебя, — ответил на это Велизарий. — За это мы с радостью отдадим вам Британию, которая принадлежит нам с незапамятных времен; она намного больше Сицилии. Одно доброе намерение стоит другого.

³³ Если Велизарий был фракиец, то его родным языком был латинский, родной язык Юстиниана.

³⁴ Бэри («История поздней Римской империи») полагает, что оба аргумента не имеют под собой почвы. Права готов на Италию были определены соглашением, заключенным королем Теодорихом и императором Анастасией, о котором не упоминают ни посол, ни Велизарий.

Если посол и нашел это положение смешным, то он не снизошел до того, чтобы показать это.

— Что, если готы получают Кампанию? — спросил посол.

Велизарий благоразумно не стал развивать эту тему.

— Может быть, мы поговорим о ежегодной денежной выплате?

По этому поводу Велизарий тоже не мог ничего сказать.

— Ну хорошо, если у тебя нет полномочий, нам придется ехать в Константинополь, — сказал посол и предложил заключить перемирие, чтобы обеспечить возможность такой поездки.

Велизарий охотно согласился. Он был далек от того, чтобы возражать против перемирия.

Итак, посол вернулся к Витигису, чтобы рассказать, что у Велизария нет полномочий вести серьезные переговоры. В эту же ночь он велел подать коня и отправился в Остию. Войска получили приказ сухим путем идти в Рим, а обоз с провиантом на судах был отправлен вверх по реке. Велизарий был уверен, что готы не станут вмешиваться. Расчет его оказался верным. Понимая, что любое враждебное действие может поставить под удар перемирие, готы не сдвинулись с места. Велизарий, Антонина, корабли с хлебом, «вся королевская конница и вся королевская рать» торжественно вступили в Рим, не потеряв ни единого зернышка и не единого человека.

Если это и не была одна из великих побед Велизария, то она, без сомнения, стала одной из самых забавных!

VIII

После официального заключения перемирия (сроком на три месяца) положение сторон резко поменялось. Имперская армия в Риме была счастлива и хорошо накормлена. Готы в чистом поле были голодны и несчастны. Какая польза быть белокурой бестией, если тебе нечего есть. Блокада с моря, осуществленная имперским флотом, оказалась на редкость эффективной. Исчерпав местные запасы продовольствия, готы оказались в тисках. Витигис отвел свое войско из Порты и Центумцеллы на берегу моря, а также из Альбано. Все эти пункты тотчас захватил Велизарий. Протесты готов не имели никаких последствий. Велизарий, старый волк, съевший собаку в искусстве блефа, только посмеивался в ответ на слова готов о том, что не имеет права занимать позиции, которые они оставили добровольно. Велизарий на это говорил, что все и так хорошо знают, по какой причине готы оставили Порт и Центумцеллу.

Велизарий нарушал условия перемирия ровно настолько, чтобы не спровоцировать готов. Это очень тонкое искусство: не переступить грань и не довести страсти до такого накала, которого противник уже не выдержит, но Велизарий хорошо разбирался в таких делах.

Постепенно стали видны положительные результаты обороны Рима. Вся Италия внимательно следила за ходом борьбы, и, как только перемирие ослабило тяготы блокады, к Велизарии стали поступать многочисленные послания. Явилась депутация из Милана, возглавляемая архиепископом, и попросила его прислать войска в Северо-Западную Италию. Депутация уверяла полководца, что вслед за этим в Лигурии вспыхнет всеобщее восстание. Велизарий разделил их уверенность, но его в это время занимали другие дела, и поход в Лигурию был отложен, хотя завоевание Лигурии открывало прямую дорогу в Галлию и Испанию. Это была слишком грандиозная задача, и прежде надо было решить более неотложные проблемы.

Для начала Велизарий решил воспользоваться присутствием Иоанна, «племянника Виталиана», чей конный отряд находился в составе подкрепления, которое Антонина привела из Кампании. Обладавший сильным характером и талантом Иоанн был самым лучшим из подчиненных Велизарии командиров, которые когда-либо служили под его

началом. Этот энергичный и немного аскетический человек, вероятно, не обладал тактическим гением Велизария, но вряд ли уступал ему как стратег. Иоанну можно было доверить самостоятельное командование войсками. Он был отправлен на север со своим отрядом, которому были приданы лучшие подразделения римского гарнизона, включая часть комитата самого Велизария. Иоанн получил приказ провести зиму на границе Пиценума и, если перемирие будет нарушено, пройти по готским землям огнем и мечом, не щадя женщин и детей, но не трогая римских подданных. У Иоанна не нашлось продиктованных совестью возражений против жестоких методов устрашения, он был готов выполнить приказ. Вместе с войском он отбыл в Пиценум.

После ухода Иоанна готам было четко сказано, что за любым нарушением перемирия у стен Рима последуют жестокие репрессии в районе Равенны. Такое устройство дел было результатом обдуманного и холодного расчета, ибо, как мы видим, Велизарий вообще проводил достаточно провокационную политику. Было преувеличением сказать, что он желал нарушения перемирия, но, понимая, что готы просили о нем для соблюдения своих интересов, имперский полководец решил не стесняться и использовать перемирие в своих интересах.

IX

Приход Иоанна и его использование в качестве самостоятельного командующего развязали руки другому человеку, который на краткий миг появится теперь в нашей истории. Причина, по которой мы упомянем о нем, заключается в косвенном влиянии, какое он оказал на дальнейший ход событий, о которых мы повествуем.

Сразу после заключения перемирия на имя Велизария поступила жалоба от человека по имени Президий. Случай, по поводу которого он обратился, был не слишком важным, но дело было в принципе. Президий был уважаемым и известным гражданином Равенны, одним из ревностных сторонников возрождения империи. Он добровольно вступил в войско Велизария в самом начале войны. Во время посещения им церкви в Сполетто разнесся слух, что у Президия есть два дорогих кинжала, украшенные богатым орнаментом. Имперский командующий в Сполетто Константин послал в церковь своего порученца, который освободил Президия от дорогого оружия. Президий повел себя очень прилично. Он не стал тревожить Велизария своими частными жалобами, понимая, что осада Рима занимала в тот момент все помыслы великого человека; но, как только было заключено перемирие, Президий рассказал командующему о случившемся.

Велизарий приказал Константину вернуть похищенное имущество. Константин не подчинился. Отчаявшись вернуть свою собственность приличным путем, Президий решил устроить сцену. Такой метод часто оказывается более эффективным. Он при стечении публики повис на уздечке коня Велизария, когда тот верхом проезжал по улице, и потребовал возвращения имущества, незаконно у него отнятого. Несмотря на показательные окрики и угрозы со стороны свиты Велизария, Президий продолжал держать уздечку до тех пор, пока не получил уверения, что его дело будет рассмотрено. Легко предположить, что Велизарий был сильно рассержен. Он вызвал Константина на совещание высшего командного состава. Константин и на этот раз упрямо отказался вернуть кинжалы. Так как Велизарий не собирался жертвовать дисциплиной даже среди своих сподвижников, то дальнейшие его шаги были легко предсказуемы. Он вызвал стражу и приказал взять Константина под арест.

То, что произошло дальше, представляется нам весьма любопытным.

— Ты собираешься меня убить? — спросил Константин.

— Конечно нет, — ответил Велизарий. — Я хочу заставить тебя вернуть имущество Президию.

Константин сильно встревожился: выхватив кинжал, он бросился на Велизария, который мгновенно спрятался от нападавшего за дюжей фигурой Бессаса. Валериан и

Ильдигер схватились с Константином. Вбежавшие воины охраны обезоружили Константина, взяли его под стражу и увели.

Это был безобразный эпизод, но он являет нам только одну сторону медали. Чтобы имперские военачальники не превратились в бандитов, требовались крутые дисциплинарные меры. Нападение на главнокомандующего с целью убить его во всех армиях мира рассматривается как тягчайшее военное преступление, поэтому нет ничего удивительного в том, что Константин был казнен. Однако казнь Константина вызвала опасную реакцию. Юстиниан выразил свое неудовольствие; а друзья Константина не простили Велизария его казни. Непонятно, почему Константин вообще напал на Велизария. Почему он задал примечательный вопрос: не собирается ли Велизарий его убить? Очевидно, этот вопрос требует разъяснений.

Прокопий в своей «Тайной истории» не дает исчерпывающего объяснения, лишь предполагает истинную причину. Смерть Константина он приписывает влиянию Антонины. Константин подозревал, что Антонина сильно заинтересована в его смерти; в тот критический момент он делает опрометчивое умозаключение, которого не сделал бы в других обстоятельствах. Он совершил тяжелое военное преступление, не сумев правильно оценить ситуацию. Вероятно, Велизарий знал, что это преступление не было тем, чем казалось на первый взгляд. Тем не менее, формально он был прав, приговорив Константина к смерти. Влияние Антонины убедило его применить закон во всей его строгости. Порочный круг замкнулся: Константин был повязан нападением на верховного главнокомандующего, осужден на смерть и казнен. Вполне понятно, что Юстиниан был в ярости по поводу потери выдающегося военачальника, осужденного по странной логике.

Возможно, Велизарий дважды подумал бы, прежде чем убить Константина, но у него был Иоанн, который заменил Константина. Казнь Константина стала первой трещиной в монолитном единстве имперских сил. До этого момента, невзирая на обычные доносы и клевету, в среде имперского командования отсутствовали серьезные разногласия. Начиная с этого момента трения и разногласия возникли, с каждым днем они становились все серьезнее. Позже мы увидим, по какой причине Антонина могла расценивать Константина как врага, чье устранение было жизненной необходимостью.

Х

Однако времени на то, чтобы задерживаться на происшедшем инциденте, не было. Вскоре после описанных событий Велизарий получил долгожданный повод к возобновлению военных действий. Готы сделали несколько попыток тайно проникнуть в Рим. Собрав достаточно улик нарушений условия перемирия, Велизарий отдал приказ Иоанну атаковать Пиценум.

Иоанн не напал на беззащитную толпу врагов. К этому времени он находился рядом с готами достаточно долго, чтобы они поняли, для каких целей может быть использована его армия. За действиями Иоанна следила сильная готская армия. Иоанн нанес ей поражение и убил командующего. Направившись маршем на север, он подошел к Ауксиму. Здесь в его кампании начались странности. Велизарий настоятельно требовал от него осады всех оказавшихся на его пути крепостей и запретил дальнейшее движение до их взятия. Однако Иоанн, посчитав Ауксим слишком хорошо укрепленным пунктом, обошел его и направился дальше, оставив город у себя в тылу. Также не стал он осаждать и Урбин. Целью похода был выбран Аримин. Гарнизон этой крепости бежал в Равенну, находившуюся в одном дне пути на север. Иоанн вступил в Аримин без боя и начал укрепляться в городе, готовясь к обороне.

Весть о том, что Аримин, город, находящийся в непосредственной близости от Равенны, находится в руках имперских сил, положила конец осаде Рима. Это была устрашающая, имеющая далеко идущие последствия катастрофа. Витигис решил сократить свои потери и отступить к своей неприступной крепости Равенне. Перемирие кончилось, не принеся желанных результатов. Ночью были видны огни костров — это готы сжигали

частокоты своих укрепленных лагерей. Армия начала переходить Мульвийский мост, чтобы выйти на Фламиниеву дорогу. Когда войско готов оказалось на середине моста, Велизарий сделал вылазку. В завязавшемся сражении многие готы были убиты или утонули, а остальные поспешно отступили, даже не сделав попытки хотя бы из гордости перейти в наступление. Готы ушли на север, отступив к Равенне, покинув Рим после противостояния, продолжавшегося один год и девять дней.

XI

Первоочередной задачей стало спасение Иоанна. Передовые отряды Велизария под командой Мартина и Ильдигера двинулись по Фламиниевой дороге, наступая на пятки готам.

В течение всего противостояния у стен Рима Нарния и Сполетто оставались в руках имперских гарнизонов. Поэтому Мартин и Ильдигер, не встречая на своем пути сопротивления, быстро продвигались вперед, пока не подошли к знаменитой Туннельной скале, расположенной в двадцати пяти милях от Адриатического моря. Здесь проход был весьма удачно блокирован готами.

Туннельная скала — место, где дорога, идущая между огромной скалой и опасной рекой, упирается в отвесную скалу, в которой столетие назад император Веспасиан приказал пробить туннель, чтобы сделать дорогу проходимой. Вход в туннель был заперт массивными воротами, в которые римляне могли очень долго стучать, поскольку не могли сделать ничего иного. Единственной альтернативой был долгий и трудный обход.

Прежде чем оставить всякие надежды, командиры послали несколько человек на разведку осмотреть скалу. Разведчики обнаружили, что готы расположились лагерем у противоположного конца туннеля, где жили вместе со своими семьями. Расшатав несколько больших камней, разведчики сбросили их на мирную домашнюю идиллию. Разгром был скорым. Ворота в туннель были открыты; оставив для охраны туннеля небольшой отряд, войско быстрым маршем двинулось к Фанум-Фортуне.

У Фанума они повернули к Анконе, чтобы присоединить к себе отряд пехоты, а потом без труда дошли до Аримина.

Иоанн не был склонен спасаться и воспринял приход подкрепления без всякого энтузиазма. Когда ему сказали, что пехота из Анконы займет место гарнизона Аримина, а сам Иоанн с кавалерией должен отбыть для выполнения более неотложных задач в другое место, он отказался подчиниться приказу. По его мнению, ему следовало оставаться в Аримине. Мартин и Ильдигер не могли ждать на месте, чтобы не оказаться запертыми в мышеловке. Витигис осадил Аримин в апреле. Поскольку город был очень хорошо укреплен, готы решили воздержаться от штурма и обложили его блокадой. В городе было мало продовольствия на случай длительной осады, и скоро начался голод. Велизарий не видел причин менять свои добротные разработанные планы ради мелодраматического эффекта спасения Иоанна. Так как Иоанну доставляло удовольствие не подчиняться приказам, он может делать это и дальше. Ситуация была оставлена в прежнем состоянии.

XII

Неподчинение Иоанна было только первым признаком надвигавшейся беды. Непослушание военачальника было не только его личным делом; это был знак серьезного раскола, который поразил армию после казни Константина. Велизарий, продвигаясь вперед с основными силами своей армии и захватывая по пути все укрепленные пункты врага, был немало удивлен, услышав, что в Пиценуме высадилась армия, почти равная по численности его собственной.³⁵ Главнокомандующим этой второй армией был императорский евнух

³⁵ Армия Нарсеса состояла из 5000 воинов регулярной римской армии и 2000 герулов. Позже мы увидим, что

Нарсес, секретарь Юстиниана и начальник его личной сокровищницы.

Всегда смотрели на Нарсеса с некоторой долей удивления и снисходительности. Несомненно, этот человек привык к такому отношению еще при жизни, поэтому у нас нет оснований думать, что он обидится на него сейчас, когда его давно нет на свете. Нарсес был одним из значительных людей своего времени, обладал сильным характером и пронизательным умом, и ему полностью доверял Юстиниан. Он был не такой хороший солдат, как Велизарий, но зато был настоящим светским человеком. Он был наделен даром, который позволяет человеку правильно вести себя в самых разных обстоятельствах, понимать без исключения всех людей, что составляет основу здравого смысла. Хотя он не мог изобрести методы тактики, подобные методам Велизария, но он мог изучить их и применять на практике с не меньшим блеском, чем сам Велизарий. Он был козырной картой Юстиниана. Приход Нарсеса означал, что Юстиниан разгневан и намерен проводить в Италии свою политику, а не политику своих военачальников.

Антонина зашла слишком далеко. Если Юстиниан не собирался покушаться на независимость Феодоры, то чувствовал себя свободным для того, чтобы вмешиваться в действия ее орудий. Нарсес был тайным советником, который прибыл, чтобы следить за Велизарием; вполне вероятно, что он прибыл следить и за Антониной. Нарсес был весьма необычным тайным советником.

Сразу была организована встреча Нарсеса и Велизария, которая состоялась в Фануме. Велизарий почувствовал, насколько влиятелен Нарсес. При обсуждении хода военных действий Велизарий настаивал на том, что его планы не должны быть расстроены ради освобождения Аримина. Иоанн не подчинился приказу и не может надеяться, что военные планы будут изменены для того, чтобы следовать его капризам. Наступление на Аримин прежде назначенного срока может оказаться очень опасным, нельзя подвергать будущее всей войны такому высокому риску.

Большинство военачальников, присутствовавших на совещании, поддержали Велизария, разделяя его точку зрения. Нарсес начал горячо отстаивать противоположную позицию. Он не считал, что наказанием Иоанну должно послужить падение Аримина. Потеря Аримина серьезна с военной точки зрения, но еще серьезнее моральный эффект, который окажет падение города. Надо предпринять все возможные усилия, чтобы спасти город. После этого Иоанна можно отдать под суд.

Правда состояла в том, что методы Велизария требовали от подчиненных беспрекословного исполнения приказов: командующий не мог работать с людьми, которые действуют по собственной инициативе. Но не было высказано ни одного аргумента против того, что захват Аримина Иоанном был стратегически правильным решением. Именно это сразу увидел Нарсес.

Совещание еще продолжалось, когда пришло сообщение от запертого в Аримине Иоанна. Он объявлял, что не может больше держаться и предполагает, если ничего не изменится, сдать готам через семь дней.

Это сообщение решило все дело. Столкнувшись с реальной перспективой потери Аримина, Велизарий уступил и согласился с Нарсесом.

XIII

Освобождение Аримина стало самой сложной операцией, спланированной Велизарием. Для начала надо было нейтрализовать готскую крепость Ауксим. Ильдигер с флотом был послан в гавань Аримина, а Мартин направился к нему по суше вдоль берега моря. Оба военачальника получили строгие приказы и ни в коем случае не должны были отступать от предписанного плана. Ильдигер не должен был входить в гавань до тех пор, пока не убедится в подходе сил Мартина, который по прибытии должен был разжечь огромное количество

Нарсес имел особую склонность к самым свирепым варварам и очень умело управлял ими.

огней для сигнала. Велизарий и Нарсес со всеми оставшимися в их распоряжении силами двинутся в горы. Их целью был выход к северо-западной оконечности Аримина одновременно с появлением Мартина на юге и Ильдигера на востоке. Строгое соблюдение действий было самой существенной частью плана.

Мы уже видели, какая судьба постигла подобную военную операцию, разработанную Гейламиром за несколько лет до этого. Однако Велизарий планировал свою операцию в совершенно иных условиях. Провал планов Гейламира произошел из-за того, что сроки выдвижения войск были нарушены наступательными действиями противной стороны. Операция, которую задумал Велизарий, проводилась против совершенно пассивного противника. Пассивность готов была залогом успеха плана Велизария.

Передовые отряды Велизария и Нарсеса наткнулись на готских разведчиков, которые подняли тревогу, оповестив о появлении неприятеля войска, осаждавшие Аримин. Весь вечер готы внимательно следили за северо-восточными подступами к городу, готовые к отражению нападения. Спустилась ночь, и весь южный горизонт осветился цепью множества огней. Готы были людьми, которые больше всего на свете доверяли своим непосредственным ощущениям. Очевидность говорила им, что они окружены превосходящими силами противника. Готы провели тревожную ночь. Когда взошло солнце, они увидели, что гавань заполнена армадой Ильдигера. Это была последняя соломинка, сломавшая спину верблюда. Готы начали отступление, которое больше напоминало беспорядочное бегство. Если бы гарнизон Аримина решился на вылазку, то готская армия была бы разгромлена наголову.

Вскоре после полудня Велизарий вступил в Аримин. Ильдигер прибыл немного раньше. Встретив Иоанна, Велизарий заметил ему, что тот имеет повод поблагодарить Ильдигера. Иоанн ответил, что у него гораздо больше причин благодарить Нарсеса.

Освобождение Аримина стало свершившимся фактом.

Глава 8 **ПАДЕНИЕ ГОТСКОЙ МОНАРХИИ**

I

Следующим шагом стало наступление на Равенну, столицу готов. Но этот шаг требовал большой и сложной подготовки. Велизарий ни под каким видом не желал осложнять свое положение, оставив в тылу готские крепости, рассыпанные вдоль Апеннин. Иоанн был волен обойти их, чтобы взять Аримин, но теперь кто-то должен был взять на себя грязную работу и захватить оставленные нетронутыми готские укрепления. Многие из них были превосходно построены и неприступны, и даже при современном состоянии военной техники они выглядят так, словно взять их можно только с помощью авиации. Такие крепости могли выдержать длительную и тщательную блокаду.

Кроме этого, на Велизария давили события и проблемы в Северной Италии. Вскоре после окончания перемирия и отхода готов от стен Рима Велизарий вернулся к вопросам, поднятым посетившей его миланской депутацией. Он не посылал гонцов в Милан, миланцы сами пришли к нему. Он только согласился на те предложения, которые они ему сделали. Тысяча воинов под командой Мундила были погружены в Порте на корабли и отправлены в Геную. Из Генуи они маршем направились на север. За исключением Тицина, они заняли все важные крепости на северо-западе Италии. Миланцы с лихвой выполнили свои обещания.

Милан был вторым по величине городом Италии, и его потеря делала безнадежно неустойчивым положение готского королевства. Витигис отрядил своего племянника Урию с приказом отбить Милан. Урия, расположившись в поле, осадил город, который защищал Мундил с тремя сотнями воинов. Остальные его силы были рассеяны по другим крепостям. Естественно, об удержании Милана силами такого слабого гарнизона не могло быть и речи.

Основная тяжесть легла на плечи жителей города, и они прекрасно справились со своей задачей.

Кампания в Лигурии, хотя она и позволила расплыть ряды готов, привела в движение силы, которые было бы разумнее оставить спящими.

Франкские короли разительно отличались от готских вождей. Это были люди, чьи ум и характер сформировались в ходе вековых контактов с римлянами, жившими по ту сторону Рейна. Франки были умные, красивые и способные люди, начисто лишённые жалости и слегка тронутые беззаботностью. Речи их были медоточивы, их утверждения редко соответствовали действительности, а их правая рука зачастую не знала, что в это время делает левая.

Именно франки теперь лучезарно улыбались из-за Альп римлянам. В то время, когда король Теудеберт писал Юстиниану, что ни один франк не помогает готам, десять тысяч бургундцев (которые были подданными франков!) вступили в Италию и направились на подмогу Урии, осаждавшему Милан. Бургундцы повели себя не так, как подобает вести себя миссионерам более высокой культуры. Они опустошили Италию от Альп до Апеннин и захватили Геную. Теудеберт выразил неудовольствие таким их поведением... Но хотя сам король изо всех сил старался, чтобы его правая рука не знала, что делает левая, он не пожалел усилий, чтобы отбросить подальше от границ Галлии имперские войска. Воины Юстиниана еще не подавили готское сопротивление, а уже были вынуждены принимать в расчет силу франков, с которыми было бы гораздо труднее справиться.

II

Хотя Велизарий был способен решить обе проблемы, он был занят трудностями совершенно иного рода. Освобождение Аримина убедило Нарсеса в том, что нельзя полностью полагаться на способность Велизария оценивать оперативную обстановку. Обвинения Нарсеса были безошибочными, и Велизарий, не мешкая, созвал совещание высшего командного состава, чтобы без долгих проволочек обсудить и решить этот вопрос.

Велизарий обрисовал перед собравшимися истинное положение вещей. Освобождение Аримина не изменило и нисколько не улучшило оперативную обстановку в Северной Италии. Не были разгромлены главные силы готов. Потеряв плацдарм в Лигурии, имперские войска оказались в опаснейшем положении. Надо было, как он и говорил раньше, брать крепости. Велизарий выложил на стол свой план, согласно которому следовало сосредоточить силы на двух главных направлениях: Милан на севере и Ауксим на юге.

Как он, вероятно, и ожидал, Нарсес показал свой характер. Возражая против этой схемы, казначей императора не согласился с принципом концентрации сил на двух направлениях. Нарсес был готов согласиться с другим планом, по которому он получит независимое командование войсками, действующими против Эмилианской провинции и Равенны, а Велизарий займется Миланом и Ауксимом. Таким образом, по его мнению, удастся изменить положение, нейтрализовав главные силы готов в Равенне.

Однако Велизарий не был склонен принимать схему, предусматривавшую распыление сил и разделение командования. В подтверждение своего мнения он продемонстрировал совещанию памятную записку, недавно направленную Юстинианом высшему командованию в Италии. В своем письме император подчеркивал, что, присылая в Италию Нарсеса, он не намерен предоставлять ему права командующего. Как и до этого, Велизарий отстаивал свое единоначалие; в интересах государства все нижестоящие военачальники должны были подчиняться только ему.

На это Нарсес дал поистине замечательный ответ. Он заявил, что не считает план Велизария составленным в интересах государства и поэтому оставляет за собой право не согласиться с ним.

О том, как Велизарий отнесся к такому ответу, можно судить по его дальнейшему поведению. Он не заковал Нарсеса в железо и не изгнал его из Италии. Совершенно

очевидно: Велизарий понял, что ответ Нарсеса продиктован из Константинополя. Велизарий начал действовать так, словно интерпретация меморандума Юстиниана, данная Нарсесом, была правильной, и ему удалось избежать ссоры. Буксующее и несовершенное сотрудничество двух командующих продолжалось целый год.

III

Политика, проводимая императорским казначеем, привела к нескольким серьезным последствиям. Первое заключалось в том, что, хотя Велизарий послал в Милан для снятия его осады столько воинов, сколько сумел набрать, численность войска оказалась недостаточной для выполнения поставленной перед ним задачи. Командовавшие им Мартин и Улиарий не отважились перейти По и довольствовались тем, что наблюдали за событиями с безопасного расстояния. Мундил посылал к ним гонцов, убеждая выступить, но Мартин и Улиарий, не скупясь на обещания, не ударили пальцем о палец.

Промедлив и упустив самое драгоценное время, они написали Велизарию, что освобождение Милана имеющимися в их распоряжении силами совершенно невозможно. Посылать такое письмо Велизарию было не слишком тактично. Он привык делать невозможное как часть своей рутинной работы и ожидал, что его командиры будут поступать точно так же. Командиры попросили направить к ним Иоанна и Юстина, которые в это время воевали в Эмилии под командой Нарсеса. Иоанн и Юстин отказались подчиниться приказу Велизария. Для подтверждения приказа потребовалось обращение к Нарсесу. Когда приказ был утвержден, Иоанн сказался больным, и выполнение операции повисло в воздухе.

К этому времени жители Милана, чтобы выжить, начали есть собак и мышей. Но, несмотря на это, они продолжали держаться. Готы направили Мундиду условия капитуляции. Мундил был готов сдать, если условия капитуляции коснутся и мирных жителей. Готы отклонили это требование. Они намеревались примерно наказать непокорных обитателей Милана. Город расположен недалеко от франкской границы, и можно предположить, что такое жесткое отношение готов было продиктовано франкским влиянием. Мундил твердо держался своего и требовал, чтобы интересы горожан были включены в условия сдачи гарнизона. Подчиненные Мундила придерживались на этот счет противоположного мнения. Они предлагали сдать на условиях, предложенных готами, без оглядки на этические проблемы, которые, по их мнению, слишком сильно волновали Мундила.

Готы выполнили свои обязательства по заключенной сделке. Гарнизон был в целостности и сохранности выпущен из города. Милан же был взят штурмом. Взятие Милана сопровождалось такими же мерзостями, какими позже сопровождалось взятие Магдебурга. Бургундцы в большей степени, чем готы, несут ответственность за самые отвратительные проявления жестокости в этом событии. Прокопий полагает, что было истреблено все мужское население Милана, без малого триста тысяч человек. Женщины в качестве платы за содействие попали в руки бургундцев. Сенаторов и священников убивали в церквях. Репарат, преторианский префект Италии, брат римского папы, был изрублен на куски, которые скормили псам. Все строения города, которые враг мог разрушить, были разрушены. Лигурия номинально снова стала готским владением, но на деле там была установлена власть франков. Франкский король очертил свою южную границу красной линией. Теперь не было никаких сомнений в ее отчетливости.

Взятие Милана стало моральным потрясением даже в ту эпоху, когда такие деяния были в обычае и общество было мало чувствительно к проявлениям жестокости. Взятие города оказалось не столь эффективным, каким могло быть из-за того, что готы и франки перешли границы, дозволенные тогдашним общественным мнением. Велизарий отказался от встречи с военачальником Улиарием, которого считал ответственным за бездействие, приведшее к потере Милана. В донесении Юстиниану Велизарий не выбирал слов для

выражения своего мнения. Падение Милана он объяснял всецело разделением военного командования. Этого никогда бы не случилось, если бы он, Велизарий, сохранил командование, которое, как он предполагал, было всецело доверено ему.

IV

Юстиниан отозвал Нарсеса и недвусмысленно подтвердил единоначалие Велизария. Но ошибку, которую успел допустить император, было не так легко исправить.

Комета — «рыба-меч», которая появилась в небе в 539 году, была не праздным предвестником беды. Хотя авторитеты (что не вызывает удивления) расходились во мнениях относительно ее значения, было трудно сомневаться в том, что случившиеся ужасы не были связаны с появлением кометы. Падение Милана стало первым звеном в цепи катастроф. С улучшением погоды огромная гуннская армия перешла Дунай. Всю весну и лето гунны хозяйничали в иллирийских провинциях, опустошая и грабя страну. Гунны взяли тридцать две крепости, прошли в Фермопилы и произвели опустошения в Северной Греции. Перейдя Босфор, они проникли в Азию и награбили там столько, сколько смогли унести с собой, Уходя, гуннская орда увела с собой сто двадцать тысяч пленных. Так, во всяком случае, утверждает Прокопий. И даже если мы предположим, что он преувеличивает, надо помнить, что тем, кто пережил весь этот ужас, казалось, что его невозможно преувеличить никакими словами.

Сын старого Кобада, молодой и энергичный Хосру Аношарван, новый персидский царь, с большим вниманием следил за политикой, которую Юстиниан проводил на Западе. Персу не нравилась эта политика. Он считал, что попусту теряет время, праздно глядя, как Юстиниан восстанавливает древнюю мощь Римской империи. Весной 539 года он встретился со своим главным приспешником на арабской границе сарацином аль-Мундхиром. Персидский царь заявил аль-Мундхиру, что желает войны, и предоставил тому избрести повод.

Аль-Мундхир блестяще справился с поручением, ибо повод, который он состряпал, был поистине гениальным: он ввязался в ожесточенный спор со своим соседом, проримски настроенным Гаритом. Поводом для территориального спора послужили бросовые, никому не нужные пастбища. Для разрешения спора обратились к Юстиниану, и император прислал двух арбитражных судей для разрешения конфликта.

Именно этого и добивался Хосру. Теперь он лично появился на сцене и предъявил письмо, якобы написанное Юстинианом аль-Мундхиру, в котором император предлагал большие деньги за невинную душу араба. Кроме того, на руках у Хосру оказалось другое письмо, написанное императором гуннам. В этом письме Юстиниан подстрекал гуннов вторгнуться в пределы Персидской империи. Горя возмущением, Хосру объявил о намерении разорвать договор, который он заключил с римлянами.

Когда дело дошло до этой стадии, появился новый фактор, оказавший большое влияние на развитие ситуации.

Мы уже знаем, что Витигис призвал к себе на помощь франков. Имел ли он какое-то отношение к вторжению гуннов, мы не знаем, но зато доподлинно известно, что в тот момент он пытался вступить в переговоры с Хосру. В этом деле он не мог положиться ни на одного гота, поэтому к переговорам пришлось привлечь двух жителей Северной Италии — епископа и священника. Во Фракии они нашли переводчика. Поскольку Рим и Персия в то время не находились в состоянии войны, послы без особых трудностей добрались до Персии.

V

Если верить Прокопию, эти два невежественных и смиренных посла предстали перед царем царей и произнесли речь, которая произвела на него неизгладимое впечатление. Послы сказали, что Юстиниан стремится создать мировую державу; если ему удастся сокрушить

готов, в его руках окажется такая власть, что он сможет без труда напасть на Персию, чтобы сокрушить и ее. Они убеждали Хосру не пренебрегать удачным моментом и действовать, пока не стало поздно.

Эти взгляды совпадали с мнением самого Хосру, и ему оставалось только отыскать подходящий способ развязать войну. Положение, сложившееся в Армении, оказалось самым подходящим для этого поводом. Эта ситуация явилась итогом обдуманной политики Юстиниана, и война началась в результате цепи логически обоснованных событий, а не в результате игры случая. Ненужная суровость, неразумное соперничество, попытки выиграть время, сэкономить людские ресурсы и деньги, испытывая новые способы давления на Армению, кончились всеобщим возмущением и посылкой армянской депутации к Хосру. Царь царей был в восторге от такого поворота событий. Его совет был похож на все другие советы, которые дают в таких случаях. Это не был ответ на аргументы, основанные на серьезных политических принципах. Торговые соображения делали Армению предметом самого живого интереса персидского царства. Длинная дискуссия закончилась тем, что Хосру получил то, чего желал. Так как уже наступила осень, начало войны было назначено на следующую весну.

Имперская власть не желала верить, что Персия действительно хочет развязать войну. Зимой Юстиниан направил Хосру свое личное послание. Отметив, что большинство разумных людей делают все, что в их силах, чтобы избежать войн, которые легко начать, но очень трудно закончить, он постарался опровергнуть все недобрые или враждебные цели, которые он якобы преследовал в своих сношениях с аль-Мундхиром и гуннами. Император привлек внимание Хосру к злокозненным интригам аль-Мундхира и попросил не превращать пустяки в повод к войне, учитывая, сколько страданий она может принести. Хосру не ответил на это письмо. Возможно, он решил, что Юстиниану лучше заниматься этими сентиментальными излияниями ближе к дому, например в Италии. Возможно, он посчитал, что лучше не отвечать на такое послание.

Юстиниан действительно начал пересматривать свое отношение к итальянской кампании. Получив в начале июня сведения о сношениях Витигиса с Хосру, он начал готовиться к защите. Царь царей был очень серьезным противником. По своим ресурсам, численности, престижу и способности вести длительную борьбу персы были намного опаснее готов. В связи с этим в течение всего года Юстиниан тщательно обдумывал создавшееся положение и взвешивал доводы. Учитывая падение Милана, вторжение гуннов в Иллирию и угрозы персов, он должен был очень тщательно выбрать безошибочный шаг. Кроме того, надо было учесть возможные финансовые проблемы. Сможет ли он в преддверии надвигающейся войны изыскать средства, соразмерные возникшим потребностям?

Велизарий, однако, показал в этом году свою настоящую силу. Возможно, в частной жизни, как нас уверяют в этом историки, он действительно был очень темпераментным человеком, но ничем не выказал своей горячности в эту осень после отзыва Нарсеса. Он наступал твердо, неотвратно и спокойно, беря одну за другой готские крепости. В это время в Италии появляется Теудеберт. Франкский король не испытывал ни малейшей склонности извиняться перед кем-то за то, что грабил все, что попадалось под руку. Было очевидно, что его единственной целью является не допустить появления сильного государства у ворот Галлии. Витигис, как и Юстиниан, потерял Лигурию. Общий итог был следующим: с постепенной потерей крепостей Витигис в Равенне на узком плацдарме оказался один на один с Велизарием и императорской армией. С наступлением осени труды и терпение Велизария были полностью вознаграждены. Теперь он мог, не оглядываясь на свои тылы, наступать на готскую столицу.

VI

Король Витигис, должно быть, не был романтиком, ибо все, к чему он прикасался,

немедленно обращалось в прозу. Осада Равенны и оборона Витигиса были так же бесцветны и скучны, как поездка в четырехколесном экипаже. Войну вели в основном городские господа, снабженные необходимыми инструкциями; армия проводила только незначительные операции, остальное время отсиживаясь на зимних квартирах и зевая от скуки. В конце года Велизарий услышал, что в Равенну направляются послы франков. Сообщение оказалось верным.

Франки (видимо, забыв, что их прежние отношения с готами можно назвать какими угодно, но не нежными) явились с предложением заключения союза между готами и франками против империи. Идея заключалась в том, что после изгнания имперских войск из Италии новоиспеченные союзники поделят ее на сферы влияния; в какой пропорции будет произведено разделение, осталось тайной.

Велизарий поспешил вмешаться. Его личные представители не мешкая предложили Витигису лучшие, куда лучшие условия соглашения с имперским правительством. Послы Велизария без особого восторга говорили о пресловутой честности и верности франков союзническим обязательствам. Эти замечания были приняты Витигисом и его советниками, которые согласились, что соглашение с императором предпочтительнее союза с франками. Таким образом, путь к официальным переговорам был открыт.

В начале нового года прибыли полномочные представители Юстиниана с четкими инструкциями. Император, обеспокоенный тяжелым положением на востоке, был готов заключить с готами соглашение на самых щедрых условиях. Он соглашался на сохранение за Витигисом Италии к северу от По,³⁶ в качестве гарантии император потребовал половину готских королевских сокровищ — золотого запаса, с помощью которого правили готские короли.

Условия соглашения удивили всех. Готы, естественно, с радостью их приняли. Юстиниан, несомненно, предложил им намного больше того, что они могли получить войной. Никто не понимал это лучше, чем Велизарий. Он находился в состоянии оцепенения после того, как внимательно ознакомился с условиями соглашения, по которым было принесено в жертву почти все, чего он добился ценой больших трудов и великих потерь. Для него это был вызов: все его умение, все его полководческие таланты, как выяснилось, стоили не больше этого позора!

Возможно, Велизарий придерживался бы иной точки зрения на происшедшее, если бы имел возможность предварительно лично обсудить дело с императором. Велизарий был солдат; вероятно, император мог бы показать ему те обстоятельства дела, которые были Велизарию неизвестны. Но когда полномочные представители потребовали, чтобы Велизарий подписал договор, как верховный главнокомандующий и командующий имперскими силами в Италии, он отказался это сделать.

Имперская армия, которая не была собранием людей, из которых жесткий деспотизм выбил индивидуальность, изобиловала сильными личностями, которые, не колеблясь, высказывали свои мнения с ошеломляющей прямоотой. Велизарий созвал совещание командиров.

Он сказал своим офицерам, что никто лучше его не осведомлен о переменчивости военного счастья, что случается так, что война выигрывается на последнем рубеже, когда кажется, что все кончено. Вероятно, мудро составить такое соглашение с противником, которое устроило бы последнего. Но он настаивает на одной вещи. Никто не должен впоследствии задним числом обвинить Велизария за согласие с таким постыдно легким мирным договором. Он желал, чтобы его командиры либо одобрили договор, либо

³⁶ В то время Италия к северу от По была занята преимущественно франками. Доподлинно неизвестно, знал ли об этом Юстиниан, но в любом случае его предложение не было проникнуто циническим духом, так как Витигис, обладая титулом, находился в лучшем положении, чем франки, чтобы установить полный контроль над территориями, отошедшими под его юрисдикцию. Франки же возражали из-за того, что не хотели иметь императора своим соседом. Таким образом, теперь и они могли заключать союзнические соглашения с готами.

высказались против него и потребовали его заключения на более жестких условиях.

Поставленные перед необходимостью комментировать статьи договора, командиры не отважились критиковать проект Юстиниана. Командиры Велизария единодушно одобрили договор.

Велизарий попросил их письменно подтвердить свое одобрение. Они подчинились и сделали это. Велизарий был очень рад получить эти добровольные письменные свидетельства, так как понимал, что впоследствии договор с готами подвергнется сокрушительной критике, так как был чудовищный разрыв между тем, что давал императорской стороне договор и чего она могла добиться военными действиями. Велизарий желал снять с себя ответственность за это.

Однако теперь встревожились Витигис и его советники. Они были уверены, хотя и не могли это доказать, что в тексте договора существует какой-то скрытый подвох. Договор был слишком хорош, чтобы быть искренним. Они отказались подписывать его до тех пор, пока под ним не будет подписи Велизария. Очень интересно отметить, насколько высоко ценили противники честность и надежность великого фракийца.

В результате этих событий договор, абсурдно благоприятный для готов, буквально повис в воздухе. Он оказался слишком великодушным по отношению к проигравшей стороне.

VII

Готы, которые единодушно выбрали Витигиса своим королем, были поразительно верны ему. Вероятно, у них просто не было другой альтернативы. Выбрали человека, который устраивал всех; это была их вина, что он оказался обычным, заурядным человеком. Но срыв переговоров и невозможность подписать договор — это было уже слишком. Готы начали терять терпение. Но даже при этом они не стали прямо обвинять Витигиса. Вместо этого они начали всерьез обсуждать возможность предложить императорскую корону Велизарии.

Как их арианство препятствовало сердечному соглашению с ортодоксальной Италией, так и династия Амалунгов не давала им возможности признать верховную власть императора. Но династия Амалунгов пресеклась. Оставалась только одна Матасунта, но она была женщина. Не оставалось никаких преград к тому, чтобы готы сами провозгласили римского императора, самодержавного суверена, который не подотчетен никому, кроме Господа Бога. Они никогда не предложили бы на императорский трон Амалунга. Римский император должен быть римлянином. Только римский гражданин мог обладать ничем не ограниченной суверенной властью милостью Бога, который один устанавливает мировые державы. Велизарий был римский гражданин. Он завоевал Италию, будучи во главе разноплеменного сброда: под его знаменами сражались армяне, левантийцы и отколовшиеся от своего племени готы. Чего не сможет достичь Велизарий, если под его началом окажется чистокровное готское племенное воинство? Установление союза между Велизарием и готами стало бы гениальным шагом, который позволил бы не только воссоздать империю и найти императора, но и восстановить то, чего Римская империя была лишена уже несколько столетий, — родовую аристократию.

Схема была вполне реальной. Более того, в ней чувствуется какое-то истинное вдохновение. Человека, который это предложил, нельзя назвать глупцом. Он предложил план, исполнение которого могло бы повернуть ход истории.

Когда это предложение было представлено Велизарии, ему пришлось очень быстро принять важнейшее в его жизни решение, какое не часто выпадает принять человеку.

Мы не можем знать его потаенные мысли, но мы можем судить о факторах, которые повлияли на это решение. Вряд ли он разделял взгляды готской племенной знати на самое себя. Велизарий был человеком с громадным жизненным опытом; ему приходилось встречаться с разными людьми в самых разнообразных жизненных обстоятельствах. И хотя

опыт подсказывал и убеждал, что готы были, возможно, самыми лучшими на свете воителями, тот же опыт не убеждал его в том, что готы самой судьбой предназначены для того, чтобы править мировыми империями. Кроме того, вся жизнь Велизария до и после этого эпизода позволяет нам утверждать, что он очень хорошо осознавал свои возможности. Велизарий был солдатом до мозга костей и знал это; он никогда не уклонялся от выдвижения на самые высокие воинские посты, но никогда не думал о себе как о монархе и никогда не показывал желания взваливать на свои плечи груз императорской ответственности. Думается, что если он даже представил на мгновение, что стал главой готской империи, то, вероятно, не испытал к себе в этой роли ничего, кроме жалости. Нет. Конечно, Велизарию была предложена превосходная абстракция, но в практической политике она была невозможна.

Всей своей жизнью Велизарий показал, что он искренне предпочитал мир, в котором пожинал военные лавры, а Юстиниан исполнял всю черную работу по управлению государством. Велизарий отнюдь не желал добровольно подставлять шею под ярмо.

VIII

Велизарий оказался в достаточной степени дипломатом, чтобы сердечно улыбаться готским послам, принесшим ему предложение стать императором. Послы были так удовлетворены теплым приемом, что слухи о нем мгновенно распространились по Равенне. Они дошли даже до самого Витигиса. Король сделал свое дело, послужив, как мог, готской державе, теперь он устал от дел. Король посылает Велизарию посла и торопит римлянина принять предложение готов. Этот совет если не эгоистичен, то, во всяком случае, лишен личного интереса.

Велизарий созывает экстренное совещание высшего командного состава и просит пожаловать на него полномочных представителей императора. Вопрос, который он ставит перед собравшимися, заключается в следующем: как они отнесутся к тому, что он без насилия и кровопролития захватит власть над всей Италией, пленит Витигиса и завладеет всеми готскими сокровищами? Высокое собрание решило, что это достойная и желательная цель, и согласилось, что ее надо добиться, если у Велизария есть способ ее достижения. Заручившись согласием командиров и представителей императора, Велизарий решил, что путь свободен для его следующего шага.

В Равенне царил голод. Обложенные с моря и суши готы не могли обеспечить город продовольствием. Угроза голодной смерти стала главной причиной, заставившей Витигиса так легко пойти на переговоры. Велизарий отправил всех своих командиров на разные участки, отослав их от себя. Этим умным шагом он избавился от свидетелей, перед которыми ему было бы неудобно исполнять задуманное.

Как только Велизарий освободился, он послал в Равенну сказать, что согласен с предложением и принимает его. Под прикрытием продолжавшихся переговоров о мире начались новые переговоры по совершенно иному вопросу. Были обсуждены и улажены все условия и противоречия. Велизарий давал себя в залог того, что никакого вреда не будет причинено ни готам, ни их имуществу. Он отложил церемонию приведения к присяге монарха, которая сделает его сюзереном готов, до своего вступления в Равенну. Эта оговорка представлялась совершенно оправданной: как можно давать торжественную клятву только в присутствии депутации? Готы ни на минуту не сомневались, что Велизарий даст клятву. Было подготовлено официальное вступление Велизария в Равенну.

В мае римский флот вошел в Классию с грузом еды для голодающего населения Равенны. Ворота были открыты, и в город вступила не вся императорская армия, а один Велизарий и его комитат — небольшой отряд победителей, шествовавший по городу, заполненному толпами гораздо более многочисленных побежденных. Среди самих готов мнения сильно разделились. Согласно свидетельству историка, готские женщины были вне себя от ярости при виде маленькой армии, разгромившей бывших повелителей Италии.

Женщины плевали в лицо своим мужьям и сыновьям. Однако этот историк не сообщает нам, насколько всеобщим было такое мнение. Велизарий и его небольшой отряд добровольно признали свое поражение в состязании по пышности и великолепию. В конце концов, они вступили в город как воины, а не как парикмахеры.

Оказавшись в Равенне, Велизарий начал действовать быстро и решительно. Витигис был арестован вместе с ведущими племенными вождями готов. Королевская казна была конфискована. Остальные готы распущены по домам. Когда готы, наконец, поняли, что Велизарий никогда не даст ни королевской, ни императорской клятвы, было слишком поздно возражать и сопротивляться. Хитро задуманная комбинация провалилась.

Захват Равенны стал выдающимся эпизодом в истории человечества. Не самым последним достоинством этой операции являются гуманность и добрая воля, которые были проявлены при ее проведении. Войти в крепость таких воинов, как готы, и сделать то, что сделал Велизарий, — это подвиг, который мало кому было дано совершить на протяжении всей человеческой истории.

IX

Месяц спустя, имея на борту Витигиса, заложников и королевскую сокровищницу, Велизарий отплыл из Равенны. Возвращение домой было скорым; но, прибыв в Константинополь, Велизарий встретил холодный и недружественный прием Юстиниана и услышал новость, ужас которой был сравним с ужасом известия о взятии Милана. То было известие о падении Антиохии.

Верность Велизария была выше всяких подозрений, и Юстиниан никогда всерьез в ней не сомневался; но способ, каким был решен исход итальянской кампании, был так же противен Юстиниану, как, может быть, известие о мятеже полководца. Все было проделано, мягко сказать, неприлично, и наверняка нашлись люди, которые дали действиям Велизария более жесткое определение. Действительно, император держит руку на пульсе империи, обдумывает и проводит внятную и разумную политику, воплощая в жизнь мирный договор. Этот договор, который Велизарий не понял и не смог оценить его истинные достоинства, должен был на несколько грядущих лет создать в Северной Италии буферное готское государство, которое отделило бы империю от франков и остальных германцев. Велизарий, подпиши он договор, мог бы срочно вернуться домой и принять участие в надвигавшейся войне с Персией. Но ничего этого Велизарий не сделал. Вместо этого он уничтожил всю схему построения буферного готского государства и оставил имперские силы перед лицом партизанской войны, которая в любой момент могла превратиться в нечто более серьезное. Велизарий потерял четыре или пять месяцев, которые дали возможность Хосру беспрепятственно вторгнуться в Сирию и привести империю к одной из самых тяжелых катастроф, какие она до сих пор переживала. Если после всего этого Велизарий рассчитывал на теплый прием, то он имел воистину сангвинический темперамент.

X

Кампания развивалась в полном соответствии с планами Хосру. Продвигаясь вверх вдоль Евфрата, персидская армия вторглась в Сирию. Хосру оказался сильным правителем, отличавшимся высоким интеллектом, и прекрасным организатором. В императорской армии не нашлось ни одного военачальника, способного преградить ему путь. Что значил Велизарий для империи, стало ясно, когда Хосру день за днем делал то, что считал нужным, не встречая должного сопротивления.

Юстиниан позаботился о мерах, которые, будучи приведенными в действие, позволили бы избежать последующих осложнений. Император решил, что Велизарий возьмет на себя командование в Сирии на участке от моря до Евфрата, а участок к востоку от Евфрата достанется Боузу. Некоторые рассматривали такое назначение Велизария как понижение в

должности, так как ему поручался узкий участок вместо привычного для него командования всеми вооруженными силами. Однако не следовало спешить с такими выводами. На самом деле намерение Юстиниана состояло в том, чтобы освободить Велизария от неприятных, но несущественных деталей и сосредоточить его внимание исключительно на самом опасном направлении войны. Так как Велизарий терял время в Италии, улучшая императорский план мирного урегулирования, Боузу приходилось исполнять обязанности командующего на всем театре восточной кампании.

Расположив свой главный штаб в Гиерополе, Боуз решил всеми силами избегать позиционной войны и больше полагаться на мобильные полевые силы, чтобы остановить продвижение Хосру и не дать ему захватить укрепленные позиции. Это был замечательный план: приведя его в действие, Боуз исчез вместе со своими мобильными силами; никто не знал, куда он направился.

Как только Юстиниан узнал о наступлении персов, он понял, что нужно принимать экстренные меры, и немедленно отправил в Антиохию своего племянника Германа с тремястами воинами и обещанием прислать следом целую армию. Герман прибыл в Антиохию, осмотрел город и пришел к выводу, что для его успешной защиты от неприятеля необходимо перестроить фортификационные сооружения. Городские строители и архитекторы в один голос утверждали, что для задуманной перестройки у них не остается времени. Укрепления города находились в плохом состоянии, обещанной армии не было, и Герман впал в пессимизм. Учитывая создавшуюся обстановку, антиохийцы решили откупиться от персов.

Начались переговоры, которые вел Мегас, епископ Верейский. Царь царей благосклонно отнесся к выдвинутым предложениям. Стороны договорились о выкупе в десять центенариев золота. Такова оказалась цена Антиохии. Хосру удовлетворился такой суммой и согласился покинуть римскую территорию без войны. По возвращении в Антиохию епископ встретил там имперских послов в лице Иоанна, сына Руфина, и Юлиана, доверенного секретаря императора. Юлиан запретил выплату выкупа, и Мегас не смог добиться ратификации достигнутого им соглашения с Хосру.

Как антиохийцы оценивали сложившуюся ситуацию, можно судить по тому факту, что епископ Мегас не стал даром терять время и бежал в Киликию, куда за ним вскоре последовал Герман. Жители Антиохии спешно покидали город, унося с собой все, что они были в состоянии унести. Их примеру последовали бы и другие, но в это время неожиданно прибыла имперская армия численностью шесть тысяч воинов, то есть почти столько, сколько имел Велизарий, начиная итальянскую кампанию. Нельзя сказать, что явившийся в это время под стены города Хосру повел себя неразумно. Он все еще предлагал закончить дело миром при выплате выкупа в десять центенариев золота, причем некоторые антиохийцы полагали, что царь царей мог бы удовлетвориться и меньшей суммой. Антиохия могла собрать даже такую громадную сумму.

Но здесь, как нарочно, в развитие событий вмешалась разница в воспитании и обычаях. Жители Антиохии привыкли к особому сорту народного юмора, который в наши дни считается продуктом демократических институтов и выражается в сатирических спектаклях мюзик-холлов и газетных политических карикатурах. Римский император воспринимал это с философским спокойствием, считая такие вещи проявлением естественного хода вещей. Не таков был Хосру. Это был восточный владыка, воспитанный в ином понимании хороших манер. Для него в отношениях государя и подданных определяющими были иные ценности. Он не смог с философским скептицизмом отнестись к непристойным замечаниям, которые отпускали антиохийцы в его адрес. Он был оскорблен до глубины души. Гнев его не знал границ. Хосру решил взять Антиохию приступом.

XI

Даже в этой ситуации Антиохию еще можно было спасти, но ее буквально преследовал

злой рок. Не было должной организации обороны. Командовать ею должен был Велизарий, но он отсутствовал. Разрушение некоторых временных сооружений, использовавшихся как фортификационные, вызвало панику. Солдаты начали оставлять свои посты и покидать город, выходя через ворота, которые не блокировали персы. Когда они пошли приступом на никем не защищаемые стены, то их удивлению не было границ. Они просто не верили своим глазам. Но даже в тот момент Антиохию еще можно было спасти. Но неподготовленные жители города, которыми не командовали и которым не помогали советом профессиональные воины, напрасно воображали, что смогут защитить свои очаги и дома. Началось массовое избиение. Персы убивали всех, кто попадался им под руку, пока их не отвели командиры. Практически весь город был разрушен до основания и подожжен. Оставшиеся в живых жители были взяты в плен и уведены.

Падение Антиохии было сильнейшим из пережитых Римской империей потрясений. Современный мир, хотя и видел события, которые своей трагичностью заставляли его испускать крик ужаса, не переживал подобного разрушения Глазго или Чикаго. Антиохия же по меркам VI века соответствовала своей значимостью и размерами этим двум городам. Престиж Юстиниана был поколеблен до основания. Даже те, кто прямо не обвинял его в провале, подсознательно начали воспринимать его как фигуру куда меньшего масштаба и меньшей силы.

Упущения и небрежности, допущенные в делах такого рода, очень трудно наказывать, так как не всегда возможно довести до сознания виновников всю степень их ответственности за последствия их ошибок. Очевидно, что, хотя Юстиниан не мог наказать завоевателя Италии за потерю Антиохии, он был очень недоволен, разочарован и оскорблен. На этот раз Велизарий не был удостоен триумфа. Он привез с собой очередного короля, но ему не разрешили провести его по улицам Константинополя. Он привез еще одну королевскую сокровищницу, но ему не позволили выставить ее на всеобщее обозрение.

С Витигисом обошлись очень милостиво. Он был возведен в патрицианское достоинство и получил имение в Азии, где прожил два года после того, как перестал быть готским королем. Большая часть готов, прибывших вместе с ним, пошла служить в императорскую армию. Пожалуй, им не следовало жалеть о своей участи.

Но наверное, Витигис с тайным изумлением и восхищением следил за царственными подвигами Хосру. После того как он стер с лица земли оскорбившую его Антиохию, царь царей решил побаловать себя морскими ваннами в Селевкии, райском месте, которое не часто посещалось персидскими царями. Хосру посетил знаменитые сады и фонтаны Дафны — место, которое стоило того, как заметил Прокопий.

В Апамее он решил покровительствовать проведению скачек. Узнав о том, что Юстиниан принадлежал к партии «синих», Хосру, конечно, решил стать «зеленым». Это был первый и последний персидский монарх, сделавший такую честь одной константинопольской партии. К сожалению, победил наездник «синих». Так и не привыкший к западным манерам, Хосру приказал отвести его назад. После этого царь царей и партии «зеленых» под громкие приветственные клики публики выиграл состязания. Можно предположить, что восточный монарх был горд такой победой.

Он вернулся домой почти парадным маршем, нагруженный сирийскими трофеями, гоня перед собой плененных жителей Антиохии. Это было такое же чудо, как победы Велизария в Африке и Италии. Казалось, что персидское войско сможет сделать все, что захочет, с Римской империей.

Глава 9 РАЗРУШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА. ДЕЯНИЯ АНТОНИНЫ

После того как пала Антиохия, а царь царей медленно исчез за Евфратом, ведя перед собой несчастных пленников, не было особой нужды поспешно посылать Велизария на войну. Он много и тяжело трудился предшествовавшие пять лет, не зная ни праздников, ни развлечений. Настало время отдыха, время побыть некоторое время на виду, чтобы его сумели разглядеть как друзья, так и враги.

Самым худшим в Велизарий было то, что он был начисто лишен индивидуальности. Он всегда был дополнением в некоем сочетании личностей. Имея с ним дело, ни один человек не мог до конца понять, с каким из участников дуэта — старшим или младшим (то есть с Антониной или Велизарием) — он имеет дело. Будучи великим воином, Велизарий имел немало врагов, которые были бы счастливы заманить его в западню. Впрочем, уничтожить Велизария было не так сложно. Но любой человек, который пытался это сделать, сталкивался лицом к лицу не с покладистым, добродушным мужчиной, а с непримиримой и решительной женщиной с каменным сердцем и медным лбом, с женщиной, которая обладала необычайно острым умом. Ее моральные устои могли вызвать некоторое подозрение, но ее ум — и это утверждали ее враги — нет.

С течением времени Антонина поняла, что положение Велизария надо застраховать от неприятностей, для чего был необходим прочный союз с императрицей.

Это было мудрое решение, ибо общим для обеих женщин был страх перед Иоанном Каппадокийским. Как для Антонины, так и для Феодоры Иоанн был страшным и опасным врагом. Он был опасен не только своими способностями или притязаниями, но и близостью к уху императора. Действительно, Юстиниан серьезно прислушивался к его мнениям. Такой чести удостаивались немногие.

Возвращение Велизария не сопровождалось публичными изъявлениями восторга со стороны Иоанна. Более того, историк утверждает, что он повел себя недружественно по отношению к полководцу. Только неисправимый оптимист мог ожидать, что Иоанн с распростертыми объятиями встретит человека, который на практике опроверг его мрачные прогнозы. Даже глупцы бывают уязвлены, когда не сбываются их смутные пророчества. Иоанн испытывал досаду и враждебность оттого, что его четко обоснованные, основанные на непререкаемом здравом смысле утверждения были развеяны в прах смешным донкихотом с его перезрелой женой и ее свитой из молодых мужчин. Если бы Иоанн оказался прав со своими разумными объяснениями, кости Велизария давным-давно белели бы в знойных африканских песках. Иоанна не было в ликующей толпе, которая радостными кликами приветствовала Велизария, ведущего по Месе плененного им короля. Вероятно, Иоанн в это время работал, изводя придирками своего секретаря. Можно с полным основанием предположить, что он был среди тех, кто всячески преувеличивал промахи Велизария, который вернулся из похода с еще одним королем, брата которого в плен не имел полномочий.

Велизарий, несмотря на такое отношение сановника, не держал камней за пазухой, чего нельзя сказать об Антонине.

II

Мы уже видели, что есть веские основания думать, что именно Иоанн был тем человеком, который пускал в ход рассказы о Феодоре, которые могут и сейчас вогнать в краску безгрешных представителей старых научных школ. Прокопий, став старым и желчным, записал эти истории, хотя сам не был свидетелем и знал о похождениях императрицы понаслышке. Повторял он и сведения о других событиях, свидетелем коих он не был, но слышал о них. Было бы не совсем неразумно заподозрить, что эти истории были вызваны к жизни умелой кистью Иоанна Каппадокийского. Насколько эти истории правдивы, мы сказать не можем. Вероятно, они не во всем соответствовали действительности, но их нельзя назвать и лживыми. Таковы истории об Антонине и ее

подвигах в Италии.

Определенно, Иоанн своим поведением привлек к себе самое пристальное и враждебное внимание Антонины. Иоанн относился к тому типу людей, которые с удовольствием афишируют себя в обществе, распространяя истории, подобные истории о скандальных отношениях Антонины с ее крестным сыном Феодосием. Эти рассказы доставляли Иоанну тем большее наслаждение, чем в более нелепом свете они позволяли выставить на всеобщее обозрение героя Велизария. То, что какие-то события произошли в действительности, мы можем заключить из того факта, что по возвращении в Константинополь Феодосии решительно отмежевался от Антонины. Причина, скорее всего, состояла в том, что он почувствовал слишком большое и нездоровое внимание общества. Не мог вынести сплетен, ушел в монастырь и в Эфесе принял постриг. Мы не можем сказать, кто был автором этих сплетен, но все обстоятельства этого дела дают нам право считать, что зачинщиком скандала стал тот же Иоанн.

Чувства, которые испытывали Антонина и Феодосии, становятся понятными и объяснимыми, если принять, что суть скандала была верно передана Прокопием. Скандал начался еще во время похода в Африку, куда только что окрещенный и усыновленный Феодосии сопровождал на флагманском корабле Велизария и Антонину. Нам показывают живую и яркую картину, написанную талантливой рукой историка, картину необузданной и не вполне приличной одержимости тучной Антонины юным мальчиком, которому она годилась в бабушки. Прокопий рассказывает нам об абсурдности положения Велизария, который своим орлиным оком ухитрялся замечать все, кроме этого... Антонина (как, во всяком случае, ей приписывают) таскала Феодосия всюду, где появлялась сама. У Карфагена Велизарию изменило его тактическое чутье, и он попал в такое положение, в какое не осмелился бы войти даже ангел. С успехом не заметив ничего особенного в том положении, полководец добился величайшего в своей жизни триумфа. Так говорит нам историк. Иоанн был бы полным глупцом, если бы не воспользовался такой бесценной возможностью и не извлек из всего этого максимальной выгоды.

III

Но это был лишь пролог к драме. Дальнейшее развитие истории получилось еще более популярным и привлекательным. Когда Велизарий отплыл на Сицилию, он взял с собой Антонину, а Антонина взяла Феодосия. Очень трудно понять, по какой причине в тех обстоятельствах, которые нам упорно подсовывает Прокопий, Антонина решила подвергнуть себя тяготам итальянского похода, вместо того чтобы остаться дома и спокойно наслаждаться обществом Феодосия. Но дело в том, что скандал, как особый романтический жанр, имеет свои типические правила, которые не следует нарушать здравым смыслом.

Велизарий еще находился в Сиракузах после завоевания Сицилии, когда к нему на аудиенцию явилась некая женщина по имени Македония. После того как она заставила Велизария поклясться всем святым, что он ее не выдаст, Македония рассказала стратегу всю историю об Антонине и ее страсти к Феодосию. Остается только удивляться, зачем было Велизарию получать информацию из такого экстравагантного источника, если вся история любви развивалась у него на глазах. Женщина привела с собой в качестве свидетелей двух мальчиков. Поскольку Велизарий отказывался верить собственным глазам, мы можем смело утверждать, что он не поверил бы чужим.

Но Велизарий (еще раз оговоримся, речь идет о скандале) поверил свидетельству обоих мальчиков, хотя не верил своим собственным. Хотя он все знал и раньше, но только теперь Велизарий пришел в неописуемую ярость. Вне себя от гнева, он послал одного человека убить Феодосия. Последний, вовремя кем-то предупрежденный, бежал от убийцы в Эфес. Чувствуя, что будет гораздо умнее остаться в хороших отношениях с Антониной, нежели выполнить приказ Велизария, несостоявшийся убийца открыл все этой женщине.

Вряд ли это было так необходимо, поскольку вся история держалась в строжайшей

тайне. Константин, друг и сподвижник стратега, весьма сочувствовал Велизарии по поводу неудачной попытки раздавить Феодосия. При этом Константин якобы произнес памятные слова: «Будь я Велизарием, я поставил бы на месту старую бабу, а не этого бедного мальчика». Услышав об этом, Антонина решила, что настало время действовать.

IV

Зачинщик скандала, будь то Иоанн или Прокопий, должен был считаться с неудобным для него фактом, что Антонина и Велизарий продолжали жить вместе в любви и согласии. Выход из положения был найден поистине гениальный. Вероятно, полагает автор истории, все дело в колдовстве и чарах Антонины. Может быть (это альтернативное объяснение), Антонина ласками снова привела Велизария в хорошее расположение духа. Читателю на основании того, что он знает о Велизарии, оставляют полную свободу решать, какая из двух версий наиболее вероятна, или, лучше сказать, менее невероятна. Но Антонина решила убедить супруга в своей невиновности. Велизарий снова пришел в ярость, хотя при дневном свете был на редкость спокойный человек, и с головой выдал Антонине Македонию и двух ее мальчиков. И что же делает Антонина? В сочиненную историю просто невозможно поверить! Она велит разрубить их на части, эти части уложить в мешки, а мешки утопить в море. В этом деле ей помогал некий Евгений, который участвовал еще в одной мерзости — аресте папы Сильверия. Из данного нам описания мы можем вывести, что пресловутый Евгений был способен на любое преступление. Отсюда мы можем заключить, что и сама Антонина не побрезговала взять в руки топор.

Вскоре после этого Антонина отомстила и Константину. Как рассказывает нам тот же историк, изложенные им факты послужили причиной казни Константина по приказу Велизария.

Феодосии, хотя и примирился с Велизарием, отказался вернуться в Италию, пока с Антониной находился ее сын Фотий, который сильно ревновал мать к Феодосию. Причиной ревности было то, что, хотя он был родной сын, мать пренебрегала им, пока при ней находился Феодосии. Кстати, Феодосии за время своего управления в Карфагене и Равенне сумел сколотить состояние в сто центенариев. Только после того, как Фотий из-за угрозы его жизни был вынужден покинуть Италию, Феодосии вернулся к Антонине. Здесь, освободившись от Фотия и ничего не опасаясь со стороны Велизария, нечистая пара вновь занялась своими мерзкими интригами.

V

Эта история, которая при ближайшем рассмотрении оказывается смехотворной и нелепой, содержит в себе, как это ни парадоксально, зерно истины. Вероятно, Антонина и Велизарий были прекрасной парой, преданными и доверяющими друг другу супругами. Возможно, что предпринимались неоднократные попытки посеять между ними рознь, и попытки эти оказались неудачными. Вполне можно допустить, что Антонина опекала Феодосия, а великий воин обычно не замечал присутствия этой малозначительной личности. Причина новых попыток посеять несогласие между Антониной и Велизарием заключалась в том, что она надежно оберегала его тыл, пока он воевал. Пока Антонина была с ним, ни один недоброжелатель не мог убрать его с дороги. Своей карьерой Велизарий был обязан неусыпной бдительности Антонины.

Иоанн (если это был Иоанн) переступил черту. Мы знаем, что Македония, танцовщица, была политическим агентом, работавшим на Юстиниана и раньше. Мы можем предположить, что эта женщина играла какую-то роль в попытках поссорить Велизария с его супругой. Нет ничего невероятного в том, что Антонина подозревала Константина в таких же замыслах. Это самый простой способ оценки необычных обстоятельств, связанных с его смертью. Если Константин был агентом Иоанна, то легко понять, почему финансист не

пожалел никаких усилий для того, чтобы представить его смерть в самом ужасном свете в глазах константинопольского общества. До тех пор Антонина была вынуждена пассивно созерцать направленные против нее нападки. Ее возвращение вместе с Велизарием усилило кризис. Возникла настоятельная необходимость уничтожить Иоанна.

Антонина взялась за выполнение этой задачи с тщательной осмотрительностью. Она ничем не выдала своих намерений. Все время, пока Велизарий оставался в Константинополе, она неотлучно находилась при нем. Только весной 541 года, когда стратег уехал в Персию и оказался в полной безопасности в азиатской глуши, Антонина начала действовать. Именно по этой причине она на этот раз не отправилась в поход с мужем, а осталась в столице.

Для того чтобы остаться, нужны были веские основания. К делу снова был привлечен упирившийся Феодосии, и Антонина с большим реализмом продолжала играть комедию «Как я обманываю своего мужа».

Вероятно, Феодосии был совершенно искренен, когда выражал свое желание остаться монахом... Антонина вела себя вызывающе, настаивая на возвращении Феодосия. Она открыто сожалела о его уходе из мира и обратилась к Велизарю, который послушно начал публично выражать свое сожаление по этому поводу. К безмерному удивлению общества, Велизарий обратился в высшие инстанции, откуда надавили на Феодосия. Публика была в восторге, когда Велизарий отбыл на юг воевать с персами, а Феодосии, который клялся, что никогда не вернется в Константинополь, нарушил свои обеты и вернулся. Алиби Антонины было безупречным. Никто не усомнился в истинной причине ее задержки в столице. И это была единственная причина, которая могла убедить Иоанна.

VI

Антонина не была актрисой из одной любви к искусству. Она нацелила свою атаку на слабости Иоанна, причем на самую человеческую и достойную уважения слабость. У Иоанна была дочь Эуфемия. Невзирая на весь цинизм Иоанна, мы можем предположить, что он решил всеми силами уберечь ее от светского опыта и вырастить милое и невинное дитя. Иоанн обожал это воплощение женской чистоты. Именно на этом направлении и решила Антонина нанести свой главный удар.

Иоанн, конечно, мог бы защититься, если бы знал, откуда последует атака, но именно это обстоятельство Антонина маскировала наиболее тщательно. Ему так и не пришлось в голову пресечь дружбу между Антониной и своей дочерью. Эуфемия практически сразу пала жертвой красноречия старой опытной сирены. Не прошло и нескольких дней, как Антонина была в курсе всех девичьих секретов дочери Иоанна Каппадокийского.

Антонине не надо было ничего придумывать и ничего говорить, кроме правды. Она знала репутацию Иоанна. Она знала о его притязаниях и амбициях; она понимала, что одной из причин его нерасположения к Велизарю была возможность того, что полководец может стать его соперником в борьбе за императорскую корону в случае смерти Юстиниана. Иоанн был уверен, что именно ему суждено носить мантию августа, и Эуфемия тоже это знала.

Когда новые подруги оказались наедине, Антонина выразила свое разочарование тем приемом, какой был оказан ей и Велизарю по возвращении из итальянского похода. Им было очень тяжело оттого, что Велизарий, который так много сделал для империи, пленивший двух королей, был холодно и неприветливо встречен Юстинианом.

Эти сентиментальные признания глубоко тронули нежную Эуфемию. Дочь Иоанна, зная, как ее отец боится императрицы, была просто счастлива оттого, что Велизарий и Антонина не выступают заодно с этим страшным противником. Она совершенно разумно заметила, что вина за такое отношение лежит на самих Велизарий и Антонине, так как они пренебрегли возможностью переменить неблагоприятный ход событий, когда располагали ею.

В этот момент Антонина надела на крючок наживку.

Переворот, сказала она Эуфемии, не может быть совершен одними воинами. Для

достижения успеха им необходима помощь гражданских администраторов. Теперь, если Иоанн проявит добрую волю, появится надежда на успех. Эуфемия обещала передать отцу слова Антонины.

VII

Иоанн был очень непростым и далеко не глупым человеком. Он, несомненно, внимательно рассмотрел с разных сторон сделанный ему намек и, тщательно рассмотрев, не нашел никаких контраргументов. Это была, пожалуй, реальная возможность воплотить в жизнь его притязания. Он согласился встретиться с Антониной и обсудить это важное дело. Организовать встречу он поручил Эуфемии.

Насколько мы можем судить, здравый смысл и на этот раз не подвел Иоанна Каппадокийского. У него не было никаких оснований опасаться Антонины, так как, и это самое главное, Антонина никогда не показывала по отношению к нему враждебности. В данном случае она защищала себя и своего мужа, но вела себя при этом совершенно неагрессивно. Иоанн, будучи смелым и уверенным в себе человеком, никогда не боялся вещей, бояться которых у него не было оснований. Более того, все, что сказала Антонина, было всем известной правдой. В конце концов, она не могла предать Иоанна, не предав самое себя.

Антонина решила усилить конспирацию. Она убедила Эуфемию в том, что ее встреча с Иоанном небезопасна для них обоих. Это свидание может возбудить любопытство и подозрения. Однако, поскольку она собирается в ближайшее время уехать из Константинополя, чтобы присоединиться к Велизарии, то они с Иоанном могли бы встретиться в парке Руфинины, расположенном в ближнем пригороде столицы. Там находилось частное имение Велизария, где они могут спокойно, без помех обсудить свои проблемы.

Иоанн согласился, и день встречи был назначен.

Узнав об этой истории, Феодора пришла в неописуемый восторг и сразу одобрила хитроумный план Антонины. Поддержка и помощь императрицы позволили Антонине осуществить вторую, самую опасную часть плана. Беседа с Иоанном была не детской игрой: Феодора сразу вовлекла в дело Нарсеса, хранителя личной сокровищницы императора, и Марцелла, начальника императорской стражи. Они согласились отправиться в Руфинины с надлежащим вооруженным отрядом и узнать, действительно ли Иоанн виновен в злоумышлении государственного переворота. Если да, то они смогут убить его без всяких угрызений совести. Представляется, что все было устроено без ведома императора, чье дружеское расположение к Иоанну было хорошо известно и который наверняка начал бы действовать в его пользу. Отряд Нарсеса и Марцелла уже выступил, когда первые слухи о готовящемся достигли ушей Юстиниана. Император сразу послал к Иоанну его лучшего друга, чтобы он предостерег того от встречи с Антониной. Это был, без сомнения, очень великодушный совет. Если бы Иоанн внял ему, то избавил бы себя от множества неприятностей. Но он был представителем не очень редкой породы людей, которые не любят менять свои решения после того, как они приняты. Иоанн решил идти.

Около полуночи он встретился с Антониной у стены цирка. Он не подозревал, что за ней находились Нарсес, Марцелл и их преторианцы.

VIII

Встреча началась, как и было запланировано... Иоанн, который всегда отличался бурным темпераментом, успел громко и решительно сказать вполне достаточно для того, чтобы лишиться головы, и тогда Нарсес и Марцелл вышли из своего укрытия. Их попытка взять его живым или мертвым оказалась неудачной. Иоанн был одним из немногих гражданских чиновников империи, которым было позволено иметь собственную дружину, и

несколько его головорезов находились поблизости — на всякий случай. В завязавшейся схватке убили не Иоанна, а Марцелла. Иоанн же вскочил на коня и галопом помчался в Константинополь.

Иоанн Каппадокийский явил собой яркий пример собранности в непредвиденных обстоятельствах. Если бы он жил аскетом, то, вероятно, умер бы в почете и уважении. Но вино и женщины, грезившиеся Иоанну в его мечтах, взяли реванш. Прибыв в город, он должен был направиться к Юстиниану и признаться ему во всем (или почти во всем). Историк думал, что император почти наверняка простил бы его прегрешения и защитил от преследований. Но о таком шаге Иоанн не мог даже помыслить. В Константинополе у него хватило глупости спрятаться в потайном укрытии. Прежде чем он успел объявиться, к Юстиниану явилась Феодора, и случай был безвозвратно упущен. Иоанн упустил свой шанс и потерял все не из-за преступления, а из-за ошибки.

Падение Иоанна стало свершившимся фактом. С того момента, когда он вошел в свое убежище, Иоанн перестал быть преторианским префектом и никогда больше не занимал административных должностей. Через некоторое время он уехал в Кизик, где вступил в церковный орден и принял сан, чтобы избежать преследования. Он, однако, неохотно подтверждал свое воцерковление радостным отправлением церковных обрядов. Втайне он надеялся, вопреки всему, что настанет день, когда он сможет сбросить ненавистное церковное одеяние и вернуться в префектуру. Но такой день так и не наступил.

Нам не следует слишком сильно сожалеть о незавидной судьбе Иоанна Каппадокийского. Правила константинопольских игр не запрещали подножки. Он сам сделал бы то же самое с Антониной, если бы она его не опередила. Юстиниан, смирившись с таким исходом, был добр к своему бывшему сановнику и другу. Иоанн сохранил всю свою собственность и до конца своих дней ни в чем не нуждался.

IX

Однако, когда Антонина, удовлетворенная исходом важного дела, которое ей удалось совершить, прибыла к Велизария в Сирию, верную супругу ожидал ужасный сюрприз.

Велизарий, преисполненный самых радужных настроений, вступил в командование армией в Сирии и принялся исполнять свои обязанности. Время было не особенно тревожное. Царь царей где-то далеко на востоке воевал с гуннами. Имперская армия была в неудовлетворительном состоянии, но требовала скорее вмешательства командирского звена, муштры и попечения квартирмейстеров, чем стратегического управления. Бывшие под рукой командиры страдали странной смесью невежества и неопытности. В соответствии с приказом, полученным от императора, Велизарий готовил небольшую вылазку на персидскую территорию.

Под началом Велизария служил здесь и Фотий, пасынок стратега и родной сын Антонины. Фотий не пользовался любовью друзей своей матери, и они, не стесняясь, давали ему это понять. Если он выступал против нее во время итальянского похода, то нам не приходится долго искать объяснения такому поведению. Сам Фотий объяснял все по-другому. Он полагал, что сама Антонина в своих письмах настраивает людей против него. Его методы противодействия материнскому произволу только усиливали предубеждения друзей Антонины и придавали достоверность их подозрениям. Фотий явился в армию раньше Велизария с человеком, который, недавно приехав из Константинополя, привез с собой знакомую нам скандальную небылицу.

Можно с большой долей достоверности предположить, что Антонина не стала посвящать Велизария в тонкости своего плана (или сделала это в недостаточной степени) для успешного исполнения комедии, которую она поставила на подмостках константинопольского паноптикума, чтобы объяснить свое желание остаться в столице. Вероятно, это была ошибка. Велизарий пришел в ужас, когда узнал, как выглядит в глазах светской публики. Он, великий Велизарий, с лучезарной улыбкой уступчивого идиота отбыл

в Сирию, а эта Антонина... Это было слишком! Он привлек на свою сторону Фотия, сказав ему, что нельзя оставлять безнаказанным такое мерзкое к себе отношение. Фотий согласился, напомнив Велизарию о страшной гибели несчастной Македонии. Они поклялись друг другу самыми ужасными клятвами в вечной верности, решив держаться вместе в горе и в радости. Клятвы были очень суровы, и можно заподозрить, что в действительности они не слишком рассчитывали друг на друга.

Военные действия были вялыми и не могли отвлечь ум Велизария от других проблем. Найдя Нисибис слишком хорошо укрепленным, стратег решил потренировать свои войска в искусстве осады на другой крепости — Сизавране. Занимаясь тренировочной осадой, Велизарий послал Гарита с его сарацинами и небольшой отряд римлян в кавалерийский рейд по Ассирии. Гарит ушел, и с тех пор его больше не видели. Это сильно встревожило Велизария. Мало этого, готы и вандалы очень плохо переносили месопотамскую жару. Подчиненные Велизарию командиры очень волновались по поводу аль-Мундхира, который в любой момент мог нанести коварный удар. Когда Велизарий, будучи не в силах взять Сизавран штурмом, уговорил его гарнизон сдаться, всеобщее мнение в войсках складывалось в пользу немедленного возвращения домой. В разгар этих событий в армию прибыла Антонина. Она была изумлена тем, что ее арестовали по приказу ее разъяренного мужа и заключили под стражу. У нас нет записи ее слов по этому поводу, но не надо иметь сильное воображение, чтобы представить себе, что именно она говорила.

Когда войско вернулось на римскую территорию, открылась правда о Гарите. Этот арабский мерзавец, не желая делить свою добычу с остальным войском, убедил своих римских товарищей вернуться домой другим путем. Велизарий не смог его перехватить, и армия, осаждавшая Сизавран, оказалась обделенной трофейными деньгами.

Х

Велизарий, держа под стражей разгневанную Антонину, не знал, что с ней делать дальше. Прокопий в своих историях намекает на то, что некоторые предлагали Велизарию покончить с ней, но если это и так, то его восприятие этих предложений исключает дальнейшие спекуляции на эту тему. Его затруднительное положение объясняется просто: он любил Антонину. Те, кому она не нравилась, настолько не верили этому естественному объяснению, что в ход пошли разговоры о чарах, которые она навела на несчастного Велизария. Но кто из нас может понять природу чар, которыми одни люди околдовывают других?

Если здесь проблема повисла в воздухе, то в других местах ее принялись энергично решать. Пока Велизарий мучительно раздумывал, как ему поступить с Антониной, Фотий выехал в Эфес, прихватив с собой слугу Антонины Каллигона. Периодически избивая его кнутом на остановках в пути, Фотий заставил его сделать некие «признания», которые, к несчастью, не сохранились до нашего времени. Однако Каллигон был, вероятно, в достаточной степени светским человеком, чтобы знать, что добытые таким путем сведения ничего не стоят, поскольку не соответствуют действительности. Фотий упрямо выколачивал показания из Каллигона, не зная, что скоро они будут никому не нужны.

Друзья Антонины тоже не сидели сложа руки. Гонец, посланный в Эфес, вовремя предупредил Феодосия, который сразу нашел убежище в церкви Святого Апостола Иоанна. Там он мог чувствовать себя в безопасности. Но Фотию удалось уговорить эфесского епископа (Прокопий утверждает, что подкупить) выдать ему беглеца. Пока происходили эти события, в Константинополь прибыл еще один гонец просить помощи у императрицы Феодоры.

После вмешательства императрицы положение Антонины стало более надежным: стоило ей воззвать, как Феодора использовала всю свою силу, чтобы помочь ей. Велизарий, который так и не пришел к окончательному выводу, был вызван на высочайшую аудиенцию в Константинополь вместе с супругой. Такой же вызов получил и Фотий. Это была вежливая

форма помещения под арест. За неподчинением неизбежно последовал бы настоящий арест и заключение под стражу со всеми вытекающими последствиями. Но прежде чем тяжелая длань императрицы опустилась на голову Фотия, он успел заставить Феодосия тайно покинуть Эфес. А Каллигон явился в Константинополь вместе с Фотием.

Вместе с Велизарием и Фотием были подвергнуты аресту большое число их друзей и сподвижников, причем их арестовывали в полном смысле этого слова. Вежливое обращение распространялось только на главных фигурантов этого дела. Велизарию предложили извиниться перед женой за безобразное поведение. Если извинения прозвучали несколько натянуто, то это оттого, что Антонина выразила свое мнение о муже в форме, задевшей его самые сокровенные чувства.

Теперь следовало отыскать Феодосия и Каллигона. Неудача в этом деле не была воспринята Феодорой как окончательное поражение. Она хотела получить все необходимые ей сведения, и она решила их получить. Для того чтобы развязать языки подчиненных Фотия, палачи пустили в ход кнут. Некоторые из этих слуг исчезли без следа, другие изгнаны, шепчет нам в ухо Прокопий. Сам Фотий оказался твердым орешком. Хотя его били более деликатно — не кнутом, а палками, он отказался что-либо выдать.³⁷

К счастью для Фотия, дело не дошло до более серьезных средств воздействия, так как соглядатаи императрицы отыскивали в далекой Киликии Феодосия, где его держали под арестом воины Фотия. Подчиняясь магии императорской воли Феодоры и ее организаторских способностей, эти люди быстро отправили Феодосия в Константинополь — накормленного, вымытого, одетого, причесанного и помещенного в самые роскошные апартаменты. Императрица послала за Антониной. Историк дает нам возможность последовать за Антониной в общество чудесной маленькой гречанки, и мы почти физически ощущаем аромат ее духов, слышим шелест шелкового платья, видим ее длинные ресницы и внимаем ее тихому вкрадчивому голосу.

Она сказала:

— Дражайшая госпожа, вчера я получила жемчужину, подобной которой я не видела никогда в жизни. Если вы хотите взглянуть на нее, то я вам охотно ее покажу.

Антонина была очарована таким обхождением.

Феодора вышла в боковую комнату и вернулась, ведя за руку чисто вымытого и сияющего Феодосия.

XI

Антонина была просто обязана под критическим оком другой, еще лучшей актрисы закончить свою комедию «Как я обманывала мужа» блестящей финальной сценой. Историк рассказывает нам, что она проделала это хорошо. Прижатые к груди молитвенно сложенные ладони, крики благодарности, ее нежные восклицания, обращенные к спасительнице, благодетельнице и госпоже, были восприняты Феодорой как вполне натуральные. Это был самый приятный эпизод комедии. Однако наибольшую заботу о Феодосии проявила все же не Антонина, а сама императрица. Феодора держала его при себе некоторое время, как прирученное милое домашнее животное. Ее маленькая пташка,³⁸ однако, протянула недолго. Вскоре он умер от дизентерии, вероятно заразившись ею в киликийских «замках», где его содержали под арестом.

³⁷ Прокопий утверждает, что он не выдал Велизария. Очень сложно сказать, что именно мог сказать Фотий о Велизарию. Вероятно, клятвы, которые они дали друг другу, были настолько серьезны, что Феодора опасалась, что за ними может скрываться какой-то заговор.

³⁸ Феодора в шутку говорила, что назначит его главнокомандующим всеми римскими армиями. Это было сказано, чтобы подразнить Велизария, хотя некоторые современные историки приняли эту шутку вполне серьезно!

Что касается Фотия, то к нему судьба оказалась менее благосклонной. Он три года просидел в тюрьме, и его заключение нельзя было назвать роскошным, потому что Феодора не платила за его содержание по вполне понятным политическим мотивам.

Трижды он бежал из тюрьмы. В первый раз он нашел убежище в церкви Феотока. Его увели оттуда силой. Во второй раз он попытал счастья в Святой Софии. Миньоны Феодоры, к вящему неудовольствию потрясенного таким святотатством клира и народа, не сочли нужным соблюдать приличия и, ворвавшись в собор, увели нужного им человека. Никто не посмел вмешаться. В третий раз произошли некоторые любопытные события. Во сне Фотию явился пророк Захария и дал обещание помочь бежать. В какой форме должна была проявиться помощь, история не упоминает, но сам Фотий счел обещание настолько надежным, что действительно бежал в третий раз и даже сумел добраться до Иерусалима. Там он принял постриг и стал монахом. Он оставался в Иерусалиме в целостности и сохранности до самой смерти Юстиниана и Феодоры. Те сведения, которые сохранились об этом последнем периоде его жизни, рисуют Фотия не слишком приятным человеком.

История трех побегов Фотия из тюрьмы указывает на то, что у него были могущественные друзья, чьи деньги и влияние могли преодолеть препоны, выставленные самой Феодорой. Их верность не осталась без награды. Если бы мы знали их имена, то смогли бы нарисовать более полную картину попыток уничтожить Антонину и Велизария.

Прокопий замечает, что Велизарий не делал никаких попыток соблюсти верность данным Фотию клятвам. Следовательно, он не был в числе этих преданных друзей. Историк полагал, что такое клятвопреступление стало главной причиной того, что во второй половине жизни Велизария начали преследовать неудачи и беды. Однако, как мы увидим, этому невезению существуют другие объяснения, которые кажутся более понятными современному уму. Для того чтобы окончательно прояснить обсуждаемый предмет, стоит заметить, что после описываемых событий Велизарий не мог питать нежных чувств к Феодоре. Возможно, он был не прав в своих поступках и заблуждался в своих воззрениях и лишь постепенно, шаг за шагом, сумел вернуть себе нормальное расположение духа и смог снова управлять своими чувствами.

XII

Можно сказать, что Велизариию помогла сама судьба. С востока пришла тревожная весть, теперь Велизарий действительно был нужен в Сирии. Хосру планировал новый поход, нацеленный на этот раз на Иерусалим.³⁹ На западный берег Евфрата перешла огромная армия. Местные войска не могли противостоять ей в открытом поле. Единственное, что им оставалось, — это запереться в крепостях и ждать решения своей участи.

Однако не было никакой неизбежности в повторении судьбы Антиохии. Как много может сделать один человек, мы уже неоднократно видели на примере действий Велизария. Он прискакал из Константинополя в Сирию без армии, имея только то, что нашел на месте, и приступил к активным военным действиям. Сразу после прибытия он получил письмо из Гиерополя, где у Юста (племянника императора), Боуза и других командиров были объединенные силы. Они приглашали Велизария присоединиться к ним, потому что Хосру стремительно наступает и цель перса не вполне ясна.

Велизарий почувствовал, что в этом письме содержится больше заинтересованности в целях Хосру, чем в его собственных. Он расположил свой штаб в Европе на Евфрате и приказал всем наличным войскам собраться там. Отправил он письмо и в Гиерополь; в письме он указывал, что если Хосру не собирается нападать на земли императора, то оборона Гиерополя разумна и оправданна; но, если Хосру предпочтет атаковать, под угрозой

³⁹ Завоевание персами Египта (что, как показали прошедшие века, было вполне достижимо) давало в их руки контроль над торговыми путями в Красном море, ведущими в Эфиопию и Индию.

окажутся провинции Юстиниана, и их долг сражаться, а не отсиживаться за стенами крепости, спасая свои шкуры. В заключение письма он приказал им явиться в Европу на место сбора. Оставив в городе гарнизон под началом Юста, они явились.

Царя царей впечатлило то, что ему противостоял на этот раз знаменитый покоритель готов и вандалов. Ему захотелось побольше разузнать о противнике, с которым раньше не приходилось встречаться на поле боя. Он послал в лагерь римлян своего доверенного секретаря Абанданеса, чтобы тот разузнал больше подробностей о Велизарии. Повод для встречи был найден без особого труда.

Велизарий прекрасно понял, почему персы обратились к нему с такой странной просьбой. Хрестоматийный спектакль, который он блистательно разыграл перед парламентариями персов, можно было назвать «Безупречный командующий и его идеальная армия». На Абанданеса этот спектакль произвел неизгладимое впечатление. В его донесении содержалось благоприятное описание Велизария и его войска, одновременно подчеркивались невыгоды персидских позиций. Предположим, писал Абанданес, что царь царей победит, но это будет победа всего лишь над слугой Юстиниана; если же царь царей потерпит поражение, то какой урон нанесет оно его достоинству! Более того, у римлян есть крепости, в которых они могут укрыться в случае поражения в открытом поле; если же поражение потерпят персы, то они не смогут даже послать в Персию гонца с этим печальным сообщением. Эти аргументы убедили Хосру, и он решил отступить.

Трудность заключалась в выборе верного пути отступления. После некоторых размышлений он решил перейти реку и направиться на восток. Велизарий понимал, что с такими малыми силами, какие находились в его распоряжении, он не сможет воспрепятствовать Хосру делать то, что тот посчитает нужным. Но сам факт, что он сумел отпугнуть великую армию, стоил дорогого. Поэтому Велизарий не стал предпринимать активных действий, видя, как персы переправляются через Евфрат и уходят на восток. Напротив, он представил дело так, словно он великодушно дает персам уйти, соблюдая порядок и сохранив воинскую честь.

Хосру, оказавшись на противоположном берегу Евфрата, отправил Велизарию послание, в котором обращал внимание на дружественный характер своих действий, отметив, что ожидает от Велизария мирное посольство. Велизарий перекрестился и направил персу ответ, в котором горячо благодарил за дружественный жест и клятвенно обещал, что послы скоро придут в персидский лагерь. Он попросил Хосру отнестись к территориям, по которым ему предстояло пройти, как к дружественной стране. Хосру пообещал — в случае, если получит в заложники Иоанна, сына Василия Эдесского (хотя, как утверждают историки, на этом настаивали персидские военачальники вопреки желанию самого Хосру). Все эти события прославили Велизария больше, чем победы над Гейламиром или Витигисом, ибо сейчас, несмотря на все недостатки своего положения, он сумел заставить без боя отступить армию, намного превосходящую по силе его собственную.

Царь царей осадил и взял Каллиник до прибытия заложника, но после этого Хосру отступил в свои пределы, не совершая более никаких военных действий.

XIII

Однако, кроме причины, изложенной греческим историком, была и другая причина, которая могла заставить Хосру отступить без боя. В то лето в Пелузии разразилась эпидемия чумы, и, вероятно, Хосру получил известие о ней еще до начала наступления.

Пелузий находится в Египте, и заразу туда могли завезти на торговых кораблях, шедших из Индии. Чума распространялась. На западе и юге она достигла Александрии, потом проникла в Нубию и Эфиопию. Но самым опустошительным оказалось ее распространение на восток в Палестину, а из Палестины в Сирию. Случаи чумы наблюдали в Константинополе. Зимой распространение болезни замедлилось. Отступление Хосру было не чем иным, как проявлением мудрости. Он вовремя покинул Сирию.

Все складывалось против Юстиниана: войны, землетрясения и кометы, но сейчас империи грозил куда более страшный враг. Весной чума с новой силой возобновила свое стремительное и смертоносное наступление. В середине весны она пришла в Константинополь. Убийственным вихрем прошла она по Малой Азии, Армении и Месопотамии. Несмотря на все меры предосторожности, предпринятые Хосру, проникла болезнь и на персидскую территорию. На западе она достигла Африки, пришла в Италию и, преодолев Альпы, вторглась в Галлию. Люди могли убежать от землетрясения и войны, могли закрыть глаза, чтобы не видеть устрашающей хвостатой звезды, но они были бессильны перед чумой, она преследовала их семимильными шагами и умерщвляла людей, как ослепший циклоп, который убивал, сам не зная, что убивает.

Глава 10 РАЗРУШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА. ДЕЯНИЯ ФЕОДОРЫ

I

О первом приближении ужаса к Константинополю возвестили призраки, но не те одинокие домашние духи, от которых хозяева и их домочадцы с успехом прячутся под одеялами, а страшные посланцы бездны, такие же неизвестные и устрашающие, как дикие обитатели степей гунны. Те, кто пережил встречу с призраками, утверждали, что призрак бил свою жертву, и на месте удара появлялся смертельный знак чумы — припухший бубон... Некоторые из этих людей умирали и, умирая, бредили о чудесах и странных знамениях, от которых стыла в жилах кровь у тех, кто за ними ухаживал. Некоторые впадали в сон, больше похожий на забытье, и умирали, не просыпаясь. Если за такими больными ухаживали и кормили их, то они ели, не просыпаясь, если же нет, то они умирали во сне от истощения... Вообще говоря, христианин всегда вооружен перед лицом сверхъестественных знамений. Но те, кто пытался при виде призрака защититься именем Божиим, обнаруживали, что это оружие отказывалось действовать. Несчастные пытались бежать в церкви, но не находили защиты и там. Причину появления призраков объяснили обычные рядовые врачи, которые, повинаясь врачебному долгу, исследовали природу страшных видений. Никаких призраков в действительности не было. То были наваждения, посещавшие уже заболевших людей. Призраки бродили не по улицам Константинополя, но в умах людей, которых они поражали. Даже во сне являлись духи обреченным, предупреждая их своим железным прикосновением.

Если кто-то воображал, что, не увидев призрака, не заболеет, тот вскоре избавлялся от этого заблуждения. У большей части пациентов болезнь начиналась без всяких предвестников с легкой лихорадки, которая казалась слишком пустяковой для того, чтобы от нее умереть. Но через день-два к лихорадке присоединялись вспухшие бубоны, и это был уже роковой знак чумы.⁴⁰

II

Вначале случаи заболевания были не слишком многочисленны, и показатели

⁴⁰ Свидетельства историков, описывавших великие эпидемии чумы в прошлом, дают различающуюся в некоторых деталях картину. Но однако, во всех случаях речь идет об одном и том же заболевании с разновидностями. Эта болезнь не была заразной в обычном смысле этого слова, но распространялась укусами блох, насосавшихся крови черных крыс. Чума в Европе прекратилась благодаря тому, что рыжие крысы уничтожили черных, а не вследствие санитарных мероприятий, необходимость которых была осознана много позже. (См. Белл. «Великая лондонская чума».)

смертности в Константинополе едва ли превышали нормальный уровень. Потом случаи участились, смертность начала стремительно нарастать и достигла устойчивого ужасающего пика: леденящего душу количества заболевающих и умирающих, которое составляет самую страшную черту всех великих эпидемий чумы. Всего чума свирепствовала четыре месяца. В течение трех из них она бушевала с особенной яростью. На какой-то неизвестный нам период (вероятно, на две или три недели) эпидемия достигла своего апогея.⁴¹ Молчаливый, невидимый и неосязаемый враг косил людей сотнями и тысячами. Это была непреодолимая сила, наполнившая Константинополь трупами и страхом... Не было войны, которая поражала бы людей такой неотвратимой и ужасной смертью. Было только одно мрачное обстоятельство, сближавшее эпидемию с войной: нельзя было предугадать, кто погибнет, а кто останется в живых.

Константинополь пережил это испытание так же, как и другие города, перенесшие подобную трагедию. Столетия спустя в Западной Европе черная смерть повергла людей в отчаяние и заставила остро наслаждаться моментом, который всегда мог оказаться последним. Тем не менее, тот же страх толпами сгонял людей в церкви, за тот период на праведный путь встали тысячи константинопольских грешников, по крайней мере на какое-то время. В то время, когда всюду царил хаос и остановился нормальный ход обыденной жизни, измученные родственники продолжали ухаживать за своими находившимися в беспомощности больными, кормя тех, кто утратил сознание и впал в глубокий сон, напоминая смерть. Суровые мужчины, имен которых мы никогда не узнаем, забывая телеги трупами умерших, свозили их к берегу моря, рыли огромные братские могилы и плотно трамбовали землю над зарытыми телами. Богатые и состоятельные люди умирали покинутыми, немощными и голодными, поскольку часто их домочадцы вымирали все до единого. Рабы, обрета нежданную и не нужную им свободу, бродили по городу; не было ни управляющих, которые раздавали им еду, ни хозяев, которые за нее платили, ибо умирали и те и другие. Торговля в городе замерла. Добывание средств к пропитанию превратилось в серьезную проблему, и не только для бедняков. Многие дома были заперты, иногда по той простой причине, что все их обитатели умерли. Иногда дома запирали испуганные обитатели, надеявшиеся отсидеться от эпидемии за плотно закрытыми дверями. Напрасны были все предосторожности. Чума проникала сквозь запертые двери и закрытые окна и поражала живших за ними. С другой стороны, вскоре обнаружилось, что врачи могут без всякого страха работать в самой гуще больных; люди, рывшие могилы и хоронившие мертвых, тоже могли не бояться заражения. Совершенно ясно, что чума не заразна. Она не передается от человека к человеку.

Самым тревожным и деморализующим свойством чумы была ее очевидная иррациональность. Медицинская наука тех времен, а она была далеко не так плоха, как нам теперь представляется, была поставлена в тупик. Нельзя было положиться ни на один из тогдашних методов лечения; все предсказания относительно эпидемии оказались ложными. Врачи были не в состоянии отнести чуму ни к одному известному роду болезней. Попытки понять причину и природу болезни оказались бесплодными. Очевидным представлялось только одно. Если бубон нагнаивался и вскрывался, то больной выздоравливал. Но этот процесс нельзя было ни ускорить, ни контролировать. Ничто в этой болезни не поддавалось воздействию. Все, что можно было сделать, — положиться на веру, здравый смысл и ждать, когда напасть минует, если ей суждено было миновать. Единственное, что можно было

⁴¹ Смертность достигала 5000, 10 000 или даже более случаев в день. Иоанн Эфесский дает цифру от 12 000 до 16 000 в день. Если принять, что число умерших составляло 5000 человек в день в течение трех месяцев, то за три месяца умерли 450 000 человек. Это очень сомнительные данные, которые нуждаются в коррекции. Видимо, такое число умерших за день относилось к периоду в несколько дней на пике эпидемии. Власти стремились собрать точные сведения о масштабах эпидемии, хотя, как утверждает Прокопий, это было не всегда возможно. Дж. Б. Бэри в «Истории поздней Римской империи» полагает, что за время чумы в Константинополе умерло около 300 000 человек.

сказать с уверенностью: от такой болезни может погибнуть весь род людской. Если болезнь будет свирепствовать еще хотя бы год, то волны моря будут биться о берега безлюдного мира, а ветер станет завывать над крышами навсегда опустевших домов.

III

Правда, у Константинополя было и одно преимущество. Город не был брошен на произвол судьбы. С самого начала, как только стало ясно, что надвигается катастрофа, Юстиниан назначил одного из своих личных секретарей ответственным за все связанные с эпидемией мероприятия, включая финансовое обеспечение и военную поддержку. В составе императорской гвардии был сформирован санитарный корпус под командой Феодора, ему были вменены обязанности, которые не могли выполнять частные лица. Тем домам, которые были в состоянии это делать, было оставлено право ухаживать за заболевшими членами семейств и погребать своих мертвых. Но по мере того, как эпидемия разрослась и достигла своего пика, все усилия частных лиц становились недостаточными и напрасными. Кладбища были заполнены до отказа. Их расширяли, но этого было мало. Люди могли делать только одно — свозить мертвецов на берег моря и оставлять их там.

Гвардейцы, вероятно, с помощью безработных людей, которые были рады заработать немного денег на пропитание, подбирали мертвецов на сотнях улиц Константинополя и в затихших домах, в которых приходилось взламывать двери, чтобы войти внутрь и обнаружить там одни трупы или трупы и испуганных, бледных обитателей, которым пришельцы, вероятно, казались демонами чумы. На набережной трупы складывали и пересчитывали, грузили на баржи и перевозили через бухту Золотой Рог в Галат. Здесь рыли огромные братские могилы. Мертвых было так много, что временами емкость рвов оказывалась недостаточной, и тогда покойников сбрасывали в высокие башни галатских укреплений и оставляли там. Когда ветер дул с востока, об этом по запаху сразу узнавал весь город. Мы не знаем, сколько времени смертность держалась на таком ужасающе высоком уровне. Не сохранилось никаких письменных свидетельств ни о том, когда она начала уменьшаться, ни о скорости ее снижения. Вероятно, в конце эпидемии заболел и сам Юстиниан, который какое-то время находился между жизнью и смертью.⁴²

Чума опустошительной волной прокатилась по всему Востоку, на какое-то время положив конец войне. Болезнь поразила персидское войско, и Хосру отступил в Ассирию, которая в тот момент была почти свободна от чумы. Пошли даже разговоры о заключении мира, которые не были поддержаны Юстинианом. Новость о болезни императора застала римское войско в Сирии. У армии оказалось много свободного времени, и командиры не могли ничего поделать. Праздным людям свойственно болтать.

Совершенно произвольно мысли людей обратились к интересному вопросу. Предположим, Юстиниан умрет. Что в таком случае будет с Феодорой? Их партнерство было настолько тесным, что после смерти одного из них второму не останется ничего иного, как покорно уйти в тень политического небытия. Проблема заключалась в деньгах Феодоры. Она контролировала очень большие суммы, которые ради ее безопасности передал ей Юстиниан. Пока у императрицы были деньги, сместить ее было очень трудной задачей. Эти деньги обеспечивали Феодоре независимость, которая сильно затруднила бы положение любого преемника Юстиниана. Тем не менее, традиция не предусматривала правления женщины в качестве императора. Если бы Юстиниан умер, наследовать его трон, без сомнения, должен был только мужчина. В то же время было маловероятно, что женщина,

⁴² Феодора, очевидно, не болела чумой. Если допустить, что болезнь передавалась укусами блох, то тщательный туалет императрицы был более действенной защитой от заразы, чем бронированная плита. Вообще, было замечено, что во время эпидемий, подобных константинопольской, мужчины заболевали чаще, чем женщины. (Бэри, «История поздней Римской империи», где он цитирует Агафия). Горькое замечание Прокопия о том, что худшие люди заболевают реже, вероятно, отражает этот факт.

обладавшая такой энергией, властью и хваткой, как Феодора, уступит свое место без борьбы. Было вполне вероятно, что она постарается добиться ратификации своего титула в Константинополе или добиться продолжения своего правления под любым другим титулом по ее выбору.

Большинство военачальников придерживалось старомодного взгляда на женщину. Что делать, они жили и воспитывались очень близко от Азии.

Неизвестно, кто именно произнес приведенные ниже слова, но один из военачальников сказал буквально следующее: «Я откажусь признать любого из тех, кого навяжет нам Константинополь».

IV

Действительно, для Феодоры, которая день за днем и час за часом ждала дурных известий о состоянии Юстиниана, это без преувеличения был вопрос жизни и смерти. Маловероятно, что ее занимали философские вопросы о месте женщины в обществе. Сталь ранит, а цикута убивает и мужчин и женщин; и те и другие в равной степени могут пользоваться силой и мужеством для самозащиты. Мы можем не сомневаться в том, что, ожидая новостей, которые могли решить ее будущее, Феодора была готова до конца использовать любое оружие, чтобы защитить себя и мужа или, если так сложатся обстоятельства, только себя.

Юстиниан выжил. Возможно, в этом сыграли свою роль его умеренность и трезвость. Как бы то ни было, чумной бубон нагноился и вскрылся; смертельный яд вытек из организма, и больной начал поправляться.

Когда эта новость достигла Сирии, воинские начальники стали вспоминать сказанные ими ранее слова с неприятным чувством возможных последствий. Некоторые поспешили атаковать неприятеля, отличиться в битве и доложить наверх о своем героизме. До полного выздоровления Юстиниана государством продолжала управлять Феодора. Она вызвала их всех в Константинополь. Когда они прибыли, Боуз исчез. Никто не знал, что с ним случилось, и никто не осмелился об этом спросить. Против Велизария не были выдвинуты обвинения, но его сместили с поста командующего, лишили права иметь собственную дружину и фактически посадили под домашний арест. Это означало, что его не имеют права посещать друзья. Командование сирийской армией было передано Мартину.

Естественным исходом этих суровых мер явилось то, что Велизарий (который был не слишком доволен поведением Феодоры) высказал свои обвинения, а Боуз их подтвердил. Юстиниан и Феодора были слишком многим обязаны Велизарию и знали о его безоговорочной верности, поэтому не применили к нему более строгих мер.

Прошло два года и четыре месяца, прежде чем Боуз, жмурясь от яркого света, появился в знакомых местах среди некогда знавших его людей. Все это время он провел в заключении, сидя в темной одиночной камере в подвале дворца Феодоры в Хормидасе, не отличая дня от ночи и не слыша человеческого голоса, с ним не общались даже тюремщики... До нас не дошли сведения о том, от чего он отрекся, какие дал гарантии, к какому соглашению пришли они с Феодорой, но факт остается фактом: Боуз был освобожден и восстановлен в прежних правах. Он получил свой урок, и, хотя этот урок оказался достаточно суровым, были люди, которым пришлось пережить гораздо худшее.

Судьба Боуза была интересна только самому Боузу; вероятно, она не имела значения ни для кого другого. С Велизарием все обстояло по-иному. Лишение его права содержать дружину выставило на продажу массу вооруженных воинов, силой которых были покорены Африка и Италия. Такое редко случается в истории. За обладание этой немалой силой началась жестокая конкуренция. Для того чтобы соблюсти честность в этой игре, воины были разделены на партии, которые были распределены между разными военачальниками и, как пишет по этому поводу Прокопий, «некоторыми придворными евнухами», под которыми он, вероятно, подразумевает Нарсеса. Мало этого, был наложен арест и на личные сокровища

Велизария, так что отныне он не мог содержать дружину, даже если бы получил на это официальное разрешение.

Мало было в истории Константинополя событий, которые бы в такой степени потрясли воображение обывателей, как падение Велизария. Видимый эффект от этого падения был бы гораздо большим, если бы ему не предшествовал такой вселенский катаклизм, как великая эпидемия чумы. После такого потрясения люди не имели ни малейшей склонности обращать внимание на несчастья других и жалели только самих себя. Однако то, что случилось с Велизарием, эхом отразилось в исторических хрониках и даже прозвучало отголоском в современной английской поэзии.

Люди, недоумевая и поражаясь, смотрели на Велизария, который больше не был богат, больше не был велик, которого не сопровождала многочисленная свита. Теперь это был одинокий унылый человек, погруженный в свои мысли и боящийся теней, в которых ему все время мерещились кинжалы наемных убийц.

V

Но где же справедливость? Где право? Давайте не будем спешить с выводами! Для такого обращения с Велизарием были не только очевидные, бывшие на поверхности причины. Нет, они оказались намного глубже и сложнее. Велизарий сам начал этот процесс, когда торпедировал заключение итальянского договора с готами, последствия этого опрометчивого шага стали отчетливо видны только теперь. Он поспешил с выводами, доверяя Фотию больше, чем своей жене. Он сам виноват в том, что был недоволен Феодорой, которая заставила его помириться с Антониной. Примирение оказалось пустым звуком. Теперь недовольство Велизария достигло такой степени, что он был готов развязать гражданскую войну. В том, что последовал ответный удар императрицы, который сломал ему шею, Велизарий должен был винить только самого себя.

Феодора (и это знали все) была не из тех людей, которые медлят или колеблются при таких угрозах, какую в данном случае представлял собой Велизарий. Императрица обрушила на него молниеносный удар с той стремительностью, какой от нее вполне можно было ожидать. Так скажите, ради всего святого, чего иного мог ожидать Велизарий? Он обладал одной примечательной слабостью — слишком жалел себя, жалел страстно, как трагедийный актер. Феодора не испытывала подобной жалости, она воспитывалась на комической сцене.

В том, как повела себя Феодора по отношению к Велизарию, была определенная тонкость. Доведя дело до некоей крайности, она начала постепенно возвращать положение полководца к исходному. Зря он настороженно озирался, ожидая каждую минуту удара в спину. Никто не собирался доводить дело до столь серьезного конца. Напомним, он имел дело с комедианткой. Она заставляла его переживать и мучиться до тех пор, пока он сам не довел себя до полного отчаяния. Он понял, наконец, страшную правду. Он потерял все! Он, который был вторым человеком в империи! Все ушло безвозвратно — богатство, власть, слава, всеобщее преклонение.

Он, как обычно, появлялся при дворе. Какая разница между прежним Велизарием, окруженным блестящей свитой, и нынешним, которого сопровождала дюжина дешевых наемных слуг. Сцена была поставлена специально для него, хотя сам Велизарий этого не понимал. Он не находил ничего забавного и комичного в холодном отношении императора и императрицы (бедняга!) и в насмешках, которыми его осыпали придворные лизоблюды. Вечерами он возвращался домой, ничего не добившись и ни на что не надеясь, пугливо озираясь на каждом углу, вздрагивая от воображаемых опасностей, хотя в действительности ему ничто не угрожало. Придя в дом, он садился на ложе и, совершенно упав духом, обхватывал голову руками. Его преследовало ощущение, что все кончено.

Периодически появлялась Антонина. Очевидно, в тот период супруги едва поддерживали отношения, и Прокопий недвусмысленно намекает на то, что Антонина не имела отношения к этим событиям. Феодора одна ставила комедию под названием

«Всепрощающая супруга».

После захода солнца у дверей дома Велизария неожиданно появляется дворцовый стражник по имени Квадрат. Незамеченным (потому что ворота уже не охраняются так тщательно, как раньше) проходит он по двору и объявляет Велизарию, что принес ему письмо от императрицы.

Это была последняя соломинка, сломавшая спину верблюда. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Удовлетворенный тем, что он получил свой смертный приговор, Велизарий улегся на ложе и принял пристойную позу.

Однако Квадрат продолжал стоять у двери с письмом в руке, и Велизарий прозаично встал, взял свиток и прочитал письмо. Это было совсем не то, чего он ожидал.

Если верить Прокопию, в письме было написано следующее: «Тебе небезызвестны, сиятельный, все твои преступления против меня; но я в таком большом долгу перед твоей супругой, что ради нее изменила свои намерения и решила простить тебя. Я дарю ей твою жизнь. Можешь впредь не тревожиться за свою жизнь и будущее; своим поведением ты сможешь доказать, что на деле являешься достойным мужем».

Велизарий жил в такой стране и принадлежал такой эпохе, когда изъяснения чувств были более демонстративными и картинными, нежели в наше время. Его реакция была такой взволнованной и радостной, что он простерся ниц перед Антониной, обнял ее колени, покрыл их иступленными поцелуями, объявив, что она его спасительница, коей он обязан всем, и отныне он станет ей не только верным супругом, но и преданным рабом.

Очень жаль, но мы не знаем, что ответила на эти излияния Антонина.

VI

Теперь Велизарий понял, как надо правильно относиться к Феодоре, и был весьма благодарен ей за ее добрую волю в примирении его с Антониной. Теперь ему осталось только одно — замолить свои остальные грехи, разумно оценив положение в Италии. К сожалению, это оказалось не простым делом.

Реабилитация Велизария была не полной. Его состояние не было восстановлено в прежнем объеме. Император удержал себе одну треть. Велизарию были возвращены шесть

тысяч фунтов золота в слитках, но и этого количества золота было достаточно, чтобы лишить сна и покоя человека, обладающего им. Кроме того, он связал себя с императорской семьей, обручив свою единственную дочь и наследницу Иоаннину с Анастасием, внуком императрицы Феодоры.

Мы лишены возможности узнать, насколько отчетливо понимала Феодора стоявшие перед ней проблемы. Мы знаем, что она не была восторженной поклонницей восстановления мировой империи. Феодора придерживалась точки зрения (как мы уже видели), что восстановление империи должно касаться только ее четко очерченной восточной части. Таким образом, императрицу не слишком сильно занимали последствия действий Велизария в Италии. Упразднение его комитата было событием огромной исторической важности. Именно дружина Велизария обеспечила победоносный исход войны с Кобадом, подавление восстания «Ника», свержение Гейламира, истощение сил Витигиса и запугивание Хосру. Тщательно подобранный личный состав, спаянный многими годами совместной службы, связанный со своим предводителем добрыми отношениями, был ядром имперского войска. Только женщина могла подумать, что те же люди, рассеянные по десяткам других воинских подразделений, были способны сохранить свою прежнюю боеспособность. То была катастрофическая ошибка Феодоры. Сила комитата состояла в его единстве, его спаянности. Все их подвиги стали возможны только благодаря такому единству, а не простому сложению сил отдельных воинов. Вероятно, это в полной мере не понимала даже Антонина. Объяснения и выкладки Велизария не оказывали никакого воздействия на слушателей, которые не понимали истинной ценности того, что он им говорил. Кроме того, для него было небезопасно говорить многое. Он и так легко вышел из тяжелого положения, в каком оказался по собственной вине.

Но нам не стоит забывать и об оборотной стороне медали. На все объяснения Феодора могла ответить, что ни один подданный не имеет права обладать силой, превосходящей силу своего сюзерена. Если Велизарий заявляет свои права на то, чтобы такую силу иметь, значит, он автоматически претендует на суверенитет. В действительности же Велизарий, имея в руках такую силу, использовал ее разрушительную мощь только по воле своего императора. Но он неосмотрительно пригрозил употребить свою дружину против нового сюзерена, если тот не вызовет его, Велизария, одобрения. Если такие поступки не спорны, то что можно назвать спорным поступком? Если даже Велизарий не хотел причинять империи никакого вреда, то тем более он был опасен. Феодора могла изыскать подходящий случай, чтобы утверждать, что гораздо важнее обеспечить безопасность власти императора и поддержать внутреннюю силу правящей власти, чем покорить Италию. Одно было исключительно важно для выживания государства, другое носило чисто случайный характер.

Практически не важно, кто был прав в этом споре — Велизарий или Феодора. В любом случае за ней оставалось решающее слово. Она принимала решения, и мы скоро увидим, что из них вышло.

VII

Хотя примирение между Антониной и Велизарием совершилось при весьма неловких обстоятельствах, оно было искренним и полным. В дальнейшем их отношения никогда более не нарушались. Они снова были едины. Однако восстановление их добрых отношений и доверия между ними привело к нескольким важным результатам. Именно в это время распадается союз между Прокопием и Велизарием.⁴³ Когда несколько лет спустя историк начал писать скандальные главы своей «Тайной истории», он выдал причину. Прокопий был

⁴³ Так, во всяком случае, полагает доктор Ходжкин в работе «Италия и ее завоеватели». Это утверждение ни в коем случае нельзя считать достоверным, но его можно считать вполне вероятным, поскольку именно охлаждением Велизария к Прокопию (или наоборот) можно объяснить трудности, с которыми связано наше дальнейшее повествование.

и до конца оставался противником Антонины и Феодоры. Он был ревностным сторонником Фотия и одним из тех, кто настраивал Велизария против его жены. Фотий исчез. Теперь от Велизария отвернулся и Прокопий. Он отошел в сторону, мысленно горько обвиняя великого воина в удалении Фотия, охваченный яростью по отношению к Антонине.⁴⁴

Велизарий не стал терять время даром и заявил свои права на командование. Антонина и слышать не хотела о персидской границе: слишком свежи были в ее памяти неприятные события, которые там с ними произошли. Было решено, что Велизарий отправится в Италию — самое подходящее для него место, во всяком случае с точки зрения Феодоры. Однако Велизарий был отправлен в Италию не как император. Он получил должность коннетабля — *comes stabuli* — и это было понижение по службе на один ранг.

Чума сама по себе послужила настоящей революцией, и в свете события, которое потрясло мир в его основах, Велизарий не так остро переживал свои собственные неприятности. Юстиниан, который медленно поправлялся все летние месяцы, так никогда и не стал тем человеком, каким был до болезни. Былая острота ума исчезла. Тем, кто не видел великих эпидемий чумы, не понять, к каким катастрофическим результатам они приводят. Сотни тысяч смертей, унесших членов семьи, друзей и знакомых, стирают с лица земли знакомый социальный ландшафт. Старых знакомых, к которым так привык взгляд, заменяют совершенно новые люди; но зачастую замены нет; нет вообще ничего, кроме осыпающихся домов и пустых углов; поля засеваются травой или превращаются в пустоши; перестают ходить по морю корабли; не стучат молоты в кузницах. Изменяется даже физический облик земли, когда другими становятся люди, населяющие ее. Возрождающая сила человечества вскоре начинает заполнять опустевший мир содержанием, но этот подвиг требует времени для своего свершения. Проходит много лет до тех пор, когда мир выздоравливает от вспышки вселенской смерти. Но, выздоравливая, мир становится иным. Все дело управления империей испытывало большие затруднения в связи с экономическими потрясениями, вызванными чумой. Все виды человеческой деятельности надо было начинать заново, но ни для одной отрасли это положение не верно настолько, насколько верно для финансов. Система налогообложения пришла в расстройство, и ее едва ли удалось восстановить до конца правления Юстиниана. Состояния колебались, изменялись и исчезали. Нечто подобное происходит с земными пейзажами после землетрясения. Для того чтобы вернуться к прежнему порядку, надо было работать много лет. В результате правительство Юстиниана стало бедным правительством. Недостаток доходов проявлялся горестными воплями налогоплательщиков.

Юстиниан стал очень неохотно тратить деньги. Весь остаток его царствования государственная мудрость диктовала необходимость строжайшей экономии, и, хотя расходы были уменьшены ниже всякого разумного уровня, доходов все равно не хватало на содержание самых необходимых государственных служб.

Поэтому были необходимы особые меры для организации итальянского похода Велизария, который, несмотря ни на что, оставался очень богатым человеком. Постепенно в умах власть имущих созрело понимание того, что командующий должен содержать себя и свое войско. Не было особых причин сомневаться, что такая задача по плечу Велизарию. Предыдущие войны в Африке и Италии кормили себя сами. Инновация заключалась в том, что отныне упразднился государственный финансовый контроль, имперский командующий имел свое независимое казначейство, неподконтрольное правительству.

Поддерживать и пополнять свою казну командующий должен был самостоятельно, на свой страх и риск. Притязания Юстиниана на восстановление мировой державы становились грезами, если предполагалось их воплощение такими методами. Политическое единство и консолидированное политическое правление всегда зиждутся на жестком государственном

⁴⁴ Антонине, в бешенстве замечает Прокопий, было в то время больше шестидесяти! Такой аргумент вызывает резкие возражения. Если пожилой возраст есть преступление, то всех нас надо считать потенциальными преступниками.

финансовом контроле. Предоставление командующему итальянской армией независимых от государства финансовых полномочий могло автоматически привести к созданию независимого итальянского королевства.

В некоторых кругах, так утверждает Прокопий, были уверены, что Велизарий немедленно поднимет знамя независимости, как только окажется на достаточном расстоянии от Константинополя. Возможно, Прокопий писал только о своих ожиданиях. Если так, то ему пришлось разочароваться. Велизарий отнюдь не рассматривал сложившуюся ситуацию как повод к мятежу. Прокопий приписывает такую верность полководца императору огромному влиянию Антонины на мужа.

VIII

Велизарий, несмотря на совершенные им ошибки, оказался мудрее многих своих критиков. Он знал пределы своих возможностей. Он понимал, что он всего лишь военный — специалист, чьи воинские способности не позволяли предположить, что он обладает такими же способностями государственного деятеля. Как правитель он не продержался бы и шести месяцев ни в Константинополе, ни в другом месте. Велизарий никогда не испытывал интереса к делам, которыми должен изо дня в день заниматься правитель, — тем делам, которыми Юстиниан был готов заниматься по шестнадцать часов в сутки. Чтобы понять всю сложность работы императора, Велизариию надо было всего-навсего понаблюдать за развитием событий в Константинополе. Он был не тот человек, который стремился взвалить на свои плечи ношу, которую приходилось ежедневно нести Юстиниану.

Болезнь поразила императора во цвете лет и в зените деятельности. Он выбрался из тьмы долины смерти и увидел, что мир изменился, как предательская поверхность моря. Все стало не таким, как раньше. Хотя теоретически дважды два еще равнялись четырем, Юстиниан на практике не мог получить в результате больше трех с половиной. Хотя в принципе расстояние от Иерихона до Иерусалима равнялось расстоянию от Иерусалима до Иерихона, в действительности сила трения меняла это соотношение. Кроме того, Юстиниан столкнулся с духовным вызовом. Его надежды, его идеалы, его цели могли оказаться (или уже оказались) недостижимыми. Но он не стал от них отказываться.

Сам Юстиниан, хотя и несколько оглушенный и ослабленный, был готов до конца идти по намеченному пути и толкать по нему других. Его крестьянская кровь, будучи упрямой стихией, не позволяла ему задуматься о том, что на свете существует отступление. Время шло, и все яснее становилось, что идти по этой дороге Юстиниану, скорее всего, суждено одному. Круг преданных сподвижников рассеивался.

Об этом Прокопий пишет в своей «Истории». Подданные Юстиниана с благоговением и ужасом взирали на растущую суровость цезаря, понявшего, что его усилия тщетны, но не оставившего свою решимость даже после того, как решимость растаяла в сердцах его подданных. Стражники, дремавшие на своих постах, часто слышали в ночной тишине размеренные шаги, а потом замечали шедшего по дворцу цезаря. Рассказывали, что иногда его видели расхаживающим по ночному дворцу без головы. Юстиниан всегда был человеком, который с трудом мог долго стоять или сидеть в одном положении. Теперь его неутомимость стала вызывать ужас. В народе стала распространяться легенда об императоре-демоне,⁴⁵ который вел себя подобно Филиппу Вандереккену, который шел к своей цели, невзирая на Божью волю.

Прокопий отразил в своих писаниях идеи большей части римского правящего класса, приукрашивая и расцветивая эту тему. Как только аристократы и чиновники осознали

⁴⁵ Прокопий приводит сведения о нескольких случаях, когда императора видели без головы. В одном случае его видели (естественно, не Прокопий) исчезающим, как чеширский кот. Легенда достойна изучения, ибо это один из редких случаев, когда подобная сказка родилась не в устах темных невежественных людей, а вышла из-под пера высокообразованного писателя.

возможную цену, они отшатнулись от политики, которую император решил вести до конца, несмотря на войну, эпидемию, голод, землетрясение и даже возможную гибель всей нации. Во многом они заблуждались, а прав был все-таки император; они были глупы и неспособны, а он был умным и сильным человеком. Но в одном они были абсолютно правы: он начал идти против естественного хода вещей и против хода истории. Нельзя сомневаться в страхе и ненависти, которые охватили людей, от имени которых выступал Прокопий. Эти люди были потрясены его решимостью, напуганы его суровостью, которой он укрепил свое сердце. Государственный муж, отличающийся такой твердостью, работающий ночами напролет и не знающий отдыха, — такой правитель не может быть человеком. Так родилась легенда.

Велизарий не обладал и тенью такого характера. Он не имел притязаний занимать столь высокое кресло или сталкиваться с подобными проблемами, предпочитая более простую жизнь воина.

События, связанные с отзывом, опалой и реабилитацией Велизария, и организация его нового похода продолжались около девяти месяцев. В мае, через год после окончания эпидемии чумы, Велизарий отправился в Далмацию, на этот раз взяв с собой Антонину. Во Фракии он начал собирать свой новый комитат. Он был небольшим, ибо, когда Велизарий прибыл в Салону и соединился с Виталием, военачальником в Иллирии, их объединенные силы составили всего четыре тысячи человек,⁴⁶ что, конечно, нельзя назвать полноценной армией. После того как Велизарий помог захватить Отранто, он отбыл в Полу, в Истрию. Оттуда он пошел к Равенне. За время опалы Велизарий не стал худшим воином, чем был раньше. Поразительная слабость, какую он проявлял во время этой войны, была обусловлена не его личными недостатками, а тем, что из его рук был вырван чудесный инструмент побед. Многообещающая кампания в провинции Эмилия к югу от По закончилась отступлением иллирийского войска, которое осталось без жалованья и узнало, вдобавок ко всему, что в Иллирию вторглись гунны. Велизарию пришлось оставить Иллирию. Была потеряна Болонья, за ней Ауксим, захваченный с таким трудом несколькими годами ранее. Все подвиги победителя Гейламира и Витигиса свелись к захвату Отранто и укреплению Песаро. Это все, чем он мог заглушить боль поражения.

В это время все внимание и ресурсы Юстиниана были привлечены к другому месту: к персидской границе, от командования войсками на которой решительно отказалась Антонина.

IX

В тот момент внимание всей империи было приковано к Хосру. Готы могли подождать, как и завоевание Италии. Хосру поставил на повестку дня вопрос о самом существовании империи как государства. Нападение персидского царя было столь стремительным и мощным, что перед ним поблекла готская угроза. Хосру начал военные действия с наступления на Эдессу, которая занимала в тот момент ключевую позицию. С падением Эдессы становилась беззащитной вся римско-персидская граница. Если же Эдессу удастся удержать, то удастся остановить и самого Хосру. Все деньги, все умы и все воины, которых смог собрать Юстиниан, были направлены в Эдессу.

Эдесса имела легендарную историю, делающую ее особенно значимой. Если верить старому епископу Евсевию,⁴⁷ то в его дни (во времена Диоклетиана и Константина) в архивах Эдессы хранилось письмо, написанное Иисусу Абгаром, который приглашал Христа посетить Эдессу. «Есть у меня здесь городок — маленький и честный, который будет

⁴⁶ В конце итальянского похода комитат Велизария достиг численности 7000 человек. (Прокопий. «Тайная история».)

⁴⁷ В Эдессе также находился присланный Иисусом Абгару плат с отпечатком священного лика.

достаточен для нас обоих», — писал Абгар. Обитатели «маленького городка» с гордостью хранили эту историю, передавая ее из поколения в поколение. Они с еще большей гордостью относились к письму Иисуса, в котором последний объяснял, почему он не может посетить Эдессу, но обещал после своего вознесения прислать в город своего ученика. Этим учеником стал Фаддей, брат святого Фомы.

Если бы история на этом обрывалась, она выглядела бы впечатляющей, но это не конец. Утверждали, что в своем письме Иисус написал, что персы никогда не захватят Эдессу. Именно это место разожгло захватнический аппетит огнепоклонников персов и вселило мужество в жителей Эдессы. Таким образом, схватка за город была не только борьбой воинов, но и борьбой религий.

Правда, несмотря на все это, в Эдессе была довольно сильная партия людей, отнюдь не горевших желанием воевать. Они были согласны заплатить Хосру любой ценой выкуп. Хосру начал с того, что выдвинул требование выплаты такого выкупа, который оказался городу не под силу. Когда горожане отказались его платить, перс осадил Эдессу.

Хосру не был намерен тратить деньги и время на длительную блокаду. Уже на восьмой день стали очевидны приготовления к штурму. Перед стенами города большим прямоугольником были уложены обтесанные стволы срубленных деревьев. Внутри этого прямоугольника насыпали землю, поверх которой последовательно уложили слой больших балок и слой больших камней, после чего операцию повторяли сначала. По мере того как рос искусственный холм, он придвигался все ближе к стенам крепости. Целью было создание господствующей высоты над обороной города и обеспечение доступа к его стенам. В том, что штурм будет успешным, мало кто сомневался.

Строительство насыпи удалось ненадолго замедлить вылазками гарнизона. Особенно хорошо потрудились гунны, один из которых — воин по имени Аргек — собственноручно убил двадцать семь человек рабочей команды, возводившей искусственный холм. Видя это, Хосру приказал своим воинам отражать все вылазки осажденных. Стало очевидно, что строительство насыпи не удастся остановить такими средствами. Граждане Эдессы попытались вступить с персами в переговоры, но, хотя их депутацию возглавил старый учитель Хосру, пользовавшийся большим почетом при персидском дворе, добиться приемлемых условий перемирия не удалось. Хосру возымел твердое намерение взять Эдессу. Другую депутацию просто выгнали из ставки персов, не дав ей даже встретиться с царем царей. Решили начать думать, призвав на помощь лучшие умы города. Было предложено надстроить стены, но, учитывая, что осаждающие тоже могут надстроить свой холм, решили отказаться от этого плана. Перед Эдессой открывалась довольно мрачная перспектива.

Перед лицом страшной опасности было, наконец, решено сделать подкоп под искусственный холм. Эдесса — не то место, где во множестве проживают инженеры, но нашлись умелые люди, которые начали рыть шурфы и прокладывать ходы под насыпь. Когда туннель достиг опасной зоны, персы услышали шум земляных работ и вырыли на этом месте пробный шурф, чтобы перехватить землекопную команду. Римляне сразу же засыпали конец туннеля и, прекратив работу, стали обдумывать следующий план.

Х

Неизвестный военный инженер, который решил уничтожить искусственный холм, был, очевидно, хорошим специалистом, обладавшим соответствующими знаниями того времени. В конце туннеля, непосредственно перед фронтом насыпи, была вырыта камера, которую заполнили легковоспламеняющимся материалом из битума, серы и кедрового масла.⁴⁸

⁴⁸ «Битум» представлял собой смесь горючих масел и нефти. Кедровое масло — растворитель, напоминающий скипидар. При разогревании сера выделяет дым, состоящий из сернистого ангидрида. В какой пропорции соединяли эти три ингредиента, мы точно не знаем; определенно можно сказать только одно — смесь обеспечивала энергичное горение, причем пламя было невозможно потушить водой. Побочными продуктами горения были дымы, обладавшие всеми свойствами отравляющих и удушающих газов.

Кроме того, были созданы дополнительные запасы этого горючего. Как только насыпь была готова, начальник гарнизона Эдессы предложил персам еще раз начать переговоры. Персы отклонили эту попытку подставить другую щеку, и тогда римляне подожгли смесь в подкопе. Насыпь оказалась довольно рыхлой и пропускала потоки воздуха. Как только сквозь насыпь начал подниматься дым, защитники города принялись обстреливать ее огненными стрелами и бросать на нее горшки с горючей смесью. Персы были слишком заняты тушением огня и поэтому не поняли, что дыма было гораздо больше, чем его могло быть от одних зажигательных снарядов, сыпавшихся со стен. Хосру заподозрил неладное, личный осмотр позволил понять, в чем дело. Насыпь была объята пламенем изнутри. Перед глазами ликующих христиан, столпившихся на стенах Эдессы, все усилия персидских огнепоклонников были принесены в жертву их божеству.

По приказу Хосру на насыпь начали лить воду. Когда вода соприкоснулась с горевшим материалом, результат получился без преувеличения сенсационным. К небу повалил огромный столб дыма. Дым был таким густым, что его видели в Коррах, в тридцати милях от Эдессы. От воды пламя растеклось на большую площадь и охватило всю насыпь. Деревянная основа искусственного холма выгорела дотла, и скоро на его месте осталась только куча раскаленных дымящихся камней.

Эта неудача нападавших стала поворотным пунктом в осаде Эдессы. Хосру дал своему войску отдых на шесть дней. Он не посчитал нужным тратить силы на восстановление насыпи, и огромный труд пропал даром. По истечении шести дней его войска пошли на приступ с помощью осадных лестниц. Атака началась на рассвете, по расчетам персов, защитники еще не должны были пробудиться от ночного сна. Приступ был отбит. Штурм меньшего масштаба был предпринят вечером того же дня. Персы попытались взломать главные ворота, но успеха не имели. Когда насыпь успела остыть, Хосру приказал выровнять ее поверхность и приготовить для новой атаки. С насыпи попытка штурма была повторена, но защитники города отбили и ее, проявив решимость и большое мужество. К обороне были привлечены и те, кто не мог носить оружие, даже дети. Когда защитники начали поливать нападавших кипящим маслом, персы отступили. Царю царей сказали, что его приказ не может быть выполнен. Но он отказался принять такой постыдный рапорт. Царь приказал повторить попытку, и персы снова пошли на штурм. Эта атака снова была отбита. С большой неохотой Хосру смирился с невозможностью противостоять неизбежности. Он понял, что Эдесса неприступна.

Жители Эдессы отличались мудростью и жили в близком соседстве с персами, поэтому не хотели отравить себе радость успеха. Они были готовы улажить царя царей и подсластить ему горькую пилюлю приличной контрибуцией, оплатив военные издержки. Пять центенариев, уплаченных ими, были гораздо меньшей суммой, чем та, которую они бы потеряли, если бы персы вошли в город.

Триумфальный успех обороны Эдессы, особенно на фоне катастрофической потери Антиохии четырем годами ранее, показал, что присутствие Велизария совершенно не обязательно и защита персидской границы может быть успешной в его отсутствие.

XI

Оборона Эдессы позволила отодвинуть войну с персами в пределы Колхиды. Хосру оставил попытки проникнуть в империю через хорошо укрепленную границу в Сирии и Месопотамии. Захват Антиохии стал его единственным большим успехом. Мощные города-крепости, если их удерживали умелые и надежные гарнизоны, представляли собой непреодолимую преграду на пути завоевателей. В течение долгого времени в Месопотамии не было слышно о крупных военных столкновениях. Когда они возобновились, Юстиниан уже давно был в могиле, а мир изменился до неузнаваемости.

Политика Юстиниана показывала: он был далек от мысли, что смена театра военных действий уменьшает значимость самой войны для империи. Постоянное присутствие персов в Колхиде автоматически означало присутствие персидского флота на Черном море, распространение персидского влияния на север и захват персами торговых путей, связывавших империю с Востоком. Одним из самых серьезных замыслов Юстиниана было расстроить персидскую монополию на восточных торговых путях. Для этой цели было жизненно важно овладеть Колхидой, ибо только через нее проходили пути на Восток, на которых не господствовали персы. Если они захватят Колхиду, то им удастся окружить империю и отрезать ее от свободного доступа на Восток.

Через год после осады Эдессы Юстиниан заключил с Хосру перемирие сроком на пять лет. В качестве платы за издержки Юстиниан согласился отдавать персам четыре центенария золота в год — это была смехотворная сумма, призванная уязвить достоинство царя царей. Хосру не надеялся больше на войну и согласился на временный мир вдоль месопотамского участка границы. Однако он отказался включить в условия перемирия Колхиду, и там стычки и столкновения продолжались.

Целью Юстиниана было восстановить экономику империи, дав ей оправиться после опустошительной эпидемии чумы. Император желал накопить ресурсы, достаточные для серьезных военных операций на востоке, а кроме того, хотел за время передышки в войне с персами решить, наконец, итальянский вопрос.

Глава 11 ТОТИЛА И ВТОРАЯ ВОЙНА С ГОТАМИ

I

Состояние дел в Италии, на которое Велизарий взирал теперь весьма беспомощно, было создано его собственными руками. Беды, от которых он страдал, и трудности, с которыми встретился, произошли исключительно оттого, что он торпедировал договор с Витигисом, а все остальные неприятности явились следствием этой роковой ошибки.

Войны подобны ранам: если они не очищаются, то их заживление сопровождается различными осложнениями. Нашлись острые проблемы, которые постоянно бередили старые итальянские раны. Одной из таких проблем стал вопрос о престолонаследии у готов. Если бы Витигис остался в Равенне, все было бы гораздо проще. Но сложилось так, что готы не могли выбрать себе ни такого короля, которому они могли бы подчиниться, ни такого короля, которого одобрили бы римляне. Короче говоря, они вообще не могли выбрать себе короля.

Непомерный оптимизм совсем недавно мог заставить людей поверить в то, что готов можно привести к покорности в Италии, но только невежество могло привести тех же людей к выводу, что готы будут все время покорно пребывать в положении побежденных. Раздражение по поводу выборов короля держало готов в напряжении и постоянной готовности к новым бедам. Быстрая смена кандидатов на королевский трон говорила о том, что ждать осталось недолго. Скоро сама судьба подарит готам настоящего короля.

Еще до того, как с Витигисом на борту Велизарий отплыл из Равенны, готские вожди, осознав, что он никогда не рассматривал всерьез возможность принять от готов знаки королевского достоинства, решили обратиться к одному из немногих военачальников, которые продолжали держаться на севере. Этим человеком оказался Урия, племянник Витигиса, до сих пор удерживавший Павию. Вероятно, он чувствовал, что опыты с избранием короля, не принадлежащего к священным родам, всегда кончаются зловещими неудачами.⁴⁹ Урия отказался, посоветовав обратиться к Ильдибаду, сидевшему в Вероне.

⁴⁹ Он говорил, что всем известна истина: люди одинакового происхождения имеют одинаковую судьбу (Прокопий. «Тайная история»). Эта замечательная максима превосходно объясняет некоторые типические

Ильдибад, племянник визиготского короля Теудеса, мог претендовать на титул, поскольку его родство доказывало, что в его жилах течет голубая кровь. Ильдибад согласился, мудро оговорившись, что примет титул короля, если от него официально откажется Велизарий. Римлянин принял депутацию готов и дал им соответствующие уверения, после чего Ильдибад был избран королем готов.

На троне Ильдибад продержался меньше года. Он не был богатым человеком, и, когда его супруга, обливаясь слезами, рассказала, какие наряды надевает жена Урии, его сердце не выдержало. По приказу короля Урия был убит, после чего сам Ильдибад пал от руки одного из своих воинов (5 мая). После смерти Ильдибада руги выдвинули своего кандидата — Эрариха, который не считался королем всех готов, но поскольку у всех готов не было в тот момент подходящей кандидатуры, то Эрариху позволили остаться, но он оказался скользкой личностью. Вспомнив о предложении Юстиниана разделить Италию, оставив готам территорию к северу от реки По, Эрарих сумел убедить готов принять эти предложения. Воспользовавшись этим предлогом и не возбуждая никаких подозрений, Эрарих снарядил в Константинополь посольство, главе которого были даны тайные инструкции. Коротко говоря, Эрарих выставил готское королевство на продажу.

Нам неизвестно, полностью ли дошло до готских вождей содержание предложений Эрариха, но факт остается фактом: знати пришлось думать о новом кандидате. После недолгих раздумий таковой был найден. Этого человека звали Тотила, или Бадуила, он приходился племянником Ильдибаду и, таким образом, был кровными узами связан с королем Теудесом.⁵⁰ Тотила занимал крепость Тревизо,⁵¹ пожалованную ему его дядей. И вот, наконец, фортуна, которая столько раз безуспешно тасовала колоду и сдавала карты, на этот раз сдала их удачно, на стол выпал настоящий король. В то время Тотиле было двадцать пять лет или около того — молодой человек в самом расцвете своих физических и духовных сил. Время должно было показать, ожидает ли его поистине королевская судьба.

II

Тотила не был ни глупцом, ни идеалистом. Он пришел к выводу, что в этой войне готы являются проигравшей стороной и не следует тратить попусту время, оставаясь в их дурном обществе. Его переговоры с имперским командованием о сдаче Тревизо были прерваны предложением готских вождей, что кардинально изменило его взгляды. Готский народ с таким королем, как Тотила, — за это следовало драться. Самое главное, что он был готов драться.

К несчастью, условия сдачи Тревизо были уже оговорены, и, как подобает мудрому человеку, Тотила не захотел без основательных причин нарушать данное слово. Но, принимая предложение готов, он поставил условие: Эрарих должен быть убран с дороги до назначенной даты. Этой датой был день сдачи Тревизо. Будущие подданные выполнили договоренность, в этот день Тотила был провозглашен королем, но, как властитель, он не имел никакого отношения к сдаче Тревизо, и город остался в руках готов.

Невозможно спрятать город, расположенный на вершине холма, еще труднее не заметить явления людей определенного типа. Восшествие Тотилы радикально изменило отношения между готами и империей. Изменилась духовная атмосфера, было такое впечатление, что после полной бедствиями ночи, наконец, взошло благодатное солнце. Готы под водительством Витигиса и Эрариха были совершенно несчастными созданиями; когда же их возглавил Тотила, они вдруг снова стали готами Теодориха и Ирминриха. Задолго до

черты ранних королевств.

⁵⁰ Прокопий пишет, что Пелагий обращался к нему *gennaie*, то есть «высокорожденный»

⁵¹ Тревизо — самая восточная из крепостей, кроме Вероны, во владениях Ильдибада в районе Аквилеи.

того, как Тотила начал совершать свои славные деяния, Юстиниан понял, что из себя представляет этот воин. Один лев учуял другого. От Тотилы пахло настоящим королем.

Гнев Юстиниана был направлен на тех, кто нес настоящую ответственность за случившееся, — на римских военачальников в Италии. У империи был властитель, способный на масштабные действия; как же вышло, что у него нет подчиненных, способных быстро действовать в более мелком масштабе? Гнев был обоснованным, но это была ссора ремесленника со своими орудиями, а такая ссора всегда очень опасна. Если они были не способны делать то, что он от них требовал, то зачем он просил их это делать? Если же они просто не могут работать вместе, то в чем причина? Но именно этот вопрос Юстиниан не мог задать самому себе. Ответ мог оказаться слишком трудным.

В Италии с самого начала все пошло не так, как следовало. Начал Велизарий; и вполне можно допустить, что если бы не его опрометчивый разрыв договора с Витигисом, то дела в Италии не были бы в том плачевном состоянии, в каком они оказались. Финансовая администрация, устройством которой в Италии по распоряжению Юстиниана занимался Александр Логофет, могла бы оказаться действенной и эффективной, если бы строилась в усмирённой соответствующими договорами стране. Но война продолжалась; не были выработаны устраивающие все стороны условия умиротворения. Александр весьма прохладно относился к требованиям армии о финансовой поддержке. Он пользовался любой возможностью положить эти требования под сукно. Непопулярность Александра среди военных можно сравнить только с его непопулярностью у итальянского чиновничьего класса, который получил от него требования полного отчета о всех деньгах, полученных и израсходованных за время готской оккупации Италии. Требование было обоснованным, ибо теоретически чиновники были ответственны перед императором за все, что происходило в Италии во время правления готских вице-королей. Однако то, что думали об Александре итальянские чиновники и чего они ему желали, стоит лучше прикрыть завесой благопристойности. Хуже всего было то, что Александр решил лично проверить все бухгалтерские отчеты, поступившие к нему, а у него был зоркий взгляд и проницательный ум. Чиновники испытывали весьма неприятные чувства.

Итальянские чиновники были абсолютно беззащитны. В отличие от них военные могли отплатить администрации многими неприятностями. Представляется, что они воспользовались такой возможностью. Поняв, что финансистам нет никакого дела до их нужд, они решили сами заняться неформальным сбором налогов в свою пользу. Поскольку никакие статьи этих доходов Александром не проверялись, то принимались весьма оптимистические цифры, никак не соответствовавшие реальному состоянию имперского бюджета.

Совершенно ясно, что такие вещи не могли вызвать у итальянских чиновников восторга по поводу действий императорской власти.

III

Трудности и трения, возникшие внутри итальянской государственной машины, со временем, конечно, могли быть преодолены. Существуют даже определенные предположения относительно того, что, ориентируясь на ход событий, Юстиниан уже заранее выработал план соответствующих действий. После неудач Велизария император не мог ничего усовершенствовать, ему пришлось приложить к Италии схему, разработанную для иных условий. Однако восшествие на готский престол Тотилы разительно изменило всю картину. Неосторожность превратилась в преступление; неловкость — в измену. Жестокая критика со стороны императора заставила военачальников собраться в Равенне на экстренное совещание. В результате было решено на деле перейти к энергичным действиям. Была собрана армия численностью двенадцать тысяч человек. Целью наступления была названа Верона.

С таким войском Велизарий мог завоевать половину Европы. Сборище военачальников,

каждый из которых в отдельности был весьма способным военным, не смогло взять даже Верону. Начались переговоры о том, чтобы пятая колонна изнутри открыла имперским войскам ворота. Сначала все шло, как было задумано. Ворота были открыты, и для занятия города в него был послан воинский отряд. Это тоже было исполнено. Готы, которых неожиданный удар застал врасплох, в панике покинули город, как только в него вошел римский отряд. Когда наступило утро, готы, прошедшие весьма неудобную ночь на склоне близлежащего холма, увидели, что остальная часть имперского плана повисла в воздухе. Вместо того чтобы вслед за передовым отрядом войти в город, армия топталась на месте, а ее начальники обсуждали размеры выплаты изменникам, открывшим ворота. Готы снова заняли город. Передовой отряд, поняв, что становится по-настоящему жарко, покинул город самым коротким и быстрым путем — воины просто попрыгали с его стен, естественно, не все прыжки оказались удачными. Армейские начальники отложили совещание и, не взяв Верону, приказали армии отступить.

Но беды на этом не кончились. Армия не успела укрыться за надежными стенами Равенны. В поле ее перехватила готская конница, численностью вполовину меньшая, чем имперское войско. Возглавил готов сам Тотила. В битве при Фавенции римляне были разбиты и рассеяны, а Тотила захватил все их знамена.

С этого момента Тотила перестал соблюдать осторожность. Он выиграл еще одно значительное сражение при Муцеллии в Этрурии; он захватил укрепленный туннель в Петра-Пертузу, кроме других крепостей. Ему стало ясно, как это было ясно Гайзериху и другим выдающимся умам северных племен, что для воинов, вооруженных и обученных как готы, война осад — это проигранная война. Целью должно было стать полномасштабное использование мобильных конных отрядов как главной ударной силы. Восприятие Тотилой этого фундаментального принципа качественно отделяет его от такого вождя, как Витигис, чья военная доктрина отличалась примитивной прямолинейностью. На этот раз готы воспользовались решающим фактором, определяющим победу, — человеческим разумом.

В то время, когда Велизарий на персидской границе сумел выпроводить из имперских пределов Хосру, заставив его перейти Евфрат и отправиться домой, Тотила победным маршем шел на юг Италии по открытому пространству, нападая на неподготовленные к нападению города, сводя на нет все, что сделал в свое время Велизарий. Причем Тотила взял на вооружение тактику Велизария — быстрота, натиск и корректность. Вскоре готский король подчинил себе практически всю Италию к югу от Вультурна. Значение этого заключалось в том, что на захваченной территории Тотила начал собирать налоги. Страна была не только потеряна для империи, она начала снабжать и поддерживать возрожденное готское королевство.

Кульминацией похода Тотилы в Южную Италию стало его появление в Кампании. Встревоженные обыватели были потрясены до глубины души, увидев, что король готов милостив и гуманен к тем, кто не оказывает сопротивления. Вместо того чтобы съездить живьем, он достойно обошелся с семьями римских сенаторов, жившими на виллах Кампании, и отпустил их с почетом. Самым последним и наиболее важным действием Тотилы в ту кампанию стала осада Неаполя.

IV

Вторая осада Неаполя продолжалась около девяти месяцев. Тотила и теперь проявил свойственную ему мудрость. Военные действия носили характер скорее блокады, нежели правильной осады. Время шло, и осада все больше и больше становилась неким символическим действием. Это была не просто борьба за конкретный город в Южной Италии; скорее, это была война в небесах. Если Юстиниан сможет удержать Неаполь, то будущее мира навеки связано с Римской империей. Если Тотила сможет захватить Неаполь, то будущее мира станет темным и непредсказуемым, но оно не будет связано с Римом. Речь шла о том, сможет ли империя возродиться и существовать, или она рухнет во время этого

противостояния.

Юстиниан не мог в этот решающий момент отправить Велизария в Италию. Сделать это означало открыть фронт на востоке и освободить путь в Рим армиям Хосру. Велизарий, как мы видели, был занят тем, чтобы заставить царя царей отвернуть от Иерусалима и дороги в Египет. Одновременное нападение на империю персов и готов и есть разгадка тайны, почему Юстиниан выделил так мало сил на войну в Италии. Однако политика, которой он следовал, была индивидуальной и сильной. Во главе верховного командования в Италии он поставил гражданского человека (дав ему чин преторианского префекта и военного заместителя) по имени Деметрий, прошедшего выучку у Велизария. Были направлены в Италию и войска: фракийцы, армяне, гунны.

Деметрий — многообещающее имя для воина. Новый командующий вместе со своим войском прибыл на Сицилию, ознакомился с последними сведениями и начал быстро действовать в соответствии с ними. Неаполь голодал, и Деметрий поставил себе задачу выволить город из тисков блокады.

Пока его флот продвигается к итальянским берегам, мы приближаемся к водоразделу мировой истории. До этого момента Римская империя, империя I Августа и Константина, все еще стремилась к победе. Никто не мог отрицать, что следующей после готской будет франкская война, за которой последует британская, что будет означать полное восстановление старых границ империи. То, что этого не произошло, можно отнести на счет нехватки сил, находившихся в распоряжении Деметрия. Он был отважным человеком, и военная хитрость, которую он мог применить, оказалась бы весьма впечатляющей. Даже готы, прослышав о приближении флота и полагая, что на кораблях находится обычное количество воинов, пришли в некоторое смятение. Если бы Деметрий, не колеблясь, ввел свой флот в Неаполитанский залив, то этим шагом мог бы принудить готов к отступлению и изменить ход истории с помощью нескольких пустых торговых кораблей. Но — и пусть это послужит моральным уроком для молодых — в критический момент твердость духа изменила Деметрию. Он отступил и направил флот в Рим, чтобы набрать там достаточно войска из воинов римского гарнизона. Римский гарнизон отказался участвовать в этой авантюре, и Деметрию пришлось в прежнем составе вернуться в Неаполь, но момент был уже упущен. Правда о численности его войска стала известна неприятелю. Тотила организовал импровизированный флот, с которым напал на флот Деметрия. Сам римский полководец с немногими своими воинами сумел спастись на лодках. Корабли попали в руки Тотилы.

Водораздел был пройден. С этого момента река человеческой истории сменила направление своего течения. Стало ясно, что Римская империя не будет отныне доминирующей силой в европейской истории; более того, стало ясно, что империя не сможет доминировать даже в одной Италии.

V

Значение таких событий можно правильно оценить только с далекой исторической перспективы. Оно совершенно не осознавалось теми людьми, которые сражались за Неаполь. Если бы они обладали даром предвидения, то не увидели бы за своим сражением никакого будущего. Но они не обладали таким даром и продолжали воевать, словно ничего не произошло.

Деметрий, вернувшись на Сицилию, увидел, что его армия наконец прибыла вместе с преторианским префектом. Из осажденного Неаполя доставили экстренное послание, в котором гарнизон просил немедленно предпринять попытку деблокировать голодающий город. С одобрения новоприбывшего начальника Деметрий организовал такую попытку. Зима была в самом разгаре, но положение города было слишком тяжелым, чтобы это соображение могло поколебать чашу весов.

Вторая попытка деблокирования Неаполя оказалась почти успешной. Флот, имея на

кораблях достаточное количество воинов и съестных припасов, благополучно достиг города. Прежде чем были начаты военные действия, на море разразился шквал, ветер выбросил корабли на берег, разметав весь флот. На этот раз сам Деметрий оказался в числе пленников.

В том, что Неаполь оказался в полном окружении, не имея практически никакой надежды на освобождение, не было вины Юстиниана. Если, дойдя до последней степени истощения, гарнизон и жители города не видели иного выхода, чем сдача Неаполя, то в этом не было их вины. Они голодали столько времени, сколько могли выдержать. Тотила, сильный и здравомыслящий человек, обратился к защитникам города, проявив ясное мышление и великодушие. Он предложил превосходные условия, против которых нечего было возразить. Гарнизон мог с почестями и в полном вооружении покинуть город. Неаполь продолжал голодать, не понимая, стоит ли свеч эта игра. Наконец начальник гарнизона принял решение сдаться, если помощь не придет в течение тридцати дней.

— Тридцать дней! — воскликнул на это Тотила. — Почему не сказать три месяца? Я все равно буду сидеть и ждать.

Неаполь не стал ждать три месяца, он не стал ждать и тридцати дней. Через короткое время он отдался на милость победителя. Случилось это в марте или в апреле, когда достигла своего апогея смертность от чумы, свирепствовавшей в Константинополе.

VI

В Тотиле было нечто очень для него типическое. Когда он дал защитникам города свое слово и горожане приняли это слово и открыли ворота Неаполя, пораженным неаполитанцам король показался почти экстравагантным. Для того чтобы сдержать обещание, Тотиле не требовалось никаких скрепленных печатями документов. Он кормил город, как родной отец, сначала ограничив, а потом постепенно расширив рацион питания голодавших горожан до нормы. Когда гарнизон, покинув город, попытался отправиться в Рим на судах, но противный ветер помешал этому, Тотила дал римлянам коней и проводил их на дорогу. Его поведение породило эффект, на который он, по-видимому, и рассчитывал. Мелкие птички клевали зернышки из его рук.

Теперь готский король обратил свое пристальное внимание на Рим. Имперское командование в Италии упрекнуло Юстиниана в том, что он выделяет недостаточно ресурсов для обороны страны от Тотилы. Юстиниан, находившийся в это время между жизнью и смертью, не мог принять никаких действенных мер. Положение осталось прежним, Тотила вручил начальнику неаполитанского гарнизона письмо, адресованное римскому сенату. В этом письме он отстаивал свои права. Тотила утверждал, что восстановление готского государства послужит благу Италии, так как правление готов лучше правления имперского. Римский военачальник не мог воспрепятствовать передаче письма сенаторам, но мог помешать сенаторам ответить на послание готского короля. Тотила мог только гадать, какое воздействие на умы произвело его письмо. По прошествии года он приготовился к движению на север. Предвестниками его прибытия к стенам Рима стали большие прокламации, в которых содержались торжественные обещания не причинять вреда римлянам. После того как Тотила выделил войска для того, чтобы закончить войну в Южной Италии захватом Отранто, готы сели на свои повозки и направились к Риму.

Вторая осада Рима началась в совершенно иных условиях, чем первая около семи лет назад. Обе стороны были сильно ослаблены, и этот факт препятствовал принятию ясных решений. Тотила начал осаду так же, как он начал осаду Неаполя. Бессас, римский военачальник, придерживался сугубо оборонительной тактики, которая, будучи очень удобной для гарнизона, причиняла массу неприятностей мирным жителям. Пассивная тактика под стенами Рима с лихвой компенсировалась активными действиями готов в Центральной Италии. Мобильные колонны Тотилы брали одну крепость за другой. Он захватил Тибур, город, запиравший большую Валериеву дорогу и блокировавший путь на Пиценум.

Такова была обстановка, когда Велизарий вернулся в Италию. Как мы видели, он вернул империи Отранто и одержал несколько мелких побед. Что касается остального, то ему оставалось безучастно взирать, как готская держава Тотилы победно продвигалась на север. У Велизария не было средств сдержать это продвижение, не говоря о том, чтобы сокрушить его. В конце года он написал Юстиниану письмо с подробным изложением положения дел в Италии. До этого военачальники в Италии уже докладывали императору свое мнение по этому поводу. Император в ответ прислал им Велизария, а тот, в свою очередь, отправил ему еще одну жалобу.

VII

Еще до того, как Велизарий прибыл в Италию и ознакомился со сложившейся там обстановкой, он выступил с предложением, чтобы война кормила себя сама. Первая горькая истина, которая дошла до его сознания, заключалась в том, что в Италии такие методы ведения войны невозможны. Тотила захватил позиции, которые невозможно было отбить. Готский король владел теперь всеми южными и большей частью центральных, самых богатых провинций Италии. Подобно большинству выдающихся людей более позднего времени, сам Тотила не был землевладельцем. Его не интересовало владение землей и ее обработка. Он желал, чтобы законные владельцы имели в своем распоряжении земли Италии и обрабатывали их. Единственное, чего он хотел: чтобы землевладельцы аккуратно платили законные налоги. Землевладельцам по большому счету было все равно, платить налоги фракийцу в Константинополе или готу в Равенне. Преимущества и недостатки были почти одинаковы. Таким образом, человеком, добившимся того, чтобы война кормила сама себя, оказался не Велизарий, а Тотила. Велизарий не мог даже собрать собственную дружину из людей, которых мог получить в свое распоряжение в Италии. Вероятно, оставались еще границы благоразумности, которые он не хотел переступать. Например, он не пожелал набирать дружину на свои деньги, чтобы не растрачивать их попусту. Он решил остановить процесс до того, как достиг цели.

Даже если бы в его распоряжении оказались средства из местных ресурсов, то они не смогли бы обеспечить его войнами такого типа, какие были ему нужны. Лучшие воины императорской армии в Италии находились теперь на жалованье у Тотилы. Остальные не выражали восторженного желания воевать. Короче говоря, чтобы продолжать войну, армии была нужна более сильная поддержка, чем та, которую мог предоставить ей Велизарий. Нужна была поддержка императорского казначейства.

Таковым было донесение, отправленное Велизарием императору. Оно дошло до Юстиниана весной следующего после осады Эдессы года. Мир, который Юстиниан заключил с Хосру, был обусловлен необходимостью обеспечения ресурсами, которые резко истощились, войны в Италии.

Как ни трудны были эти обстоятельства для Велизария, они были не менее трудны и для Юстиниана, который не мог, по соображениям государственного престижа, объяснить некоторые неудобные факты. Но было необходимо после замирения Хосру обратить самое пристальное внимание на Тотилу. Готский король становился очень опасным. Тотила оказался лучшим стратегом и тактиком, чем великий Теодорих. Кроме того, новый король понимал психологию и менталитет людей, с которыми ему приходилось иметь дело. Необычное сочетание гениальности и терроризма могло оказаться смертельным для империи. Покончив с завоеванием Италии, Тотила мог расширить свои владения за счет исходных владений самого Юстиниана. Если Тотиле удастся достигнуть взаимопонимания с Персией, а желательность такого союза была ясна даже такому тугодуму, как Витигис, в тисках этих двух сил империя треснет, как пустой орех. Мы, мудрые задним умом, теперь видим, что Юстиниану можно было и не бояться некоторых вещей, но он, не имея нашего преимущества исторической перспективы, должен был учитывать не только благоприятные возможности, но и не столь благоприятные вероятности.

VIII

В качестве курьера Велизарий использовал Иоанна, «племянника Виталиана», того самого Иоанна, который некогда взял Аримин, а потом спасся благодаря действиям Нарсеса. Иоанн обладал умопомрачительными способностями и неустойчивым темпераментом уроженца Юго-Восточной Европы. Пока Иоанн ехал в Константинополь, Велизарий удалился в Диррахий, чтобы восстановить свои силы.

Иоанн обещал скоро вернуться, но обещания не всегда легко выполнить. Вероятно также, что просьбы Велизария нельзя было выполнить так скоро и легко, как ему хотелось бы. При этом надо было принять во внимание не только деньги, вопрос о наборе воинов также не был лишен сложности. Велизарий не получил назад свой комитат; он не получил его ни целиком, ни хотя бы большую часть. Военачальники, получившие в свои руки этих людей, не горели желанием с ними расставаться. Надо было найти новое войско, составленное из людей, привычных к итальянскому климату. Пока шли организационные дела, Иоанн совершил нечто такое, что само по себе не может вызвать большое удивление. Он женился.

Никто не установил ясные мотивы, вдохновившие Иоанна на этот шаг. Однако мотивы, приводящие мужчин к женитьбе, обычно отличаются сложностью; если речь шла об Иоанне, то можно догадаться, что в этом случае сложностей было в несколько раз больше. Более того, поступок Иоанна имел одну специфическую особенность: он привел к его острому конфликту с Феодорой.

Невеста оказалась дочерью Германа, племянника императора. Женитьба Иоанна не сделала его наследником императорского трона, так как между Иоанном и тронном стояло много других наследников мужского пола, но женитьба ввела Иоанна в круг императорской семьи. Герман действительно был очень важной персоной. Не принадлежа к узкому, избранному свыше племени людей, отмеченных печатью гения, он был одним из тех, кто нередко делает миру добро. Это был способный, компетентный человек с манерами, которые вызывали восхищение. Родство с Юстинианом делало его весьма влиятельным, и, насколько мы можем судить, он очень терпимо пользовался этим влиянием. Герман возглавлял партию безупречных людей, оппозиционно настроенных к Феодоре. Он не был создан для грубого прямого противостояния, которое было уделом таких раблезианских личностей, как Иоанн Каппадокийский, который мог позволить себе быть открытым противником императрицы. Все, что делалось Германом, делалось в рамках приличий и с соблюдением должного декора. Против Германа у Феодоры не было шансов. Ее политика состояла в притеснении и причинении всяческих неприятностей сторонникам и последователям Германа. В этот круг ненавистных императрице людей новый зять Германа гордо ввел себя сам.

Еще задолго до этого у Велизария были причины не одобрять многие поступки Иоанна, но теперь его чувства были задеты в гораздо большей степени. Но Иоанн был человеком, которому было трудно возражать. Представляется, что он относился к тому типу людей, которые берутся горячо и ревностно, приводя массу аргументов, отстаивать все, что бы они ни делали. Он не стал избегать Велизария, а прибыл к нему в Диррахий вместе с подкреплением, которое ему удалось получить.

История не сохранила документальных свидетельств разговора (вероятно, весьма горячего), который состоялся между Велизарием и Иоанном. Если Иоанн сказал, что Феодора не желала помогать Велизарию за счет государственной казны и ему удалось добиться помощи только благодаря содействию Германа, то Велизарию было бы трудно опровергнуть утверждение Иоанна. Фактом остается, что Иоанн, как всегда, вышел из затруднительного положения со славой, а Велизарий — нет. Вероятно, он был также не в восторге, когда узнал, что Нарсес был послан набирать войско к герулам, чтобы потом вместе с Велизарием участвовать в итальянской кампании. У Велизария были не такие теплые воспоминания о не столь давнем сотрудничестве с Нарсесом, чтобы он желал

повторения этого опыта.

Словом, каковы бы ни были причины, Велизарий не получил свой старый комитат; хотя ему дали подкрепления и помогли деньгами из казны, все это пришло поздно и было совсем не тем, чего он желал.

IX

Перерыв в военных действиях позволил Тотиле закончить завоевание Центральной Италии и отрезать Велизарию путь к освобождению Рима. Прежде чем Велизарий успел привести свое войско в боеспособное состояние и вывести его в поле, Тотила продвинулся еще дальше на север и захватил Плаценцию, город, расположенный у места, где большая Эмилиано-Лепидова дорога, пересекая реку По, направляется в Милан и на северо-запад. Защитники Плаценции, как защитники Неаполя, бесконечно долго ждали помощи и голодали. Говорили, что от голода они дошли до каннибализма. Все было напрасно. Их твердость и стойкость оказались никому не нужными. Помощь не пришла. Но Велизарий твердо решил спасти Рим. Поскольку он не мог добраться до него по суше, то решил плыть туда морем.

Иоанн не одобрил такой план. Он предложил высадить войско в Брундизии и идти к Риму по дороге, по которой когда-то шел к Риму Сулла. Этот путь слабее защищается, и по нему легче идти. Велизарий не желал принять такой план действий. Но Иоанн был упрям; в конце концов они согласились разделить силы, при этом каждый из них будет действовать по собственному плану. Велизарий согласился, так как можно было многое сказать в пользу комбинированного удара с суши и моря.

Истинная причина такого разделения у Иоанна заключалась в том, что он начал чувствовать опасность, причем не столько со стороны Велизария, сколько со стороны Антонины. Велизарий, даже если чувствовал унижавшее его отношение к себе, никогда не делал больше того, что говорил вслух. Но эпизоды с папой Сильверием, Константином и Иоанном Каппадокийским убедили Иоанна в том, что Антонина, подстрекаемая Феодорой, могла сделать гораздо больше того, что говорила вслух. У нее были причины так поступить. Если Велизарий хотел получить в полном объеме нужное ему подкрепление и деньги, то ему могла потребоваться помощь Феодоры. Иоанн не мог предположить, что Антонина будет равнодушно взирать, как ее знаменитого мужа низводят до положения второсортного солдафона. Велизарий ввязался в войну в Италии по ее настоянию, и сделал это в самых неблагоприятных для себя обстоятельствах. И Антонина должна будет получить все, что необходимо, для удачного окончания похода. В обмен на это Феодора, подобно Иродиаде, может потребовать голову другого Иоанна — его голову.

Поход Иоанна по Южной Италии оказался успешным. Он подошел к Канусию и захватил его. Что касается Велизария, то для него Иоанн мог бы вообще исчезнуть. Операции Велизария против Тотилы стали сражениями, в которых решались судьбы мировой истории.

X

Велизарий послал в Рим передовой отряд, чтобы ободрить римлян и вселить в них мужество, призывая их держаться до подхода его главных сил. Начальник римского гарнизона был вынужден защищать Рим с отрядом, насчитывавшим всего три тысячи человек. По этой причине он не желал рисковать и наотрез отказался сотрудничать с Велизарием. Вероятно, он хорошо знал своих людей и знал, что Тотила начеку и воспользуется первой возможностью, чтобы отрезать прибывающим войскам все пути подхода к Риму. По этой причине моральная поддержка городу оказалась не той, в которой нуждались римляне. Попытка папы прислать в Рим корабли с зерном не увенчалась успехом, они были остановлены готами у самого устья Тибра, у входа в Порт. Епископа, который

находился на борту, привели к Тотиле, который допросил его. Король решил, что епископ неискренен в своих показаниях, и велел в назидание другим отрубить ему руки. Таким образом, римляне не получали поддержки, которая была им так необходима.

Была предпринята попытка вступить с готами в переговоры. Дьякон Пелагий, будущий папа римский, богатый и влиятельный человек, потратил много денег, чтобы помочь отвести бедствие от Рима, и добился аудиенции у Тотилы. Пелагий собирался предложить готам, если Рим к назначенной в предполагаемом договоре дате не будет освобожден, сдать город Тотиле на трех условиях. Условия были такими: будут сохранены жизнь и имущество всех проживающих в городе сицилийцев, стены Рима останутся неприкосновенными и все римские рабы, находящиеся в войске готов, будут возвращены владельцам. Тотиле заранее были переданы эти условия, и король решил, что они не стоят его внимания. Не дав Пелагию возможности сказать что-либо в защиту его условий, он отклонил их, и Пелагий возвратился в Рим, ничего не добившись.

Мирные жители города, терпевшие ужасный голод, обратились к начальнику гарнизона. Они потребовали, чтобы он либо дал им хлеба, либо выпустил их из города, либо убил их. В ответ начальник только покачал головой, отвергнув все три требования. Первое было невозможно, второе — опасно, а третье — немыслимо. Если горожане проявят терпение, то все будет хорошо. К Риму уже приближается Велизарий с войском, которое спасет Рим.

Тем временем в городе усиливался голод. Сначала богатые граждане по баснословным ценам покупали хлеб в армейских магазинах, обогащая этим военачальников, но потом и этот источник продовольствия иссяк. Когда оставшиеся в городе люди-призраки начали питаться крапивным супом и вареными собаками и крысами, Бессас разрешил мирным жителям покинуть город. Вероятно, он знал, каким будет результат. Ушли почти все.

Конец древнего Рима, города Ромула и Августа, наступил в тот миг, когда толпа истощенных беженцев тронулась в путь. Исаврийские и армянские воины наблюдали со стен зрелище, скрытое от более мудрых и великих людей. Некоторые беженцы были убиты готами, некоторые захвачены в плен, но большинство их падали на дороге и умирали от голода и истощения. Так закончилась долгая традиция древнего Рима.

XI

Велизарий прибыл в Порт слишком поздно, чтобы прекратить страдания мирного населения, но вовремя, чтобы облегчить положение гарнизона. Велизарий сразу понял, что о сражении с готами не может быть и речи. Оставалось только одно — снабдить город продовольствием.

Тотила перекрыл реку укрепленным брусом и цепями. Это препятствие было нелегко преодолеть. Велизарий начал строить плавучий брандер, который превосходил по высоте самые высокие места заграждения. Башню брандера венчала лодка, начиненная веществом, хорошо зарекомендовавшим себя при осаде Эдессы. Брандер был беспрепятственно выведен на исходную позицию, так как готы не понимали, что делает Велизарий, и не мешали ему.

Оставив Антонину в Порте под охраной Исаака Армянина, Велизарий издал приказ. Исаак должен был оставаться в Порте и не покидать его ни при каких обстоятельствах. Вдоль берега Тибра был послан отряд, который должен был пробиться в город. Бессасу было приказано оказывать содействие всеми имеющимися в его распоряжении силами. Начальник римского гарнизона не стал ничего делать, и ход дальнейших событий подтвердил его правоту.

Началось большое движение. Продвигаясь вперед на своих защищенных кораблях, буквально перегруженных лучниками, Велизарий рассеял оборонявшихся готов, прорвал цепь и подошел вплотную к деревянному заграждению. Тотила бросил в бой подкрепления, и на заграждении вскоре появилось великое множество готов. Пока лучники, прикрываясь щитами, обрушивали на тесные ряды готов град стрел, к заграждению подвели брандер и

поставили его напротив бревенчатой преграды. Лодку подожгли и толкнули вперед. Через мгновение заграждение было объято пламенем. Говорят, что в нем сгорели заживо более двухсот готов. Заграждение было прорвано, водный путь к Риму был открыт.

Вечером Велизарий был бы в Риме, если бы не произошло нечто странное. Прибыл гонец из Порты и сообщил, что Исаак попал в плен к готам. У Велизария не было времени на философские размышления. Подобно многим людям, которые привыкли распоряжаться большим количеством подчиненных, Велизарий обладал своего рода «телескопическим» мышлением. Пленение Исаака свидетельствовало о том, что Порт тоже захвачен готами и Велизарий теперь отрезан от своей базы. Не тратя время на оценку обстановки, Велизарий отдает приказ об отступлении.

Можно себе представить, что немногие люди приходили в такой ужас, убедившись, что их худшие предположения не оправдались. Порт был в целостности и сохранности вместе с целой и невредимой Антониной. Исаак нарушил приказ и переправился через реку, решив немного пограбить. Тут он и попал в руки готов. Без серьезной причины Велизарий сорвал важнейшую военную операцию, принеся в жертву фикции все, чего с таким трудом достиг.

XII

Безопасность людей, которые творят чудеса и достигают блестящих результатов, не располагая для этого нужными средствами, часто зависит от их успехов. Стоит им сделать один неверный шаг, и они падают, разбивая себе голову. Такое падение пережил на этот раз Велизарий. Совершив невозможное и преодолев все трудности, он пробился, но все закончилось смехотворным провалом. Через несколько часов Велизарий превратился в тяжело больного человека.⁵² Прошли месяцы, прежде чем он снова встал на ноги и был готов работать.

Ни гениальность Велизария, ни осторожность Бессаса не смогли спасти Рим. Дисциплина войска упала, душа города была утрачена. Два предприимчивых исаврийца продали за деньги свои посты, покинув их. Через пролом в стене 17 декабря в город проник готский отряд. Были открыты Асинарийские ворота, и Тотила вошел в Рим.

Гарнизон и богатые горожане верхом бежали из Рима, а оставшиеся, числом пятьсот человек, нашли убежище в церквах, которые впервые за всю историю Вечного города не смогли заполнить до отказа его жители.

Когда Тотила вступил в собор Святого Петра, его встретил Пелагий, несший в руках Священное Писание. Готский король услышал слова дьякона:

— Спаси, Господи, люди твоя.

— У тебя больше нет никаких условий, Пелагий? — спросил Тотила.

Дьякон ответил:

— Бог сделал нас твоими рабами, так пощади своих новых слуг, господин.

Тотила пустил слух, что Рим сдался сам, и поэтому его жителям не причинят никакого вреда. Были убиты шестьдесят человек. Оставшиеся четыреста сорок, как представляется, остались живы. В отличие от многих завоевателей, живших до и после Тотилы, его воины не причинили зла женщинам. В войске короля царила жесткая дисциплина.

Тотила надеялся, что на этом войну можно закончить. Его власть над Италией была истинной и действенной. Он послал Пелагия в Константинополь с письмом к Юстиниану. Предложения Тотилы, содержащиеся в письме, своей трезвостью и примирительными нотами разительно отличают этого великого короля от франкских вождей. Он предложил, чтобы за ним признали то положение, которое имел король Теодорих, чтобы он пользовался

⁵² Не перенес ли Велизарий инсульт, когда ему сообщили истинную причину пленения Исаака? Прокопий подтверждает такую версию. Он очень много работал, испытывая большие нервные перегрузки. Этот провал вызвал у него нечто большее, чем простое разочарование. Он умер сравнительно молодым человеком, не дожив до шестидесяти лет.

такими же правами и обязанностями по отношению к своему имперскому сюзерену. Он не стал требовать императорских регалий, как это сделал Гейламир.

Если Юстиниан откажется принять эти условия, пригрозил Тотила, он сровняет Рим с землей и двинется в поход на Константинополь.

Император отказался обсуждать этот вопрос, передав все полномочия на ведение переговоров Велизария. Пусть Тотила обращается к нему.

Итак, Тотила стал приводить в исполнение свою угрозу, начав разрушать Рим. Он уже подготовил поджог нескольких больших зданий, когда получил из Порта письмо от Велизария, прикованного к одру болезни. Вот что писал королю инвалид:

«Насколько похвально отзываются о тех, кто творил красоту города, настолько же считают глупцами тех, кто города разрушает. Рим — величайший и наиглавнейший из всех городов света. Его создала долгая история и высокое искусство многих мужей. Его памятники принадлежат потомству, которое строго осудит тех, кто их разрушит. Если ты победишь в этой войне, Рим будет для тебя потерян. Если же ты потерпишь поражение, то плохо придется разрушителю Рима. Ставкой в глазах мира будет твоя репутация и добрая слава».

Тотила принял это письмо всерьез. Он читал его не один раз. Результатом стал приказ не причинять разрушений городу Риму.

В феврале, оставив у Порта отряд, который должен был следить за Велизарием, Тотила отправился в поездку по своему итальянскому королевству.

Глава 12 КОНЕЦ ПАРТНЕРСТВА

I

Велизарий оправился от болезни лишь в апреле, когда в Италию пришла настоящая весна. Полководец приехал в Рим, чтобы посмотреть, что стало с великим городом. Странное зрелище являл собой безмолвный и покинутый людьми Рим. Ревущий Рим Мария и Суллы стал тихим и молчаливым. Пристойная бедность времен Ромула Августа сменилась кричащей, бьющей в глаза нищетой. Исчезла облицовка Капитолийского храма. Ворота стояли открытыми, створки их были сорваны и унесены неизвестно куда. Часть стены была снесена.

Сорок дней Рим стоял необитаемым. Велизарий, объехав город, пришел к выводу, что стены можно восстановить, вернув городу обороноспособность. Он перенес свою ставку из Порта в Рим и бросил всю рабочую силу, какую ему удалось набрать, на восстановление разрушенной части стены. Велизарий — единственный человек в истории, кому довелось восстановить стены Карфагена и Рима. Приходилось спешить и обходиться камнями, сложенными друг на друга. Через четыре недели были готовы стены, с которыми можно было встретить неприятеля.

Тотила, бывший в это время на севере, был крайне удивлен вестью о том, что Велизарий снова занял Рим! Король поспешил назад. Ворота все еще не были закрыты створками, и Тотила подумал, что у него нет оснований чего-то ждать, когда можно просто взять и войти в город через пустые провалы ворот. В таких обстоятельствах перестают действовать законы цивилизованной войны. Велизарий спешно собрал своих самых стойких воинов и направил их к воротам. Там его воины встретились с готами Тотилы. Среди руин Рима, города Августа, завязалась варварская, поистине гомеровская схватка. Готские воители желали пробиться в Рим, а защитники сдерживали их натиск. Сражение продолжалось два дня. Потом воины отдыхали несколько дней, после чего битва возобновилась. Король находился в самой гуще сражения; был убит его знаменосец, его правая рука, и над мертвым телом началась смертельная борьба за штандарт и его носителя. Итак, готы отвоевали

штандарт, а имперские воины убили его носителя. К этому моменту готы решили, что с них хватит, и начали отступать, преследуемые воодушевленными римлянами, которые повернули назад, только когда утомились от погони.

После такого печального опыта Велизарий велел восстановить ворота и поставить в них створки. Заперев ворота, он послал ключи Юстиниану. Император был намерен возродить Римскую империю, но пока он возродил лишь гомерические нравы.

Среди готов возникло недовольство и брожение. Почему Тотила оставил Рим открытым, позволив такому воину, как Велизарий, захватить его? Но в этих разговорах, как вскоре поняли сами готы, было мало пользы. Тотила разрушил все мосты через Тибр, оставив на месте только Мульвийский мост, а свою ставку перенес в Тибур.

II

За первым ударом по престижу Тотилы вскоре последовал второй. Заложники, взятые Тотилой при захвате Рима, для вящей надежности были перевезены в Капую. Король считал их очень важным политическим орудием. Пока Тотила дрался с Велизарием, на Иоанна, который находился на юге, вдруг снизошло озарение. Он отправился в Капую во главе отряда легкой конницы, перебил стражу, забрал заложников и скрылся вместе с ними. Когда спасенные заложники были уже на пути в Сицилию, Тотила услышал новость, приведшую его в неописуемую ярость, сел на коня и во главе сильного воинского отряда поскакал на юг. Он нагнал ни о чем не подозревающего Иоанна в Лукании. Если бы король подождал до утра, то судьба Иоанна была бы, видимо, решена. Но Провидение опекает людей, подобных Иоанну. Тотила настоял на ночном нападении. Было убито около ста человек, но Иоанн и тысяча девятьсот его воинов сумели уйти и вскоре были под защитой надежных стен Отранто.

III

После того как Велизарий захватил и укрепил Рим, перед ним встала задача один за другим занять города Италии. Таков был его план в борьбе с Витигисом, таким он остался и теперь с той разницей, что теперь вместо похода на север предстоял поход на юг.

Юстиниан ознаменовал свое одобрение достигнутых успехов посылкой осенью того же 547 года тысячи человек из состава прежнего комитата Велизария, не считая герулов, чей командир был вечно пьян, и еще нескольких отрядов. После усиления римского гарнизона за счет прибывшего воинства Велизарий в начале нового 548 года отплыл на южное побережье Италии.

Дело было не в том, что от Велизария отвернулось военное счастье; в неприятностях, обрушившихся на него, появилось нечто гораздо более опасное. Рушилась дисциплина и управляемость войск. Они не стали хуже, но утратили ту надежность, которую каждый военачальник должен чувствовать в своих подчиненных. Казалось, даже природная стихия ополчилась на Велизария. Сильный ветер не позволил Велизарию достичь Тарента, из-за этого он высадился в Кротоне, где не смог отыскать достаточное количество припасов для людей и лошадей. Войско пришлось направить на Русциан, город, приготовленный готами к отражению осады. В первых столкновениях имперским силам удалось уничтожить большое число готов. Римляне были горды своими успехами и вообразили, что в Италии вообще больше нет готов. Это была ошибка, которую Тотила не замедлил исправить. Уцелевшие после готской контратаки воины принесли страшную весть своему полководцу, после чего Велизарий, Антонина и остаток войска спешно погрузились на корабль и отплыли в Мессину.

Подкрепление численностью две тысячи человек, прибывшее вскоре на Сицилию, было слишком мало для достижения поставленных Велизарием целей, и он не стал тратить его на восполнение понесенных потерь. Было решено, что настало время Антонине отправиться в

Константинополь на свидание с Феодорой. Письменные донесения и просьбы не возымели желаемого действия. Назрела необходимость личного разговора.

Велизарий проводил Антонину до Отранто, где посадил на корабль, отправившийся на восток.

IV

Гарнизон Русциана, блокированного готами, взял на себя обязательство сдаться, если не получит помощь; но начальник гарнизона, рассчитывая на помощь со стороны Велизария и Иоанна, не сдержал обещание и продолжал удерживать крепость. Не будучи в силах оказать осажденным непосредственную помощь, они попытались оттянуть от Русциана силы Тотилы, совершив отвлекающий маневр. Велизарий, направлявшийся на север, повернул на Рим, а Иоанн двинул войско к Пиценуму. Тотила не поддался на хитрость и продолжил осаду до падения Русциана.

Готский король мог быть великодушным и даже добрым, если это отвечало его целям, но был беспощаден, если договоры не выполнялись, а обещания нарушались по злому умыслу. Судьба начальника гарнизона Русциана явила собой ужасающий пример такой беспощадности. Гарнизон был поставлен перед выбором: либо поступить на готскую службу или разойтись по домам. По домам разошлись только восемьдесят человек, остальные вверили свою жизнь Тотиле, положившись на военное счастье готского короля.

Пока происходили эти события, Велизарий, вернувшись в Рим, обнаружил, что оставленные им там войска подняли мятеж. Убив своего начальника, воины послали в Константинополь требования полной выплаты жалованья со всеми задолженностями и прощения мятежа, если они не сдадут готам Рим. Юстиниан покорно согласился с этими требованиями. Велизарий снабдил город продовольствием и провел реорганизацию гарнизона. Близилось к концу его пребывание в стране, это были его последние мероприятия на Итальянском театре военных действий.

Антонину, прибывшую в Константинополь, ожидала ошеломляющая новость. 28 июня 548 года умерла Феодора.

То, что навеки не стало маленькой темноглазой красавицы с ее блеском, остроумием, душевным жаром и силой, стало памятным событием в личной жизни тех, кто ее знал. Но значение этой смерти выходило за личные рамки. Хотя Феодора не была ни ангелом, ни архангелом, она наравне с силой обладала и величавой добродетелью. Со смертью Феодоры звезда Юстиниана лишилась части своей силы и блеска... До этого момента было невозможно провести разграничение между двумя личностями, из которых складывалось державное партнерство. Никто не мог точно сказать, где кончается Юстиниан и начинается Феодора. После того как не стало Феодоры, мало-помалу начала проявляться истина. Исчез неистовый, доблестный, юношеский дух, и появился стареющий, склонный к меланхолии, не вполне светский человек, который часто забывал то, что следовало помнить, и откладывал на завтра то, что надо было сделать сегодня. Старая комедиантка до конца справилась со своей ролью. Это была славная роль, но спектакль подошел к концу, и занавес опустился.

Антонина внезапно оказалась в полном одиночестве. Исчезла сила, которая так долго и надежно защищала ее. Она оказалась при дворе, где на некоторое время главенствующим стало скромное влияние Германа. Сам факт, что Антонина полностью зависела от Феодоры, стал фатальным знаком ее оппозиционности. Теперь стало со всей очевидностью ясно, что Велизарию не стоит рассчитывать на эффективную поддержку его действий в Италии, что никогда он не будет удостоен почестей, коих был бы достоин покоритель Италии. Все лавры хотел получить Герман, и он твердо был намерен выполнить свое желание. Лучше всего было поскорее выйти из игры. Поэтому Антонина добивается отставки Велизария, который, находясь в Риме, узнает о своем отзыве с поста командующего, что привело ко многим изменениям в его судьбе.

Можно ли считать, что он проиграл? Обычно считают, что все обстояло именно так. Но

надо отметить, что искусство Велизария не склонилось к закату. Это был тот самый человек, который некогда пленил двух королей и привез их в Константинополь. Что касается его самого, то, будь у него достаточно денег, останься в его распоряжении старый комитат, Велизарий в тот момент, возможно, скакал бы в Суассон готовить поход в Британию.⁵³ Но он был подхвачен течением политических перемен, которое отнесло его далеко от выполнения этой задачи, а Велизарий, как и большинство людей, не был свободен в своих действиях.

Скорое возвращение Велизария в Константинополь породило слухи о том, что его преемником станет Герман. Но прежде чем это случилось, начали происходить весьма странные события.

V

Велизарий — человек, подавивший восстание «Ника», не успел высадиться в Константинополе, когда Марцелл, начальник императорской гвардии, направил Юстиниану какое-то сообщение. За этим быстро последовала серия арестов, а сенат вскоре занялся расследованием запутанного дела об измене и покушении на убийство императора, в которое оказался замешан сам Герман. Герман был освобожден от подозрения в соучастии только после свидетельства Марцелла и других военачальников, которые на допросах показали, что именно Герман дал самые ценные сведения о заговоре с целью убийства Юстиниана. Герман узнал о заговоре от своего сына Юстина, к которому обратился человек по имени Арсак. Этот Арсак оказался истинным организатором заговора. Улики, проанализированные сенаторами, пролили свет на некоторые интересные факты.

Арсак был армянин, которому не слишком повезло в жизни. В свое время его уличили в переписке с персидским правительством. Приговор, учитывая время и место действия, оказался на удивление мягким. Арсака подвергли не слишком жестокому бичеванию и провезли по Константинополю на верблюде. Что больше оскорбило Арсака — бичевание или позорная поездка на верблюде — неизвестно, но он затаил злобу и замыслил месть.

Конечно, он не мог совершить ее лично и в одиночку. Оглядевшись, он понял, что его родственник Артабан может стать орудием его мести. Стоит остановиться на том, почему Артабан так легко согласился участвовать в заговоре.

Когда-то этот человек возымел желание жениться на племяннице Юстиниана Преекте, дочери его сестры Вигиланции. Это был весьма амбициозный план; чтобы его исполнить, надо было вначале развестись с его женой. Осуществляя свой замысел, Артабан дважды столкнулся с Феодорой. Императрица всегда решительно возражала против того, чтобы чужестранцы женились на женщинах из императорской семьи; кроме того, Феодора всегда отрицательно относилась к нечестным мужьям. Трудно отыскать такую яркую феминистку, какой была Феодора. Она наложила вето на этот брак Преекты и настояла на том, чтобы Артабан вернул свою первую жену. После этих событий Артабан не стал восторженным поклонником и верным слугой императора и императрицы. После того как умерла Феодора, Артабан снова развелся с женой, но Преекта успела к этому времени выйти замуж и снова оказалась недоступной. Именно этому человеку Арсак предложил принять участие в заговоре. Арсак утверждал, что убить старика будет очень легко. Юстиниан допоздна засиживается с другими стариками, витающими в облаках, и обсуждает с ними тексты Священного Писания. Все стражники в это время спят сном праведников. Артабан слушал это с настроенным вниманием. К участию в заговоре его окончательно склонило уверение

⁵³ Средневековые романы действительно приписывают ему такую экспедицию. В легендарной истории Велизарий возвращается из похода с плененным королем англов. Тем, кто склонен верить, что к старости Велизарий ослеп и стал нищим, следует помнить, что поход в Англию он совершил согласно тем же источникам. Так что одна история по своей достоверности стоит другой. (Бэри. «История поздней Римской империи».)

Арсака в том, что Герман и его сыновья также участвуют в деле.

Заручившись поддержкой Артабана, которого он убедил в участии Германа, Арсак решил поймать в свои сети самого Германа. Основанием уверенности Арсака в том, что это возможно, послужила обида, которую причинили Герману. Дело в том, что умерший незадолго до этого брат Германа Бораид, за исключением необходимого наследства для своей дочери, оставил все свое состояние Герману. Завещание Бораида было пересмотрено Юстинианом, который посчитал, что оно было нечестным по отношению к дочери завещателя. В этом Юстиниан был совершенно прав. Но Арсак был озабочен причинами, побудившими Бораида оставить такую большую сумму своему брату, и тем, на какие цели Герман потратил бы эти деньги, если сумел бы их получить. Возможно, Юстиниан тоже думал об этом... Итак, Арсак предположил, что Герман обижен Юстинианом.

К Герману Арсак обратился через его сына Юстина. Взяв с него клятву, что он расскажет услышанное только своему отцу, Арсак рассказал молодому человеку о том, как плохо обошелся Юстиниан со своими родственниками и естественными наследниками. Кроме того, он сказал, что положение станет еще хуже после возвращения Велизария. Под конец Арсак сообщил также, что уже приведен в действие план убийства Юстиниана.

Юстин передал содержание разговора Герману. Герман был слишком осторожен, чтобы хватать награду, которая сама должна была прийти к нему в руки вследствие естественного хода событий, и достаточно проницателен, чтобы не брать на веру, что болтал Арсак. Он лучше знал истинную причину возвращения Велизария. Интересно отметить, что Арсак верно понял, что Велизарий одновременно является верным императору человеком и его самым вероятным преемником. Интересно отметить также, что Герман не поспешил к Юстиниану со своими ошеломляющими разоблачениями. Первым, к кому он обратился, был Марцелл, начальник императорской гвардии. Именно этого не мог понять Юстиниан. Почему, спрашивал он, все дело было от меня скрыто? Марцелл взял на себя всю ответственность, заявив, что это он убедил Германа не говорить ничего императору. Он сам и его товарищи расследовали дело, подстроили беседу Германа с одним из предполагаемых убийц и подслушали во время разговора инкриминирующее заявление этого человека. Заговорщики решили ждать возвращения Велизария в Константинополь, чтобы одним разом покончить с ним и с Юстинианом. Они понимали, что, убив сначала Юстиниана, они откроют Велизарию путь к императорскому трону.

Если же заговор удастся, то императором автоматически должен был стать Герман.

Таким был заговор, о котором императору доложил Марцелл и расследованием которого теперь занимался сенат.

Будь жива Феодора, последствия для некоторых участников этого любопытного дела могли бы стать очень неприятными; но Юстиниан, все обдумав, пришел к выводу, что те люди, которые действительно что-то значили, — Марцелл и Герман — обеспечили друг друга железным алиби, и с ними ничего нельзя поделать. Да, это было очень запутанное дело.

То, что сам Юстиниан находил его странным, можно видеть по его дальнейшим действиям. Через короткое время Артабан был освобожден из-под стражи и получил высокий военный пост. Если Юстиниан действительно поверил в показания Марцелла и Германа, то такая снисходительность к человеку, замышлявшему его убийство, выглядит поразительной. В своих действиях император руководствовался только ему известными причинами.

VI

Юстиниан желал окончания итальянской войны, но из-за событий, о которых было рассказано в предыдущих главах, легко догадаться, что императору было гораздо спокойнее, когда Велизарий находился в Константинополе, а Герман — в Италии. Все указывало на то, что это было самое удачное решение проблемы.

Новости из Италии говорили о том, что Тотила медленно, но верно концентрировал в своих руках власть над всей Италией. Велитарий покинул Рим в начале года. В конце июня или в начале июля под стенами города появился Тотила.

Осмотрев стены и решив, что они слишком хорошо укреплены для штурма, король решил перейти к блокаде. Осада была скучной, утомительной, но эффективной. А гарнизон засеял пшеницей пустыри, благо теперь их было великое множество, обеспечил свою независимость от поставок продовольствия. Только 16 января 550 года злой рок, который преследовал Рим на протяжении многих веков, снова поразил Вечный город. Город предали некоторые воины гарнизона. Перед готами были открыты ворота Святого Павла (Остиенские ворота), и Тотила со своим войском вступил в город. Последние защитники, заперевшись в мавзолее Адриана, готовились дорого продать свою жизнь, когда Тотила, отличавшийся острым умом, предложил им свои обычные условия: присоединиться к нему или сложить оружие и разойтись по домам. Почти все пошли служить готам.

На этот раз Тотила не оставил город и не пытался его разрушить. Незадолго до этих событий готский король просил руки дочери франкского короля Теудеберта, но франк отказал на том основании, что тот глупец, который не понимает значения Рима, никогда не будет владеть Италией. Тотила с удовольствием учился на своих ошибках и извлекал из них уроки. На этот раз он направил все свои усилия на восстановление города.

Следующей его целью стала Сицилия. Но прежде чем двинуться на юг, Тотила снова сделал Юстиниану те же предложения, какие делал до этого. Но его послы даже не удостоились аудиенции. Император только что предоставил Герману все полномочия командующего экспедиционными силами в Италии, и о мире не могло быть и речи.⁵⁴

В течение лета и осени Тотила решил наказать Сицилию за то, что в свое время сицилийцы поддержали Велитария. В это время Герман организовывал в Сардики огромную армию. Весть о вторжении на Сицилию встревожила имперское правительство. Для определения того, какие силы нужны для обороны острова, был послан Артабан; кроме того, были ускорены приготовления Германа. Юстиниан с необычной для него щедростью расходовал деньги, да и сам Герман пожертвовал на войну большую часть своего личного состояния.

Армия, предназначенная для действий в Италии, была войском нового типа, составленным не из отрядов регулярной имперской армии, а из добровольцев. Герман и его сыновья собрали под свои знамена горцев Фракии и Иллирии, где обитали одни из самых воинственных племен того времени. Многие профессиональные воины, находившиеся на частной службе, оставили свою службу и вступили в войско Германа. Среди неримлян, привлеченных в войско, стоит назвать одно имя, которое вскоре прославится на весь мир, — имя лангобардов, они отдали в распоряжение Германа тысячу воинов. Был в войске и сильный отряд герулов. Это была мощная армия, и она ничем не походила на старое римское войско. Это было такое же войско, с каким Агамемнон приступил к осаде Трои. Европа погружалась в героическое время, из которого только недавно вышла.

Герману было мало командовать такой мощной армией, он задумал нанести готам еще более глубокий и опасный удар — удар по их умам. Той осенью он женился на Матасунте, вдове короля Витигиса, внучке короля Теодориха. Матасунта была последней наследницей дома Амалунгов, и ее дети, согласно древним традициям готов, имели право на готский престол. Одно упоминание имени Амалунгов было способно привести готов в священный трепет. Горячая верность готского народа Тотиле начала остывать, когда стало известно о ее новом браке.

Не только то, что политика Германа была взвешенной и расчетливой, но и то, что он умел приводить ее в исполнение, было основанием назначения его на место Велитария.

⁵⁴ Герман получил тот же статус, какой имел Велитарий, то есть статус императора — самостоятельного стратега.

Италия остро нуждалась в мире, причем в мире, держащемся не на военной силе, а нашедшем отклик в разуме и традициях готов, которые приняли бы римское правление как свое собственное. Фатальным недостатком Велизария было то, что он был только солдат. Герман был способен привести в действие такие методы примирения, какие смогли бы помочь залечить раны, нанесенные войной. Действительно, брачный союз между фракийским императорским домом и готскими Амалунгами давал Герману законное право воспользоваться возможностями, от которых отказался Велизарий: восстановить Римскую империю, опираясь на объединенную силу готской аристократии и готско-фракийского императорского дома. Юстиниан в то время был уже стар. Когда Герман станет его преемником, на страже империи встанет священный род Амалунгов, и это позволит империи обрести устойчивость, характерную для северных королевств.

То был поистине великий проект, и готы одобрили его. Когда пробьет час и Герман вступит в Италию, то увидит, как разительно изменилась там духовная атмосфера. Многие готы откажутся сражаться против супруга Матасунты. Многие имперские воины, вступившие в готское войско, не станут драться с племянником Юстиниана. Когда Герман вступит в Рим, преображенный город сможет снова стать центром великой империи.

VII

Но до того, как должны были произойти эти судьбоносные события, следовало провести некоторые предварительные действия. Персидские, африканские и итальянские воины заставили забыть о северных дунайских рубежах, на которых в это время стали происходить грозные события, повлиявшие на ход истории. Племена, которые до того совершали набеги в Иллирию, были шайками дикарей, которые делали невыносимой жизнь земледельческого населения этой провинции, но не были опасны для империи. По этой причине на них не обращали особого внимания. Сражения в Иллирии носили характер перманентной, хотя не слишком эффективной, полицейской операции. В отличие от разрозненных шаек гунны и славяне совершали массовые убийства, сопровождавшиеся многими злодеяниями. Эти набеги стали повторяться каждый год. Для казны это был небольшой урон, но такие широкомасштабные набеги грозили катастрофой всей Иллирии, которая медленно скатывалась к хаосу.

В том году, когда Герман женился на Матасунте и организовал армию в Сардики, славяне вторглись на юг, показав намерение атаковать Фессалоники. По поручению Юстиниана Герман прервал все свои дела и попытался остановить наступавших в Далмацию славян. Очистив от противника ближайшие окрестности, он вернулся в Сардику. Он успел еще издать приказ армии через два дня выступить в Италию. Но работа в лихорадочном темпе оказалась не по плечу Герману. Через два дня он слег и вскоре умер. Вместе с ним ушел в небытие разработанный им блестящий план умиротворения Италии. Матасунта осталась с новорожденным еще ребенком, который, явившись на свет, был наречен Германом Постумом. Это дитя, которому не суждено было стать великим или знаменитым, осталось единственным напоминанием о чудесном плане соединения королевства Амалунгов с императорским домом Юстиниана.

Имя Германа также не осталось в анналах истории рядом с именами его великих современников. Мало кто вообще слышал об этом человеке. Но несомненно, он занимает высокое положение среди тех, кто мог стать великим, но не стал им в силу несчастливого сложившихся обстоятельств.

VIII

В течение некоторого времени Юстиниан, казалось, не мог решить, что ему делать дальше, но война не могла долго ждать. Император мог бы уменьшить свои потери в Италии, отложив решение вопроса до лучших времен, когда появится преемник императора, финансы

которого будут в лучшем состоянии. Но у Юстиниана были обязательства перед итальянскими изгнанниками, перед папой Вигилием, а также перед теми людьми в Италии, которые терпели притеснения из-за своих имперских симпатий. Юстиниан не мог переложить решение этого вопроса на плечи других или отказаться от него, потому что устал от него. Это был его долг, и он должен был довести начатое дело до конца.

У Юстиниана не было другого Германа. Не важно, кого назначит император, но преемник Германа будет обладать иными качествами и проводить иную политику... Юстиниан, наконец, сделал свой выбор. Его решение было таким же противоречивым и спорным, каким было в первый раз. Он назначил командующим в Италии евнуха Нарсеса.

Если назначение Германа было гениальным решением, то не менее гениальным было назначение Нарсеса, хотя гениальность его была другого рода. Нарсесу было семьдесят пять лет, он был придворным и бюрократом, привыкшим сидеть на заседаниях, а не действовать. Кроме того, он имел скромный военный опыт и не чувствовал большой склонности к военному поприщу. Но зато он умел заставлять людей слаженно работать вместе. Многие из тех, кто знал Нарсеса, любили его, и он умел производить благоприятное впечатление на незнакомцев. Кроме того, он отличался здравым смыслом и трезвостью суждений, что делало его надежным человеком. Нарсес был из тех людей, которые могут поддерживать не просто хорошие, но даже дружеские отношения с соратниками, хотя это были не похожие друг на друга по характеру и темпераменту люди: византийские греки, персидские изгнанники, жестокие лангобарды, безалаберные герулы и темпераментные итальянские епископы. Он умел внимательно выслушивать их высказывания и извлекать пользу... Кроме того, он умел внушать самым грубым и свирепым людям убеждение в том, что он готов платить за тех из их компании, кто не способен платить за себя сам. И человек становился зависимым от того, кто платил за него в тяжелых ситуациях... Нарсес был достаточно умен для того, чтобы не создавать себе репутацию умного человека. Современникам было приятно верить в то, что старик пользуется особым расположением и покровительством Божьей Матери. Это было гораздо лучше, чем иметь репутацию умника и мудреца. Люди восхищались Нарсесом, но не завидовали ему.

Прежде всего, Нарсесу надо было добраться до армии. На фоне общего расстройств дел, когда славяне бесчинствовали у стен Адрианополя, а котригурские гунны грозили нашествием всему полуострову, Нарсесу пришлось ждать, пока имперское правительство, опираясь на соединенные усилия дипломатов и военных, не изгнало варваров за пределы империи. Он отправился в путь в июне 551 года и осенью прибыл в Салону, где его ждало войско, организованное Германом. Но для Нарсеса даже такая армия казалась недостаточно сильной. В течение осени и зимы он занимался тем, что наращивал ее мощь. Он позаботился о том, чтобы получить самое совершенное оружие. Кроме того, в войске надо было найти людей, способных встретить во всеоружии любые способы ведения войны, какие применит Тотила, и преподнести готам свой сюрприз.

Тотила был хорошо осведомлен о том, что его ожидает. Вскоре после смерти Германа он покинул Сицилию и не спеша отправился на север. Пока он готовился к отражению наступления Нарсеса, в действие приводился старый план. Была осаждена Анкона. Главной отличительной чертой нынешней кампании стало наличие у готов военного флота. Теперь, когда готский король владел почти всей Италией, он не испытывал трудностей в использовании на море мощного флота. Этот флот курсировал в Адриатическом море вдоль побережья Греции, блокировал Салону и оказывал помощь войскам, осаждавшим Анкону. Иоанн в Салоне и Валериан в Анконе не остались в долгу. В морских сражениях, которые развернулись у греческого побережья, греки имели преимущество, но о свободных переходах морем от Салоны до Рима, которые осуществлял в свое время Велизарий, не могло быть и речи. Флот Тотилы блестяще выполнил свою главную задачу. Готский король теперь наверняка знал, что Нарсес двинется на него по суше, и Тотиле оставалось выбрать такое место для встречи его войска, где тактика готов имела бы наибольшие шансы на успех.

Если бы в этом месте чья-то рука вырвала из всемирной истории следующие страницы,

и мы не знали бы окончания этой эпопеи, то имя Тотилы приобрело бы в глазах человечества немеркнущий свет величия. В некоторых вещах он сумел превзойти своего великого предшественника Теодориха. Взяв на себя руководство готским народом в тот момент, когда казалось, что его звезда навсегда закатилась, он сумел воссоздать готскую державу, снова подчинил себе Италию, выдержал противостояние с самим Велизарием и предпринял попытку помириться с итальянцами в полном соответствии с прежней политикой Теодориха. Его действия были такими успешными, что никто не усомнился бы в его окончательной победе и не мог бы даже подумать о его поражении. В противовес успеху Артабана, который сумел захватить Сицилию, Тотила компенсировал эту потерю захватом Сардинии и Корсики. Всю осень и зиму, пока Нарсес занимался в Салоне подготовкой своего войска, Тотила находился в зените своей власти и славы. Он пережил Германа. Скорее всего, переживет и Нарсеса. Возможно, он был единственным могущественным монархом среди всех северных королей, который сумел устроить свое королевство в пределах Римской империи.

Горизонт Тотилы омрачала только одна черная туча. Франкские короли, обладавшие сверхъестественным чутьем относительно того, куда прыгнет старый кот, взирали на происходящее с полной безучастностью. Правда, в своих сношениях с Юстинианом они высказывали необходимый минимум угроз. Видимо, они думали, что следует опасаться появления на франкской территории не готского короля, а войск константинопольского императора.

IX

Настала весна, и разноплеменная армия Нарсеса двинулась из Салоны. Это была устрашающая сила. По численности это было самое большое войско из всех, какие император посылал против готов. Велизарий завоевал Африку Гейламира и Италию Витигиса, имея армии численностью пятнадцать—двадцать тысяч человек. Армия, во главе которой Нарсес вышел из Салоны, насчитывала до двадцати пяти тысяч воинов. Но сила этого войска заключалась не только в его численности. Это было войско, составленное из замечательных воителей.

У римлян было четыре соединения. Для начала следует упомянуть о знаменитой дружине, в которую Герман привлек лучших воинов империи. О войске Иоанна мы уже знаем по его многочисленным подвигам в Италии. Третьим соединением командовал Иоанн Обжора, четвертым — Дагисфей, опытный ветеран лазикских и персидских войн. Из этого блистательного воинства выделялись люди Иоанна и Германа — верховые лучники, благодаря которым была выиграна битва при Трикамароне. Вместе с армией Нарсеса на войну двигался персидский корпус под водительством Кобада, племянника Хосру и внука Кобада — царя царей. Был здесь также большой отряд гуннов и несколько меньший отряд гепидов, которых вел их вождь Асбад. Было также два отряда герулов — общей численностью около трех тысяч под началом короля Филемута и приблизительно столько же под началом другого вождя, Арута. Последним по списку, но не по значению, выступал со своей дружиной около пяти тысяч сильных, закованных в железные латы всадников король лангобардов Эдвин.

Когда армия прибыла на Адриатическое побережье в районе Истрии, Нарсесу пришлось соблюдать осторожность. Вокруг простирались владения франков, а в задачу Нарсеса не входило сражение с ними. На его просьбу о разрешении свободного прохода к Равенне франки ответили вежливым отказом, мотивируя его тем, что не могут позволить войску лангобардов пройти по франкской земле. Пока Нарсес думал, что делать, выяснилось, что отказ франков не имел практического значения, так как войско не могло пройти на юг: в Вероне расположился Тейя с авангардом готского войска, поэтому все дороги были заперты, а мосты блокированы.

Проблема была решена дерзким советом Иоанна, который хорошо знал здешнюю местность. Вместо того чтобы идти к югу по дорогам, ведущим к Вероне или побережью, он

предложил отойти к Альтинуму и двинуться по берегу моря. Воспользовавшись лодками для переправ через устья рек и лагуны, войско сможет обойтись и без мостов. Нарсес, несмотря на то что был евнухом и имел от роду семьдесят пять лет, оказался в нужной степени авантюристом и принял предложенный Иоанном план.

Согласно этому плану армия переправилась на лодках и подручных средствах через лагуну, в которой теперь расположена Венеция. В те дни это место было тихим и пустынным. Войско выбралось на сушу, а лодки были пущены кружным путем по морю, чтобы затем переправить людей через следующую водную преграду. Таким способом армия приблизительно 6 июня добралась до Равенны, нуждаясь в отдыхе.

Имея в своем распоряжении флот, Тотила был уверен, что Нарсес не сможет дойти до Равенны морем, и не принял мер, чтобы воспрепятствовать его подходу по берегу. Но войско императора было уже здесь, под стенами Равенны. Нарсес простоял там девять дней, а потом начал наступление. Его целью было уничтожение Тотилы и главных готских сил, во имя этой цели Нарсес спешил в бой со всей быстротой, на какую было способно его войско. Под Аримином они обнаружили, что мост разрушен. Выше по течению был немедленно сооружен понтонный мост, по которому армия переправилась на противоположный берег.

В этот момент Нарсес и его войско вдруг исчезают из поля зрения неприятеля.

Х

Тотила, находившийся в то время под Римом, отозвал из Вероны Тейю и двинул армию на север. Он знал, что Нарсес прошел Аримин, но после этого о нем и его армии ничего не было слышно. Рассуждая теоретически, Тотила мог ожидать сражения в окрестностях Фанум-Фортуны или даже близ Аримина. Поэтому готский король держал под контролем всю большую Фламиниеву дорогу, связывавшую Рим с Фанумом, так как в его распоряжении находился туннель через Петра-Пертузу — скалу, расположенную к северу от Кал. Петра была неприступна. То, что когда-то удалось Велизария, не должно получиться у Нарсеса. Доступ к Риму по Фламиниевой дороге был, таким образом, надежно блокирован... Тейя по пути из Вероны должен был пройти Остилию, Болонью, Флоренцию, Арреций и Перуджу. Тотила должен был ждать его близ Тадина, удобного места для соединения армий на Фламиниевой дороге. Тотила прибыл с армией в Тадин. В этот момент войско Нарсеса, сойдя с главной дороги у Аримина, пошло параллельной дорогой у Урбина и вышло на Фламиниеву дорогу у Акваланьи, к югу от Петры, обогнув неприступный туннель. У Кал Нарсес получил сведения о позиции Тотилы и решил выбрать подходящее поле битвы. Отойдя по боковой дороге, он разбил лагерь близ замка Бастия, недалеко от Фабриано, где несколько галльских курганов напоминают о поражении, которое потерпели здесь от римлян галлы несколько столетий назад.

Нарсес сразу отправил к Тотиле парламентеров. Полководец посоветовал готскому королю покориться перед лицом подавляющего превосходства противника или, если он отказывается это сделать, назначить время битвы. Тотила отказался подчиниться и назвал датой битвы восьмой день с момента получения ультиматума.

Вероятно, ни одна из сторон всерьез не отнеслась к соблюдению этой договоренности. В следующую ночь Тотила двинул армию к Фабриано, свернул влево и дошел до Мелано, где встал лагерем. Утром, к своему удивлению, имперские военачальники обнаружили, что готские войска находятся от них на расстоянии двух полетов стрелы. Битва стала неизбежной.

Нарсес и его советники привели с собой армию не для того, чтобы обмениваться любезностями с Тотилой. Они должны были уничтожить его армию. План предусматривал отражение натиска Тотилы в случае его наступления, и было ясно, что он начнет это наступление. Тотила не получал никаких выгод от промедления. Для него наилучшим выходом было как можно скорее принудить противника к сражению. Именно на это и рассчитывал Нарсес. Лангобарды и герулы, спешившись, образовали центр расположения

имперской армии. На правом фланге были сосредоточены войска Валериана, Иоанна Обжоры и Дагисфея, одетые в доспехи конные лучники, которых спереди прикрывали четыре тысячи леших лучников. На левом фланге расположился сам Нарсес с дружиной Германа и таким же прикрытием из пеших лучников. В тылу левого фланга расположился резерв из пятисот конников, готовых при необходимости в любой момент вступить в битву. В еще более глубоком тылу находилась тысяча верховых воинов, готовых по первому приказу обойти правый фланг готов.

Численность войска Тотилы была меньше, соотношение равнялось трем к пяти. Поэтому, хотя все были готовы, атака откладывалась. Король ждал подхода Тейи с двумя тысячами конников, но Тейя задерживался. Тогда Тотила попытался обойти левый фланг имперского войска. Атака была отбита после короткого боя, и Тотила оставил эту попытку. Чтобы не тратить время попусту, стороны устроили несколько поединков. Особенно примечательной была схватка готского воина с одним из армян Нарсеса. Победил армянин. Сам Тотила (интересный штрих) не упустил случая покрасоваться и показать свое искусство, появившись перед войском во всем своем воинском великолепии. Сияя сталью, золотом и пурпуром, он показал всем свое умение владеть конем. Однако вскоре после полудня прибыл Тейя, и был подан сигнал к обеду. Готы ушли в лагерь, но Нарсес решил не рисковать. Его воины ели, не покидая рядов.

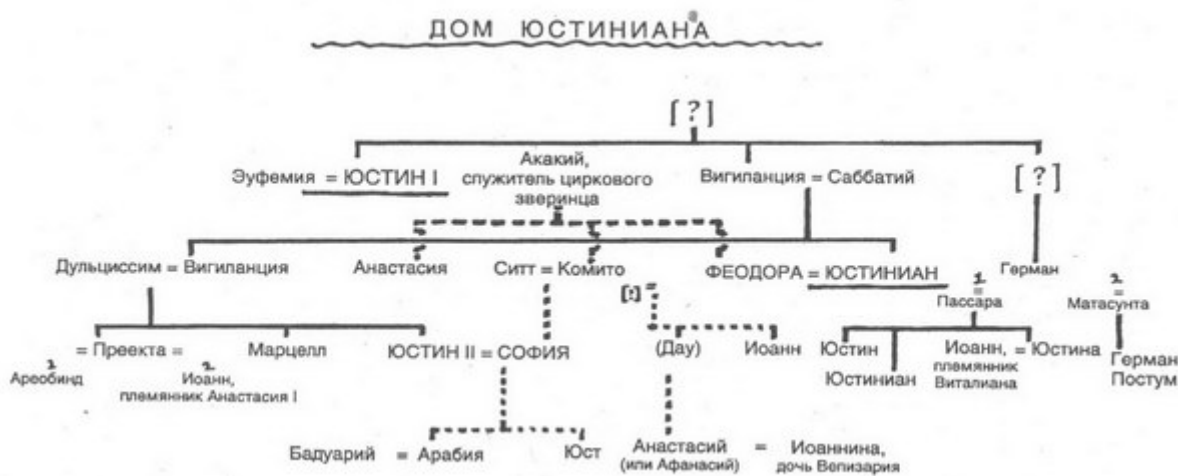
После обеда готы вернулись, и началось то, ради чего на поле собрались все войска. Очевидно, во время обеда состоялось совещание военачальников. Позиция готов была изменена. Теперь имперскому центру противостояла колонна конницы, поддержанной пехотой. Нарсес увидел, что его центр не выдержит такого сильного удара, и на флангах выдвинул вперед пеших лучников, придав позиции вид неглубокого полумесяца.

Готам был отдан приказ: действовать только копьями. Стало ясно, что судьба битвы будет решаться кавалерийскими ударами.

Итак, сражение началось.

Глава 13 КОНЕЦ ПРАВЛЕНИЯ ЮСТИНИАНА

I

Была уже вторая половина дня, когда все перестроения были закончены, и готы двинулись вперед. Битва была ожесточенной, но оказалась весьма короткой. Готские всадники, подобно французам при Кресси, бросились вперед неудержимой волной, стремясь

смять и опрокинуть главные силы Нарсеса... Но на своем пути готы встретили несокрушимое сопротивление. Центр римского войска устоял. Наступление захлебнулось, и готы отступили.

До самого начала готской атаки не было ясно, что станут делать на поле боя лангобарды. Даже Нарсес мог только гадать, будут они сражаться или откажутся. История этого народа и его репутация не позволяли сомневаться в их воинственности и мужестве, но никто не мог быть уверен в их симпатиях. Вообще, только Нарсесу удалось вывести лангобардов на битву с готами... История не сохранила сведений о том, что именно склонило чашу весов в его пользу. Может быть, гордость; может быть, природная свирепость. Лангобарды удерживали свои позиции с несгибаемым мужеством, и готское наступление разбилося именно об их фалангу.

Пока лангобарды и герулы держали оборону, фланги Нарсеса выдвинулись вперед, обошли с двух сторон наступающих готов, пешие и конные лучники принялись осыпать противника таким градом стрел, какой истребил вандалов при Трикамароне. Теперь стрелы убивали готов. Сдерживаемые пиками лангобардов, погибающих от римских стрел, готы через некоторое время выдохлись и начали отступать. Пехота вместо того, чтобы, сомкнув ряды, защитить тыл отступающей конницы, отступила вместе с ней. Эта ошибка решила исход сражения. О том, что поражение было серьезным, говорят потери готов. Поле боя было устлано шестью тысячами трупов, одной третью всего войска Тотилы. По трупам бежали остальные, спасая свои жизни.

Близилась сумерки. Под их покровом бежал и Тотила. Бегущее войско устремилось на запад, к большой Фламиниевой дороге. Преследовала беглецов свежая конница, не принимавшая участия в битве. Среди этого отряда находился Асбад, вождь гепидов. Рассказывают ставшую хрестоматийной историю о том, как Асбад начал преследовать уходящего гота, когда на него неосмотрительно бросился молодой оруженосец с криком: «Пес, ты поднимешь руку на своего господина?» Теперь Асбад точно знал, кого он преследовал. Он нанес удар копьем, но и сам был тотчас сражен ударом гота. Король был смертельно ранен. Воины, уйдя за Фламиниеву дорогу, увезли своего короля в Капры, где он умер.

Тейя счастливо ушел от погони. Готы, избежавшие бойни и ушедшие от преследователей, прошли на север через Умбрию и Этрурию и собрались в Тицине. Здесь находилась главная сокровищница Тотилы, хотя часть ее хранилась в Кумах.

II

То, что Тотила был мертв, не вызывало сомнений. Вскоре после битвы Нарсес посетил в Капрах место захоронения его останков и опознал их. В качестве доказательства смерти Тотилы в Константинополь были посланы обгаренные его кровью плащ и шлем.

Готы в Тицине не медля приступили к выборам нового короля. Они избрали Тейю. Ни один соперник не выставил свою кандидатуру.

Политика нового короля была направлена на заключение союза с франками: это была последняя надежда для готов; но Тейя скоро убедился, что франки не намерены таскать для него каштаны из огня. У них были свои цели. Да, они не пустили имперские войска в Верону, где до сих пор сидел готский гарнизон, но не собирались помогать никому, кроме самих себя, завоевывать Италию.

Вскоре Нарсес овладел всеми крепостями, расположенными вдоль Фламиниевой дороги, и через некоторое время появился у ворот Рима. Город удерживал немногочисленный готский гарнизон, который почти сразу предпочел сдаться. До тех пор пока новый король не вывел против Нарсеса армию, начальники гарнизонов разных крепостей, не способные больше держаться, заключали личные соглашения с римским командующим, сдаваясь на милость константинопольского императора. Тейя не был государственным деятелем; но он не принадлежал и к тому типу людей, какими были

Витигис и Тотила. Тейя был авантюристом, способным безоглядно пойти на громадный риск. Шансы были пятьдесят к одному против него, и он очертя голову поставил все, что было у него за душой, на этот единственный шанс.

Прежде всего он отправился в Кумы, где его брат хранил часть сокровищ Тотилы. Прежде чем выступить, Тейя собрал заложников, взятых Тотилой в Риме (триста юношей из знатных римских семейств), и казнил их всех. В Кампании такая же судьба постигла взятых в заложники сенаторов. Если готам суждено погибнуть, они унесут с собой в могилу всех, до кого дотянется их кровавая рука. Тейя выступил в Кумы приблизительно в середине июля. По приказу Нарсеса Иоанн взял под наблюдение и охрану Этрусскую дорогу. Тейя провел армию по параллельным дорогам к Адриатическому побережью и далее направился по большой дороге вдоль берега к югу. Дойдя до пересечения дорог у Тенума и Луцерии, он повернул на Беневент. Самый удобный путь от Беневента до Кум пролегает через Капую или через Суэссулу, Неаполь и Путеолы. Однако Тейя не пожелал с боем прорываться в Кумы, если была возможность спокойно дойти туда обходным путем. Он двинулся от Беневента к югу, у Салерно повернул на северо-запад и прибыл в Нуцерию, осмотрев при этом южную акваторию Неаполитанского залива. Слева в море уходил полуостров Сорренто, за оконечностью которого виднелись скалы Капри; впереди открывался вид на Везувий с шапкой дыма над кратером. Далеко внизу, вдоль дороги, ведущей к мирно спавшему Неаполю, располагались еще не открытые археологами, лежавшие много столетий под слоем вулканического пепла Помпеи и Геркуланум.

Был конец августа, когда Тейя дошел до Нуцерии Алфатерны. Это место было досягаемо для готского флота, стоявшего на рейде древних Стабий. План Тейи заключался в том, чтобы погрузиться на корабли, пересечь Неаполитанский залив и высадиться в гавани Кум. Надо сказать, что он почти сумел совершить этот замечательный воинский подвиг. Однако Нарсес, узнав, что Тейя беспрепятственно миновал Этрурию, послал своих лучших воинов на юг, в Кампанию. Когда король пересек Неаполитанский залив, он сразу увидел лагерь имперского войска, разбитый на берегах реки Драко.

Идти назад было нежелательно, остановиться — затруднительно, идти вперед — невозможно. Для того чтобы правильно вести войну, надо обладать выдающимся умом, видимо, более выдающимся, чем тот, какой был в распоряжении Тейи. Он провел около месяца, не двигаясь с места и размышляя над следующим ходом в этой военной партии, а готский флот бесперебойно снабжал его необходимыми припасами. Ни одна из сторон не желала нанести противнику поражение, форсировав Драко. Из своей летаргической задумчивости Тейя был выведен прибытием сильного флота, вызванного Нарсесом с Сицилии. Запертый в бухте готский флот сдался. После того как Тейя оказался отрезанным от баз снабжения, его положение стало очень серьезным. Наконец, после долгих раздумий он отступил в горы, которые нависают над Соррентинским полуостровом, на гору Лактарий. За ним сразу последовало имперское войско, которое блокировало короля на этой горе. Вероятно, Нарсес приказал обнести гору баррикадой или окопать ее рвом.

На новых позициях Тейю и его готов атаковал только голод. Продовольствие вскоре кончилось, а подвоза провианта не было. Готов перехитрил более умный полководец. Оставался только один выход: рискнуть и сделать вылазку, чтобы попытаться снести кордоны.

III

Прокопий не был свидетелем битвы у горы Лактарий. Его повествование взято из описаний, почерпнутых им у людей, которые могли оказаться ненадежными в смысле своей правдивости, но все они находились под глубоким впечатлением того, что им пришлось увидеть.

Бросив коней, готы стали сражаться в тесном пешем строю. Особенности сражения сделали использование правильных тактических приемов затруднительным, а действия

кавалерии невозможными. Третий день Тейя сражался, прикрываясь щитом, из-за которого поражал противников своим, не знавшим промаха длинным копьем. Когда щит становился слишком тяжелым из-за множества вонзившихся в него стрел, Тейя звал оруженосца и тот подавал королю новый щит... Наконец, когда в щит Тейи вонзились сразу двенадцать копий, оруженосец замешкался, и, пока щит меняли, король был поражен метким выстрелом в грудь.

Голову Тейи насадили на пику, откуда король мертвыми глазами продолжал взирать на сражение.

Не обратив внимания на смерть своего вождя, дружина Тейи продолжала сражаться до наступления полной темноты. На следующий день сражение возобновилось, и только к вечеру, когда пали почти все воины и от дружины остались только оруженосцы, слуги и наемники, готы запросили мира, предложив свои условия сдачи. Они согласились прекратить сражение, если им будет позволено покинуть Италию с движимым имуществом.

Иоанн посоветовал принять эти условия, одобрил их и Нарсес. После того как готы дали клятву никогда больше не поднимать оружие на империю, они были распущены. С их сдачей исчезла последняя организованная сила сопротивления готского народа, долголетней войне был положен конец.

Поскольку не было другого войска, способного бросить римлянам вызов в открытом поле, то падение готских крепостей было предрешенным делом. Франки отказались помочь Тейе и теперь вели себя подчеркнуто дружелюбно по отношению к Юстиниану. Но франкам не нравилось соседство победоносной империи в Италии, и поэтому, хотя формально война не была объявлена, франкские короли сквозь пальцы смотрели на войну необъявленную. Двум братьям, алеманнам Леутару и Букцелину, было позволено заняться тем, что позже называлось флибустьерством. Братьям удалось собрать армию численностью семьдесят пять тысяч человек. Целью этого воинства в большей степени было ограбление Италии, чем нанесение поражения Нарсесу. Поскольку помощь готам стала реальной, их надежды не угасали. Кумы продолжали держаться. Франки вступили в Италию в первую весну после гибели Тейи весной 553 года.

Нарсес выделил отряд для блокады Кум, а сам отправился на север. Отправив Иоанна и Валериана оборонять линию вдоль реки По, Нарсес занялся взятием готских крепостей, и преуспел в этом деле. Осенью после упорного и длительного сопротивления сдалась последняя крепость Лукка. Алигерн, начальник кумского гарнизона, оставив последнюю надежду, прибыл в Равенну, чтобы объявить о сдаче города. Исключением из этой непрерывной череды успехов стали тревожные сообщения о действиях франков. Их войско перешло По и захватило Парму; вследствие этого Иоанну и Валериану пришлось отступить в Фавенцию, которая прикрывала путь к Равенне и Римини.

В целом Нарсес оказался довольно гуманным человеком. Должно быть, он хорошо обдумал положение зимой, так как с наступлением весны приказал отвести полевую армию в Рим. Этим он не нанес никакого вреда крепостям, но мирное население Италии было оставлено на милость франков. Единственным поводом для действий, приведших к усилению страданий невинных людей, было желание Нарсеса спровоцировать франков на активные действия. Наихудшей перспективой стала бы затяжная война. Любая хитрость была оправдана, если она могла привести к решительному окончанию войны.

Хотя Нарсесу пришлось довольно долго ждать исполнения своего желания, но он дождался своего. Франкские силы были разделены. Меньшая их часть, ограбив Апулию и Калабрию, отправилась на север с добычей, часть которой была потеряна после внезапного нападения на франков гарнизона Писаура. Под Венецией, в Ченето, разразилась эпидемия чумы, жертвой которой пал Леутар.

Другая судьба выпала на долю второй части франкского войска. Букцелин довел своих людей до Мессинского пролива. На обратном пути он выслушал своих готских советников, которые обещали ему готскую корону, если он выгонит имперскую армию из Италии. Уверенный в том, что его сил хватит на завоевание Италии, Букцелин принял предложение.

Известие о том, что Букцелин «окопался» в Казилине на Вольтурне, буквально вытолкнуло Нарсеса из Рима. Две армии были почти равны по силе, хотя у франков было больше людей. В Капуе повторилась история Трикамарона. Франки рассчитывали смять центр римского войска грубым натиском, но Нарсес не стал подставлять центр, а на флангах выдвинул вперед конных лучников, которые практически истребили франков. Сообщалось, что из всего их войска уцелели пять человек. Потери имперской армии составили восемьдесят человек.

На сей раз это был конец. У готов больше не было сил воевать, их боевой дух был сломлен. Франки прекратили свои походы в Италию и на несколько лет оставили всякие попытки завоеваний между Альпами и По. Но цель франкских королей была достигнута: была уничтожена мысль о возможности присоединения Галлии к империи. С этого момента никто и никогда не оспаривал прав франков на Галлию,⁵⁵ их политика привела к созданию совершенно другой империи.

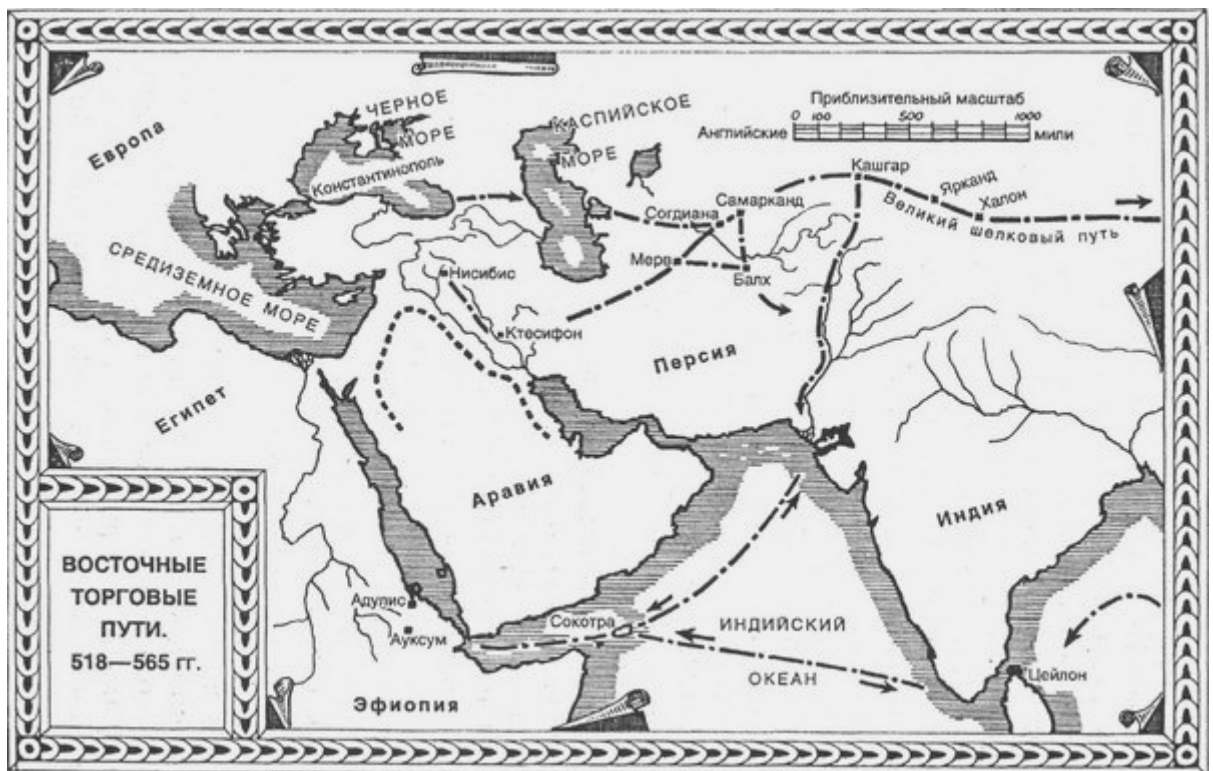
IV

В августе, после разгрома франков, Нарсес получил законодательные установления для устройства Италии. Нарсес провел на Апеннинском полуострове тринадцать лет, он оставался там и после смерти Юстиниана. Он оказался хорошим правителем, мудрым и добрым человеком.

На мир, казалось, опустился летаргический сон. Это состояние вряд ли можно назвать миром. Люди продолжали воевать друг с другом, но угасла жизненная энергия, которая некогда вдохновляла их на подвиги. Борьба стала либо бесцельной, либо была направлена на новые, неизвестные ранее цели. Императору удалось снова присоединить к государству Африку, Италию и часть Испании, был завершён свод римских законов. Хотя это были великие деяния, способные обессмертить имя Юстиниана, но мы не должны забывать, что это были частичные достижения. Великая мечта, притязания юности Юстиниана, дело всей его жизни: восстановление Римской империи, чему было подчинено все остальное, окончилось сокрушительной неудачей. Юстиниан, не дрогнув, смотрел в лицо всем трудностям, возникавшим на его пути по воле Бога и людей; он прошел сквозь огонь, землетрясения, войны, чуму и человеческую ненависть, твердо следуя предначертанному пути; но цель осталась недостигнутой, а силы стали иссякать. Никто не может сказать, что Римская империя, мировая держава исчезла незаметно. Нет, она вела за свое возрождение долгую и величественную битву. Но те люди, которые, подобно историку Прокопию (он стал единственным глашатаем деяний Юстиниана), увидели плоды этой борьбы, крушение судеб и бессмысленную смерть, отшатнулись от этой борьбы со страхом. На их взгляд, великий человек, который вел эту борьбу, был дьяволом, увеличивавшим мучения рушащегося мира. Но император был жив и следовал своему плану; он все еще не сдавался.

V

⁵⁵ Независимость Галлии повлекла за собой независимость Британии. В случае с Испанией история приняла курьезный оборот. Часть Испании была завоевана Либерием в 550 году. Бетика оставалась частью империи на протяжении жизни двух поколений. Но вместе с эпохой Юстиниана ушли в прошлое все попытки завоевания старых имперских областей и восстановления империи в старых пределах. Когда франки взяли на вооружение имперскую идею, времена (благодаря франкскому влиянию) изменились, что привело к созданию иного мира.

За год до разгрома войска Букцелина на Запад был привезен тутовый шелкопряд. Было это в том же году, когда Прокопий закончил писать свою «Историю».

Борьба с Персией носила чисто экономический характер, это были первые ступени конкуренции, которые впоследствии привели западные нации к открытию морского пути вокруг мыса Доброй Надежды в Индию, к открытию Америки и кругосветным путешествиям. В тот ранний период истории торговля шелком играла первостепенную роль в этой борьбе, и экономическая политика правительства Юстиниана была, если можно так выразиться, соткана из шелка. Большинство войн с Персией и Месопотамией велись ради достижения военных преимуществ, за счет которых выторговывались преимущества коммерческие. Правда, успех в этой войне оказался в итоге достаточно скромным. Полный контроль Персии над Шелковым путем из Китая, где находился его единственный естественный источник, делал незыблемым ее положение как монополиста в торговле шелком с Западом. Никакие войны в Месопотамии не смогли изменить это положение вещей.

Можно написать очень интересную и весьма ироничную книгу о том, как близорукая политика приводит к результатам, которых стремятся избежать творцы этой политики. В долгосрочной исторической перспективе Персии следовало бы пользоваться своей монополией в торговле шелком с большей умеренностью, так как ее последствия были настолько серьезны для западных купцов, что заставляли их пускаться на всяческие ухищрения и эксперименты, результатам которых Персии в конечном счете оставалось только завидовать.

В самом начале правления Юстиниана константинопольские купцы при активной поддержке имперского правительства завязали тесные отношения с арабскими и эфиопскими княжествами, расположенными на южных берегах Красного моря. Византийцам удалось восстановить некоторые прямые связи с Индией, которыми обладали их предшественники. Большой порт Адулиса служил одновременно рынком сбыта индийских и африканских товаров, а римские капиталы и римские торговые люди проникали в Индию и Африку.

Но попытки разрушить персидскую шелковую монополию соединением римского капитала и эфиопских агентов оказались бесплодными. Персидские торговые интересы были так сильны, что их практически было невозможно поколебать. После заключения в 532 году

мира с Персией старое положение вещей продолжало существовать без изменений. Такая же обстановка сложилась и на северной границе Персии. Юстиниан всегда опасался оккупации Колхиды Персией, поскольку через Колхиду можно было попасть в Согдиану, минуя персидскую территорию. Едва ли подлинным мотивом щедрого расходования денег, привлечения больших людских ресурсов и преодоления многих трудностей во время войны в Лазике можно считать страсть к овладению скалами Кавказа. Император думал не о славе, а о китайском шелковом рынке.

Внимание Юстиниана к торговым интересам империи в этом районе мира не привело к значительному оживлению торговли во время его правления. Связи с Туркестаном укрепились только при Юстине II. Но косвенным результатом интереса Юстиниана к торговле явилось распространение римской торговли на просторах, занятых пастушескими народами степей к северу от Черного моря, и проникновение в эти страны римского влияния и римских идей. Диким народам стали знакомы многие новые для них понятия и предметы: дороги, средства связи и географические знания. То были провозвестники громадных изменений, совершенно преобразивших Восточную Европу в течение нескольких следующих столетий.

Но до тех пор, пока персидская монополия на торговлю шелком оставалась в неприкосновенности, промышленность и торговля империи постепенно приходили в упадок. Связь между этими двумя предметами заслуживает особого упоминания. Беспокойство Хосру по поводу политических результатов итальянской кампании заставило его в 540 году возобновить войну с Юстинианом. Закрытие персидской границы, последовавшее за объявлением войны, привело к резкому повышению цен на шелк-сырец. По указу императора была фиксирована цена, по которой шелк отпускали частным лицам, на максимально высоком уровне. Но поскольку он не мог контролировать цену сырца, то прибыль упала, шелк исчез с рынка, его производство было парализовано. Секретарь общественного казначейства Петр Барсим отчасти спас положение, взяв под государственный контроль часть разорившихся производств. Теперь это были правительственные шелковые мануфактуры. Таким образом, Петр преобразовал шелковую промышленность в государственную монополию. Эта мера помогла сохранить рабочие места и обеспечить людей куском хлеба.

Но в тот год, когда Леутар и Букцелин вторглись в Италию, был сделан прорыв исторической важности. Два монаха из Хотана⁵⁶ предприняли попытку культивирования тутового шелкопряда и провели опыт выращивания его на римской почве. Они сумели выполнить свою задачу, так как их всячески поддержало имперское казначейство. Яйца шелкопряда были контрабандой вывезены из Китая запечатанными в полом сосуде; за червями ухаживали согласно общепринятой методике, и в Сирии было налажено производство собственного шелка.

Так начались поставки собственного шелка-сырца. Правда, этих поставок было недостаточно для потребностей шелкопрядильной промышленности Римской империи. Хотя до масштабного производства шелка должно было пройти еще много лет, уже тогда стало ясно, что с течением времени персидской монополии на шелк придет конец и на Западе появится сравнительно дешевый шелк-сырец.

VI

Среди прочего Феодора оставила после себя одно важное убеждение — империи необходимо добровольное религиозное объединение. Юстиниан продолжал работать в этом

⁵⁶ Обычно имеют в виду «обитель» Хотан (Прокопий. «История»). Иногда подразумевают Кохинхину, но это маловероятно. Прокопий сообщает нам, что это место особенно высоко почитают индийцы. Уормингтон и Кэри в книге «Древние исследователи» (1929) полагают, что монахи пришли из самого Китая.

направлении и после смерти Феодоры, словно чувствовал, что так он сможет воздать должное уважение ее памяти. В тот год, когда в империи появился шелковичный червь, состоялся второй Константинопольский собор, который считают пятым экуменическим собором.

Возможно, более мудрым решением стало бы оставление дел в том положении, в каком они находились; но Юстиниан был не тот человек, который увиливает от трудностей. Прогресс в деле завоевания Италии продвинул вперед прогресс в деле духовного и нравственного объединения. Задача все равно обещала быть трудной, хотя вопросы были заранее поставлены перед всеми заинтересованными церковными партиями в самой откровенной форме. Но решение стало невозможным, когда проблему нарядили в теологические одежды. Вопрос, который стоил обсуждения, но обещал трудные поиски ответа, заключался в том, должен ли старый Рим занять свое прежнее место в мире и обрести статус былой империи. Но на соборе главным вопросом повестки дня стало обсуждение другой темы: достойны ли церковного осуждения писания Теодора из Морсуэтии.

Мнения Теодора так же достойны потраченного на них времени и внимания человечества, как, например, кроссворды или шарады. Вероятно, труд, затраченный на изучение писаний Теодора, нельзя считать потерянным напрасно. Однако если современный читатель возьмется изучить труды этого богослова, чтобы разобраться в событиях Константинопольского собора, то не найдет ничего, относящегося к истинной проблеме. Объяснение этого странного факта заключается в том, что труды и доктрина Теодора послужили лишь поводом, а не причиной созыва Константинопольского собора.

Мы напрасно потратим время, если начнем искать в творениях Теодора объяснения того, по какой причине папа римский и архиепископ Милана подверглись физическому насилию со стороны стражников. Ни подготовка к проведению собора, ни сам собор не приобрели бы такую форму, если бы Теодор и его писания действительно стали предметом дискуссий. Истинная причина, по которой был созван Константинопольский собор, заключалась в решении ключевого вопроса: кто является источником власти в римском мире? Именно эту тему обсуждали прелаты, собравшиеся в Константинополе.

Рассылали письма с уведомлением епископов о созыве собора, но приглашения получили только прелаты восточных провинций империи. Собор был открыт чтением послания Юстиниана, в котором император перечислил предметы, которые следует рассмотреть собору.

Папа, хотя он в это время находился в Константинополе, проявлял осторожность и избегал появляться на заседаниях собора. Его осведомили о повестке дня, и он ответил, что изложит свои суждения в письменном виде. Как только послание папы было готово, император послал к папе Велизария, который передал ему приглашение посетить собор и отказ императора принимать от папы какие-либо документы. Тогда папа послал письмо Юстиниану с нарочным, но император вернул письмо автору: он не был намерен принимать суждения папы по поводу происходящего.

Когда все устроилось именно так, надо было сделать следующий шаг и перенести военные действия на территорию противника. Юстиниан довел до участников собора хорошо документированный доклад об изменениях позиции папы, о его нерешительности, ненадежности и вероломстве. Письмо императора сопровождалось официальным эдиктом, имеющим силу закона, об отложении папы.

Когда решения собора, одобренные Юстинианом, были приняты, собор закончил свою работу и был торжественно закрыт.

Юстиниан и папа Вигилий жили за много столетий до того, как на свет родились Григорий VII и Иннокентий III. Ни Юстиниан, ни Вигилий ничего не знали о длительной традиции римской церковной власти, так как в их время эта традиция только брала свое начало. Таким образом, они не испытывали влияния предубеждений и старых мнений на этот счет. Их действия проистекали из современной им обстановки.

Если бы решения и дела собора привели к результатам, на которые надеялся Юстиниан,

то его заботы были бы вознаграждены; но на деле все обстояло далеко не так. Император поссорился с христианами Запада, не ликвидировав разрыв с теми монофизитами Востока, с которыми рассчитывал примириться. Папа, больной и встревоженный той очевидной изоляцией, в которой он оказался, приносил извинения и публично каялся; но его собратья — церковники Запада — не спешили поддержать его извинения и покаяние. Весьма сомнительно, что их взгляды, касающиеся воззрений Теодора, основывались на близком знакомстве с его трудами; но было совершенно ясно, что константинопольский император был некомпетентен в постановке вопросов, которые должны были обсуждаться на соборе. Действительным предметом обсуждения была сама компетентность императора в этом вопросе. Если и была власть, способная разрешать сомнения и устранять раздоры, то это была не власть Юстиниана. В этом мнении все прелаты были вполне единодушны. Монофизиты Востока и ортодоксы Запада могли не соглашаться друг с другом в богословских мнениях, но сходились в главном: нет такой власти, которая могла бы одинаково управлять греческим Востоком и римским Западом.

VII

Таким образом, Константинопольский собор принял важное решение, предопределившее окончательный распад Римской империи как мировой державы. Если перестала существовать вселенская власть, к которой могли апеллировать все люди, то и сама империя должна была сложить с себя свои функции. Империя когда-то возникла как воплощение власти, к которой могли обращаться все люди во всем тогдашнем мире. Как только власть была утрачена, неизбежным и близким стал конец империи. В течение последующего столетия монофизитские земли подпали под власть мусульман, а западные королевства образовали новое сообщество наций, созданное на основе ортодоксального христианства. Юстиниан начал с того, что выступил поборником восстановления древних границ империи, и вот что из этого вышло.

Война, комета и чума возвестили о конце судьбоносного периода. Эти годы сопровождалась землетрясениями. Пока Нарсес изгонял Букцелина из Италии, а епископы продолжали живо обсуждать свои беседы на соборе, в Малой Азии произошло катастрофическое землетрясение. В Кизике во время службы рухнула церковь и погребла прихожан под своими обломками. Три года спустя сильные подземные толчки потрясли Константинополь. В тот год, 557-й по Рождестве Христовом, благоприятно для Юстиниана закончилась долгая война в Лазике. Императору удалось отогнать персов от Эвксинского Понта. Формальный мир был заключен только через пять лет, в 562 году. Но когда он все же был заключен, вопрос о Лазике был решен в пользу империи. С войнами было покончено.

Юстиниан старел, и одна за другой, счастливо или несчастливо, разрешались стоявшие перед ним задачи. Рассказ о последних годах императора теряет свою связность. В жизни Юстиниана наступила такая пора, когда его, работой доводившего своих подчиненных до полного изнеможения, придворные вдруг начали находить дремлющим за рабочим столом. В 558 году возникла новая проблема, над которой пришлось поломать голову: рухнул купол Святой Софии. Антемий к тому времени был уже в могиле, но его коллега и последователь нашел интересное, почти гениальное решение и восстановил купол. По этому случаю в храме отслужили торжественный молебен. В том же году Константинополь пережил потрясение иного рода. Котригурские гунны под водительством своего вождя Забергана прошли мимо крепостей Иллирии и внезапно появились у самых ворот великого города. Жены приникли к своим мужьям, купцы принялись прятать деньги в надежные места, а престарелого Велизария снова призвали под знамена спасти отечество. Это был все тот же Велизарий, старый лис, дар которого к военным импровизациям уступал только дару Ганнибала. Не имея почти никакого войска, никаких средств для проведения битвы, он создал бутафорскую армию!

Последняя кампания Велизария показывает его блестящие военные дарования. Под его

началом было триста африканских ветеранов, много добровольцев и толпа крестьян, бежавших в Константинополь из окрестных деревень. Эти крестьяне были рады забить гуннов до смерти кулаками, но для войны землепашцы были абсолютно не пригодны. Никто не знал тактику гуннов лучше, чем Велизарий. Он сам много раз использовал ее со смертоносным эффектом для противников. Теперь ему следовало изобрести метод противостояния тактике, которая в свое время сделала его непобедимым военачальником.

И он с успехом разработал противоядие. Он так маневрировал своим немногочисленным воинством, что заставил гуннов выйти на узкий фронт, который удерживали его ветераны. Прежде чем гунны успели приблизиться, их с флангов атаковали копьеметатели и пращники. В результате гунны инстинктивно сомкнули ряды и не смогли воспользоваться своим излюбленным оружием — луками. Бутафорская армия по-театральному демонстрировала ярость и стремление кинуться в бой. Прежде чем обманутые гунны сумели достичь места, которое казалось им безопасным, они потеряли четыреста человек убитыми. У Велизария потерь не было вообще. Гунны покинули свой лагерь и в беспорядке отступили, думая, что за ними гонится по пятам огромная римская армия.

Эта бутафорская битва оказала большой моральный эффект. Гунны убралась из окрестностей Константинополя и вернулись домой. Но главное значение этой битвы для потомков состоит в том, что она подтверждает военный гений Велизария. Это сражение показало, что Велизарий умел справиться с такими тактическими решениями противника, которые часто помогали ему самому громить врагов. Юстиниан выкупил пленников, уведенных гуннами. Потом он написал Сандихлю, вождю соперничавших с котригурами утургурских гуннов, письмо, в котором указал, что у котригуров есть много денег, которые по праву должны принадлежать Сандихлю. Последний сразу понял намек и не стал даром терять время. Он переложил деньги в свои тайники, попутно практически истребив враждебное племя. Никто не стал плакать по этому поводу; кажется, мир не слишком обеднел от этой потери.

VIII

Во все эпохи большинство людей живут и умирают, не составив определенного суждения о своих правителях. Юстиниан никогда не относился к тому типу государственных деятелей, кто возбуждает восторг народа. Его добродетели не относились к тому виду добродетелей, которые любит простой народ. Недостатки его были странными и трудными для понимания. В большинстве случаев вердикты о таких людях, переживающие время, бывают оставлены нам образованными людьми; более того, людьми, обладающими даром слова. Прокопий, подобно Тациту, обладал способностями передать свое мнение потомкам.

Год, в который был подписан мир с Персией и поставлена печать, закрепившая успехи императора в Лазике, был отмечен еще некоторыми примечательными событиями. Некий Прокопий стал префектом Константинополя; возможно, это был наш историк.

Покинув дом Велизария, Прокопий получил должность от императора, который ценил Прокопия как историка и любил его литературный стиль. Работа над «Строениями Юстиниана» была завершена в 560 году. Это обзор архитектурной деятельности императора, остающийся до сих пор работой первостепенной важности. В своей истории Прокопий весьма уклончиво отзывается о характере и политике Юстиниана. В своей работе о зданиях Константинополя он не скупится на самые горячие похвалы. Он получил за это награду, заняв через два года важную должность префекта.

Прокопий не сжег рукопись «Тайной истории», которую старательно писал в качестве своеобразного приложения к своей «Истории». В то время как «Строения...» полны самой пылкой лести, вторая рукопись была заперта в надежном месте, где ее разыскали спустя одиннадцать веков после смерти всех заинтересованных лиц. Пока престарелый император готовил диплом, согласно которому Прокопий получил чин префекта, будущий префект, возможно, в который раз просматривал свою тайную рукопись, внося исправления и

дополнения в историю о демоне-императоре и развратнице-императрице, вставляя в нее новые сказки об их пороках и беззакониях.

Совсем не случайно, что историк не осмелился при жизни опубликовать книгу, содержащую голословные утверждения. Большинство современников были бы так же удивлены, прочитав ее, как и мы с вами. Большинство знавших Юстиниана людей стали бы отрицать, что у императора была привычка расхаживать по дворцу без головы. Что касается друзей Феодоры, то они, несомненно, сожгли бы книгу, не дочитав ее до конца. Но каким бы неблагодарным, неразумным и не заслуживающим доверия ни был Прокопий, своим творением он отразил широко распространенное тогда недовольство, тяжелое крушение иллюзий. Ему удалось передать это чувство в символической форме; это была истина, непосредственное выражение которой было ему не по плечу.

Это чувство было недоступно Прокопию из-за своей тонкости и неуловимости, возможно, оно было неуловимо для любого человека того времени. Есть определенные условия, когда сила является исцеляющим средством. В некоторых обстоятельствах война может предотвратить распад и воссоединить государство... Но Юстиниан совершил фундаментальную ошибку, полагая, что войной сможет воссоздать Римскую империю. Разложение империи уже миновало тот поворотный момент, когда война могла быть целебным средством. В этом случае необходимо было проявить терпение, нужно было время, торговля, взаимные уступки и переплетение дружественных контактов, чтобы восстановить и поддерживать единство, которое в более ранние времена было достигнуто именно такими средствами. Война лишь усилила распад, который Юстиниан был намерен исцелять. Юстиниан допустил роковую ошибку и в том, что продолжал упорствовать даже тогда, когда все доводы разума восставали против его политики. Из-за того, что он сделал то, что сделал, и мыслил так, как мыслил, дар политического единения был отнят у Европы, которая не обладает им и поныне. Но всего этого Прокопий не умел высказать прямыми словами.

Поэтому до нас дошли два портрета. Один портрет императора-демона, написанный Прокопием, и другой — портрет великого божественного человека, мудрость и широта мышления которого заключаются в одном слове: «Юстиниан». Но это был один и тот же человек.

IX

Все были настолько подготовлены к скорому уходу Юстиниана из жизни, что нескольким придворным пришло в голову, что старика следует немного поторопить. Группой каких-то темных личностей был составлен заговор. Императора хотели убить в часы его отдыха, когда он, по обыкновению, оставался один в своих покоях. Заговор был раскрыт и подавлен. Вероятно, никто не запомнил бы подробностей судебного разбирательства этого дела, если бы не выяснилось, что в заговоре самое активное участие принимали двое слуг Велизария — его управляющий Павел и еще один человек. Они были арестованы и на допросе показали, что действовали по прямому указанию своего господина.

Пятого декабря было созвано заседание сената, и в тот же день Юстиниан положил перед сенаторами признания арестованных заговорщиков. В чем заключались эти признания, в какой степени они задевали Велизария, мы не знаем. Когда Велизарий узнал, что против него выдвинуто обвинение, он пал духом. Ему было приказано распустить свиту и сесть под домашний арест, он безропотно подчинился. По всей вероятности, он повел себя не очень достойно, что дало повод усомниться в его невиновности. Однако история его жизни, его характер, готовность, с какой он подчинился наложенному на него наказанию, смягчили сердце Юстиниана и умилили раздражение, которое он испытывал. В июле, после семи месяцев опалы, Велизарий снова был принят при дворе, и инцидент посчитали исчерпанным.

После этого потрясения Велизарий прожил еще один год и девять месяцев. Он умер в марте 565 года, окруженный почестями, сохранив все свое имущество и расположение

Юстиниана. В то время ему было не больше пятидесяти семи — пятидесяти восьми лет, возможно, он был еще моложе. Он практически единственный человек, упомянутый в «Anecdota» Прокопия, о котором автор не сказал ни единого дурного слова. Напротив, Прокопий рисует благоприятный портрет: высокий, красивый мужчина, умелый и рыцарственный воин, верный муж, вождь, любимый последователями и всеми, кто его знал; этого человека никогда не видели пьяным или высокомерным по отношению к другим... Вероятно, Антонина умерла раньше Велизария, так как после его смерти имущество досталось императорской казне и было размещено во дворце Марины.

Х

Со смертью Велизария, казалось, порвались последние нити, связывавшие Юстиниана с миром живых. Спустя восемь месяцев, 14 ноября 565 года, Петр Саббатий, фракийский крестьянин и великий император Юстиниан, присоединился к могучей когорте своих друзей и последователей, сделавших его царствование памятным. Ему было восемьдесят три года.

Естественным наследником стал Юстин, племянник императора, сын его родной сестры Вигиланции. Пока был жив Юстиниан, он твердо держал в руках верховную власть, и Юстин довольствовался скромным достоинством патриция. Он был женат на племяннице Феодоры Софии, дочери Ситта и Комито. Держась все время около персоны императора, он был в курсе всех придворных дел и в случае своего прихода к власти мог заручиться поддержкой необходимых союзников, с которым заблаговременно свел дружбу. Юстин стал новым императором без затруднений, а новая императрица София положила на гроб Юстиниана пурпурное имперское покрывало, на котором золотыми нитями были вышиты изображения трудов и подвигов Юстиниана. То была благодатная тема для художника. Воображение славно поработало над сценами, которые должны были следовать одна за другой по краю надгробного савана: Гейламир, склонивший голову перед императорским тронem; Витигис, едущий верхом по улицам Константинополя; Хосру, постыдно уходящий от Эдессы; Тотила, бегством спасающий свою жизнь; крепости, выстроенные в Африке; шелковичный червь, разводимый в Сирии; корабли, бороздящие моря. Однако не так важно было то, что изображено по краю покрывала, главное находилось в центре — там был изображен Юстиниан, приказывающий составить свод римских гражданских законов. Все остальное было романтическими приключениями Юстиниана; кодекс стал его прочным успехом, оставшимся в веках и памяти потомства.

XI

Прокопий, заключая труд всей своей жизни, заметил, что всю правду узнают тогда, когда демон умрет или исчезнет в зловонных испарениях серы. Демон умер, но никаких разоблачений не последовало. Казна была не так уж полна, но таково было ее обычное состояние.

Та правда, которую мы знаем, появлялась на свет божий постепенно. Стало фактом, что Римская империя больше не мировая держава, а мир перестал быть миром Августа... Прокопий писал на языке Фукидида, но материалом его истории служил мир Фруассара.